

НОВАЯ ПОЛЬША

№6₍₄₃₎

2003

Виталий Портников ДНЕВНИК

Владислав Броневский СТИХИ ИЗ БУТЫРОК

М.К.Дзевановский – ПОВЕСА, КАВАЛЕРИСТ, ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ

ГЖЕГОЖ ПШЕБИНДА О КНИГЕ АНДЖЕЯ ВАЛИЦКОГО

Поляки, строившие Ирак

Рассказы Зигмунта Хаупта

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Poczta Polska
głównym
sponsorem
roku jubileuszowego BN

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6(43)
2003
ИЮНЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Виталий Портников ИЗ ДНЕВНИКОВ ПУБЛИЦИСТА	3
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	9
	Катажина Выпустек-Зухович ПОЛЯКИ, КОТОРЫЕ СТРОИЛИ ИРАК	15
	НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ Ежи Ятшембовский ПОВЕСА, КАВАЛЕРИСТ, ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ	18
	Мариан Камиль Дзевановский МОЙ УЧИТЕЛЬ	20
	Марек Карпинский ДОЛГ ТОЛМАЧА	20
	Петр Мицнер УЗНИК ИСТОРИИ	24
	ЦЕНТРАЛЬНУЮ ЕВРОПУ НЕ ПОЛИТИКИ ПРИДУМАЛИ <i>Беседа с профессором Антоием Подразой</i> наши люди	30
	Рышард Шавловский РАФАЛ ЛЕМКИН — СОЗДАТЕЛЬ ПОНЯТИЯ «ГЕНОЦИД»	34
	Анджей Стасюк ЗИГМУНТ ХАУПТ	39
	Зигмунт Хаупт MEINE LIEBE MUTTER, SEI STOLZ ICH TRAGE DIE FANNE	43
	Зигмунт Хаупт БУМАЖНЫЙ ПЕРСТЕНЬ	46

	СТИХОТВОРЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ	49
	Лешек Шаруга УЧЕНИКИ ЧАРОДЕЯ	49
	Гжегож Пшебинда КАТОЛИЧЕСКИЕ ТЕМЫ АНДЖЕЯ ВАЛИЦКОГО	61
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	65
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	68
	Валерий Мастеров БОЛЬШОЙ ТЕННИС ПРОПИСАЛСЯ НА «ВАРШАВЯНКЕ»	72
	ИСКУССТВО НЕ НЕВИННО <i>Беседа с Эвой Курьлюк</i>	74
	ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ	80

Переводчики: А.Базилевский, А.Блинов, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, К.Старосельская, С.Филипчак, Е.Шиманская.
 Фото ©: Archiwum (стр. 18, 19, 30, 48), Amnesty International (стр. 39), E.Kuryluk (стр. 74, 76, 77).

Редакционный совет

Стефан Братковский
 Хенрик Возняковский
 Наталья Горбаневская
 Ежи Ключовский
 Кароль Модзелевский
 Януш Тазбир
 Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
 Никита Кузнецов
 Виктор Кулерский
 Янина Куманецкая
 Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
 Кристина Пашек (секретариат)
 Гжегож Пшебинда
 Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
 Станислав Филипчак
 (ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
 Дмитрий Шевионков-Кисмелов
 (главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
 02-086 Warszawa
 Ал. Неподлеглости, 213
 02-086 Варшава
 тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
 факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
 e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
 ул. Большая Переяславская,
 д.15, кв. 49
 тел.: 280-83-52
 e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
 Министерства Культуры
 Республики Польша
 Тираж 4800 экз.

Виталий Портников

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПУБЛИЦИСТА

Часть третья

2002 ГОД

Март. ВАЙДА

76-летний Анджей Вайда решил открыть собственную школу кинорежиссуры. Одновременно он экранизирует «Месь» Александра Фредро — после недавнего триумфа «Пана Тадеуша» это для Вайды будет уже второе обращение к польской классике, с той лишь разницей, что если Мицкевича он проиллюстрировал, то Фредро придется открывать даже полякам.

Однако я задумался о другом: что важнее для будущего национальной культуры — лента Вайды или школа Вайды? Конечно, я не собираюсь эти два понятия противопоставлять. Но о них стоит говорить хотя бы на фоне дискуссии о «Мазепе», разгоревшейся на Украине еще до выхода фильма Юрия Ильенко на широкий экран.

Почти никто не скрывает, что эта лента — в определенной степени наш ответ центральноевропейскому «киночемберлену» в лице Ежи Гофмана, Анджея Вайды или даже Никиты Михалкова с его голливудско-православными блокбастерами. Но в попытке понять, стал этот ответ адекватным или, наоборот, продемонстрировал миру всю профессиональную несостоятельность украинского кино, никто не задумывается над вопросом: а кто же будет снимать фильмы после Юрия Ильенко? И кто в них будет играть после Богдана Ступки или Ады Роговцевой?

Как Анджей Вайда — патриарх «великого стиля» польского кинематографа времен сопротивления социалистическому идиотизму, так и Юрий Ильенко — тот, кто остался от эпохи даже не школы, а стиля украинского поэтического кино. Сейчас можно долго спорить, как же оно таким получилось — живой и неукротимой альтернативой лубочным «довженковским» лентам. Однако эти споры — на могилах Ивана Миколайчука или Сергея Параджанова. Вайда и Ильенко более естественно подходят к финалу своей блестящей карьеры... Но Вайда хотя бы думает, кто будет снимать после него. Он приглашает в свою школу Агнешку Холланд, Кшиштофа Занусси и других знаменитых. Он обещает пригласить на третий сезон группу молодых людей из России, Украины и Литвы... И подчеркивает, что ищет не просто режиссеров, а талантливых режиссеров...

Разумеется, можно считать, что наших талантливых режиссеров подготовит институт Карпенко-Карого, одно из многих высших учебных заведений, всей

своей историей доказавших, что человеку можно выдать хоть пять дипломов, но если при этом Бог не захочет сделать его талантливым и вдохновенным — не поможет никакой ректор, никакие связи... В советские времена мы могли ждать годами, если не десятилетиями, что «кто-то» там появится, а еще «кто-то» вернется из Москвы, наученный ВГИКом, — вот тебе и украинское киноискусство, добро пожаловать в холодные павильоны киностудии имени Довженко... Но сейчас речь не о конвейере нашего кино, а о его выживании в непростой конкуренции не только с «большим» Голливудом, но и с маленькими соседними киногосударствами. Возможно, следовало бы все же расходовать деньги не на доказательство наших сомнительных блокбастерных возможностей, а на поиски, на создание школы мастеров, которая позволяла бы талантливому человеку сделать выбор между официальным образованием и творчеством? Или подождем, пока наши таланты раскопают и обучит Вайда?

...Я был в Македонии, когда фильм местного режиссера Милчо Маневского, не патриарха, а молодого человека, получил «Золотого льва» на Венецианском фестивале. Фильм «Перед дождем» был не блокбастером, рассчитанным на огромный коммерческий успех, а просто удачным произведением, показавшим еще неизвестную Европе традицию македонского национального кинематографа. Разумеется, Милчо Маневский работает не в Скопье, портфель министра культуры Македонии его едва ли интересует... Но как-то так удивительно сложилось, что кино маленькой Македонии, без какой-либо устоявшейся традиции, мир знает намного лучше, чем кинематограф страны, студии которой еще помнят глаза Веры Холодной...

Апрель. ДЕНХОФФ

В одном из украинских журналов увидел некролог легендарной немецкой журналистки Марион Денхофф. И отметил про себя, что украинский читатель хотя бы из некролога сможет узнать о жизни этой невероятной личности. Увидев за несколько дней до этого прощальную статью о Денхофф на страницах «Таймса», перечитал ее несколько раз, чтобы попытаться решить для себя уравнение этой жизни. Некролог читался как детектив, жизнь казалась сюжетом для авантюрного романа — а между тем передо мной был спокойный текст в классической газете. Раньше я знал о Марион Денхофф только из лекций по истории журнали-

стики. Потом встречал ее фамилию, интересуясь польско-немецким диалогом. Но как-то не представлял себе, что в ее жизни все так сошлось, — и рождение под Кенигсбергом, и участие в восстании против Гитлера, и покинутая родина, и спрятанный в разрушенном имении памятник Канту, стоящий сегодня на своем месте в Калининграде, и новое лицо «Цайта», способствовавшее созданию образа гуманистической Германии Вилли Брандта, и книга о Польше, и звание почетного доктора Калининградского университета... Марион Денхофф сыграла в истории польско-немецких отношений такую же роль, как в истории отношений польско-украинских сыграл Ежи Гедройц. Я имею в виду прежде всего воспитание элиты, борьбу с болезненным и пренебрежительным отношением к соседнему народу. Марион Денхофф действительно утратила родину — Восточную Пруссию — вследствие II Мировой войны. Ее многолетняя борьба с фашизмом закончилась бегством из разрушенного Кенигсберга в разрушенный Гамбург... Но она сделала из этой личной трагедии вывод интеллектуала, создав газету, которая старалась вылечить больное всеми послевоенными недугами немецкое общество. Вылечить гуманистическим видением будущей Европы. Вылечить убеждением в том, что поляки в Данциге, ставшем Гданьском, россияне в Кенигсберге, ставшем Калининградом, литовцы в Мемеле, ставшем Клайпедой, — не извечные враги, а вечные соседи новой Германии. Что теперь цивилизация Восточной Пруссии, казалось бы, утраченная и разрушенная, просто будет иной — прусская земля осталась без графини Денхофф, но запомнила ее...

Поднятая над историческим унижением — это нечто большее, чем забыть об унижении личном. Это меняет страны и народы. Марион Денхофф еще успела увидеть, как ее представления о будущем поляков и немцев стали нормой в восприятии обоих обществ, как Германия и Польша стали частью одного мира, одной цивилизации... С ее родным Кенигсбергом сложнее — казалось бы, в Калининградской области некому грустить по утраченному миру. Но за несколько недель до смерти Марион Денхофф я листал антологию российской провинциальной литературы. Дошел до страниц авторов из Калининградской области — и до сих пор не могу забыть несколько строк и образов. Это была российская литература, да, но уже и литература Кенигсберга, переполненная подсознательной ностальгией по утраченному миру, которого не могли помнить и видеть авторы-калининградцы... В их стихотворениях как будто снова вставал из руин семейный замок графов Денхофф, и хрупкая девочка спешила к книжному магазину на центральной улице Кенигсберга... Звонки трамвая, туристические группы в Королевском дворце... Город, которого скоро не будет, который останется только в памяти Марион Денхофф и в воображении российских поэтов Калининграда... Оказалось, что ощущение истории и ответственность за ее наследие сильнее всех катастроф прошлого столетия.

Апрель. ВАРШАВА

Первое впечатление от приезда в Польшу — неожиданное, ибо... белорусское. Уже в самолете вижу на первых полосах польских газет, прежде всего «Газеты wyborczej», материалы, посвященные участи одной из последних независимых белорусских газет — гродненской «Пагони». Журналисты «Пагони», которым грозит судебный процесс за «клевету» на президента Лукашенко и окончательное уничтожение их издания, обратились к главному редактору «Газеты wyborczej» Адаму Михнику с просьбой о помощи. Впрочем, одной лишь журналистской поддержкой дело не ограничилось: в защиту «Пагони» выступила канцелярия президента Польши, министерство иностранных дел, польский поэт и нобелевский лауреат, один из самых уважаемых интеллектуалов Центральной Европы Чеслав Милош... Интересный вопрос: почему журналисты из Гродно обратились в Варшаву, а не в Москву или Киев? Только потому, что Польша ближе, или все-таки потому, что осознают равнодушное отношение соседей к нынешним проблемам белорусов? Не к поцелуям с Лукашенко или поискам трудных вариантов экономического сотрудничества со страной без экономики в цивилизованном значении этого слова, а к их мытарствам, эрозии общества и культуры, гастарбайтерской нищете...

Можно, конечно, сказать, что полякам намного лучше, чем нам, известна цена свободы и важность свободной прессы для нормального развития страны — поэтому они и приняли проблемы газеты «Пагоня» близко к сердцу. Но дело все-таки не только в этом. Ответ относительно причин польской заинтересованности — и официальной, и общественной — я нашел у комментатора газеты «Жечпосполита» Бронислава Вильдштейна. «Польша, — отмечает он, — должна стать для белорусов местом созидания независимой культуры и помогать этому делу. Она станет капиталом в польско-белорусских отношениях тогда, когда Лукашенко уже не будет»...

Так, сознательно или подсознательно, польское общество работает на будущее своих добрых отношений с соседней страной. А мы своим равнодушием ежедневно, ежемесячно только расширяем будущую пропасть. Россия может в этой ситуации «успокаивать» себя мифом о союзном государстве. Она очень провинилась перед Белоруссией своей поддержкой — только ради этого мифа и имперской ностальгии — несовременного, откровенно реакционного, необразованного и уже практически мертвого лукашковского режима. Да, это тот случай, когда мертвый хватает живых, однако режим Лукашенко не вечен, и после него Белоруссия станет страной, невообразимо далекой от своего восточного соседа, обиженной и удивленной. Мы должны осознать это уже сейчас, тем более что у Украины нет никакого мифа хотя бы для искусственного оправдания... Мы должны быть

обеспокоены белорусской судьбой если не как собственной, то по крайней мере как близкой. Было бы неплохо, если бы мы вышли из дебрей наших разочарований совместно, оставив где-то в ее чаще наших эгоцентричных поводырей. Никто еще не предлагал — вместе с новой Белоруссией в Европу?

Май. КАНОВИЧ

Во время последнего пребывания в Киеве в ящике своего письменного стола неожиданно натолкнулся на небольшой конверт с несколькими пожелтевшими письмами. Это то, что осталось от моей еще детской переписки с Григорием Кановичем, вильнюсским писателем, писавшим на русском языке еврейские романы... Это потом я узнаю, что существует даже такой литературоведческий термин — «русская еврейская литература». А пока я стою в очереди в один из вильнюсских книжных магазинов. Начало 80-х, ласковое литовское лето, я не очень понимаю, «что дают», но впервые нахожусь в очереди, состоящей почти исключительно из одних евреев... Мне посчастливилось: тогда в Вильнюсе я приобрел, возможно, лучший из романов Кановича — «Слезы и молитвы дураков». В нем говорилось о местечке, однако, скорее всего, он был о мире. «Шел дождь, и умные сидели дома» — на всю жизнь я запомнил последнее предложение этого романа. Возможно, именно благодаря этой книге я понял, что большой мир может прятаться в наименьшем из местечек и в самом невзрачном из домиков. И что местечко может быть столичным, а напыщенный мегаполис — провинциальным... Тогда это было предположение, с годами оно подтвердилось практикой, и сейчас я — неутомимый путешественник по маленьким городам, по местечкам других, если мои уже покрыло пылью неумолимой истории.

Потом была переписка. Я прислал в Вильнюс, кажется, стихотворение на еврейскую тему — очень юношеское, но — на украинском языке... Впрочем, если подумать, «украинская еврейская литература» — такой же литературоведческий термин, как российская или польская... Я был удивлен, что мне ответили. С годами, после знакомства с Кановичем, я понял, что он живет не только своими произведениями, но и этими письмами, что я был одним из жителей мира его адресатов... Это был странный мир — популярные актеры и писатели, герои социалистического труда и ветераны войны соседствовали в нем со школьниками и студентами, те, кто еще разговаривал на идише, — с теми, кто готов был изучать иврит и ехать в Израиль... Впрочем, мы писали не Кановичу, подсознательно обращаясь к разрушенному миру, который на какое-то мгновение приходил в движение и жил на страницах его книжек. Мы обращались к памяти в себе — тому, что называется национальной памятью, тому, что не позволит ни одному из нас спокойно пройти мимо Бабьего Яра или

изучать расписание железнодорожных составов на Освенцим... И он, отвечая каждому из своих адресатов, обращался скорее к себе, к своей памяти, которая и принуждала его писать и издавать свои еврейские книжки в литовских издательствах, находившихся в совершенно реальном Советском Союзе...

С годами письма уступили место встречам, Кановича стали издавать не только в Вильнюсе и Тель-Авиве, но и в Москве, на полках книжных магазинов его произведения начали соседствовать с книгами Зингера и других летописцев еврейского местечка, недоступных советскому читателю... Мне все-таки не давала покоя мысль, что Канович был не просто летописцем утраченного, а прежде всего человеком, старавшимся прорваться сквозь нашу растерянность перед потерями. Возможно, именно поэтому он оставил Вильнюс и поселился под Тель-Авивом. Наша последняя встреча состоялась там, во время моего первого путешествия в Израиль. Я был измучен Иерусалимом и взволнован страной, увиденной вокруг него. И мне важно было узнать, что теперь скажет мне человек, всегда звавший меня жить в этой стране.

Канович казался усталым. У него был вид человека, который ищет свое местечко и не может его обнаружить. Но он сказал мне: возвращайся, а я буду жить здесь за тебя, если уж тебе так важно быть здесь. И написал эту фразу на первой странице подаренной мне книги.

На самом деле можно было уже ничего не искать. Мудрость его местечка и тысяч местечек, сожженных и заасфальтированных, продолжала жить, витать в воздухе, перелетать из Восточной Европы на Ближний Восток и возвращаться... Печальная мудрость чудаков замкнула какой-то круг нашего диалога, круг споров, мечтаний и сомнений. Я возвратился в Киев.

Июль. ПОМЯНОВСКИЙ

Дискуссия с профессором Ежи Помяновским, учредителем и главным редактором журнала «Новая Польша». Помяновский, один из ветеранов гедройцевской «Культуры» и переводчик «Архипелага ГУЛАГ», считает, что его журнал должен быть рассчитан прежде всего на читателя-интеллигента. Вспоминаю журнал «Польша» советских времен — он был цветным, массовым и бессодержательным. «Новая Польша», которой не увидишь в киосках — только в Польском культурном центре, библиотеках и... книжных магазинах самой Польши, где все же больше читают по-польски, чем по-русски, — журнал черно-белый. Мастерски выполнен, немного «высоколоб» и, очевидно, скучен для массового читателя.

Ежи Помяновский считает, что «интеллигенция» — слово прежде всего русское и польское, не западное, и поэтому нет ничего удивительного в стремлении польской интеллигенции обращаться к российской... Я, от-

кровенно говоря, с такой этимологией не согласен. Для меня «интеллигенция» — слово не столько русское или польское, сколько социальное: придуманное в свое время позабытым теперь писателем Бобрыкиным, оно точно отражало отличие в отношении к образованным, мыслящим людям на Западе и в Российской империи. Эта империя и развивалась как государство, где образованием и индивидуальным видением мира откровенно пренебрегали как аристократы, так и народ. Традиция перешла в большевистские времена, когда невежество стало наиболее позитивной характеристикой власть предержащих, а главным героем мифологии нового государства стал «его величество рабочий класс». Интеллигенция не была провозглашена «прослойкой» — она скорее осталась ею с имперских времен... Поэтому таким нужным для советской интеллигенции было ее преобразование в своеобразную касту, стремящуюся защититься этим чувством обособленности от власти сверху и от обожествления «его величества». А после II Мировой войны к советской интеллигенции примкнула и «польская социалистическая».

Несколько дней назад российский поэт Андрей Вознесенский сказал, что интеллигентов становится все меньше, но он все больше видит рядом «интеллектуалов западного типа». Возможно, это отражает серьезную болезнь российской — и постсоветской, и постсоциалистической — интеллигенции, но свидетельствует о том, что общество начало выздоравливать. Интеллигенции, такой прекрасной и такой ужасной, такой сильной и такой несчастной, скоро не будет. Останутся интеллектуалы западного типа — просто потому, что в новом обществе образованность и умение мыслить уже не будут значить «неделанность», а станут синонимами успеха, удачной административной, творческой или политической карьеры, умения влиять на свой мир. Интеллектуалу уже не нужно будет обособлять себя от общества — наоборот, он будет стремиться приблизить это общество к собственному пониманию жизни. Однако такой интеллектуал будет более холодным, прагматичным, способным на расчет, — достаточно посмотреть мастерски сделанные ленты интеллектуала Альмодовара, чтобы понять, чем они отличаются от фильмов интеллигента Тарковского... Но Альмодовара больше смотрят, а на языке цифр это говорит не только о доходах, но и о том, что намного больше людей получают шанс стать немножко лучше...

Другой вопрос: какими должны быть журналы и газеты, телевидение и радио для интеллектуалов? Ведь в нашем обществе до сих пор ориентируются или на сто экземпляров для умирающей интеллигенции, или на миллион для торжествующего массового читателя. Умение находить «золотую середину», беседовать с наиболее активной частью общества — теми же интеллектуалами и одновременно с теми, кто прислушивается к ним, — пока не пришло.

Сентябрь. КРИНИЦА

Во время пребывания в Польше пристально наблюдаешь за событиями здесь, и уже поэтому лучше понимаешь, какова система власти, как разделяются функции и полномочия президента и правительства, правительства и парламента... Но, возможно, именно потому, что следишь еще и за украинскими событиями, за непрерывным продвижением вперед, к парламентской республике, — вспоминаются только политические анекдоты... Например, как польские левые во главе с неутомимым Александром Квасневским разработали — имея большинство в парламенте — конституцию, сильно ущемляющую полномочия президента страны, непредсказуемого патриарха «Солидарности» Леха Валенсы. А потом Квасневский выиграл президентские выборы, а левые проиграли выборы в парламент, вот так! Или некий молдавский сюжет — как молдавские политики, которым надоело зависеть от договоренностей с одним человеком, да еще и таким комбинированным, как Петр Лучинский, разработали проект парламентской республики. А выборы в парламент взяли да и выиграла коммунисты, и где сейчас все те активисты парламентской республики? На митингах перед парламентом, а некоторые даже и без фирм остались, ужас какой!

Но если серьезнее: чем все же Польша отличается от Молдавии? Не только проведением здесь реформ, но и существованием — даже во времена социализма — определенного политического общества. Поэтому даже сейчас, когда левые снова при власти в парламенте, президент Квасневский придерживается объема собственных полномочий, и никто в Польше не хотел бы, чтобы было иначе. А вот, скажем, в Югославии все поняли, что у президента страны крайне незначительные конституционные полномочия, только после поражения Слободана Милошевича: во времена его правления большинство населения даже и не задумывалось над тем, что президент действует практически вне законодательного поля СРЮ.

Поэтому на самом деле абсолютно не имеет значения, какая форма правления в государстве — президентская, парламентская, парламентско-президентская... Главное, чтобы общество это государство, его аппарат управления контролировало. А для этого необходимы две вещи, на Украине сегодня на самом деле отсутствующие, — собственно общество и собственно государство. Население в большинстве своем относится к собственному государству индифферентно — оно неожиданно в нем оказалось и до сих пор считает, что государство должно заботиться о нем, а не оно о государстве... Государство — в его политическом измерении — сегодня кажется ареной борьбы местечковых бизнес-элит, которые — для того чтобы было понятно населению и окружающему миру — называют себя властью, оппозицией, конструктивными силами, социалистами, даже коммунистами. Все эти псевдонимы и

должности на самом деле скрывают желание одних и в дальнейшем контролировать «финансовые потоки», то есть использовать не реформированную до сих пор экономику для получения не совсем законной прибыли, и желание вторых нивелировать первых или хотя бы принудить их поделиться возможностями легкого заработка. В свете этой борьбы гигантов лозунг парламентской республики — и когда его выдвигала оппозиция и полуоппозиция, и когда его перехватила власть — кажется лишь инструментом в лоббировании «деловых» интересов и окончательном закреплении результатов сегодняшних достижений.

Сентябрь. НОВЫЙ-СОНЧ

На еврейский Новый год я решил сделать себе маленький подарок — посетить знаменитые галицкие городки Новый-Сонч и Старый-Сонч. Все же какой-то странный регион — Галичина: и восточная — украинская, и западная — польская. Здесь и украинские — православные и греко-католические — деревянные церкви в окрестностях Криницы, и польские костелы, и синагоги, имеющие такое мистическое значение для местных евреев, что даже после переселения в Израиль они создали в Нетании район Кирьят-Сонч — просто Новый-Сонч на иврите... Вспоминая все это, я добрел до древней новосончской синагоги. Конечно, сегодня это уже не синагога — еврейского населения в Сонче практически не осталось. О том, что оно было, напоминает разве что эта синагога с мемориальной доской погибшим жителям города... В ней сейчас галерея, но здание как-то удалось полностью сохранить и архитектурную «внешность», и атмосферу синагоги. Только для того чтобы попасть в древнюю синагогу, нужно приобрести билет на выставку, посвященную деятельности католических орденов в Новом-Сонче...

Выставка неожиданна: ты заходишь в помещение синагоги и видишь икону Богоматери. Конечно, можно сколько угодно убеждать себя, что это уже не синагога, а только галерея в польском городе, что это только тень синагоги. А атмосфера тем не менее другая, не галерейная. И как-то странно чувствуешь себя, ибо нужно еще привыкнуть к иконам в синагоге. И снова убедиться, каким непостоянным и синтетическим является наш мир, в котором давно уже нет «своего» и «чужого». Осознание этого зависит только от твоего собственного выбора: можно, конечно, с непониманием отнестись к кумирам в синагоге и гордо выйти прочь. А я, наоборот, ощущал себя человеком, которому впервые удалось отпраздновать Новый год с Богоматерью, — тем более что за свою жизнь она знала об этом празднике намного больше, чем я, и ждала его как единственный Новый год — для другого ей нужно было еще родить. Меня пленило особое ощущение — ощущение хрупкости и прозрачности мира. Такой мир можно или любить таким, какой он есть, или ненавидеть, создавая

цивилизационные границы, разобщая людей разных верований и национальностей. Ненависть, возможно, даже более сильное чувство, нежели любовь: я подумал, что год назад, 11 сентября, мы видели на наших экранах модель гибели нашего мира, разделенного, взорванного и жестокого в своей неумолимой реальности. А здесь, в старинной синагоге маленького польского города, рядом с иконой Богоматери, я неожиданно увидел модель его рождения...

Ноябрь. КРАКОВ

В «Польских воспоминаниях» Витольда Гомбровича есть эпизод о первом посещении Кракова, поразившего его какой-то аффектированной, экзальтированной «польскостью» соотечественников. «Должен ли я был забыть здесь о мире и замкнуться в своей польскости?» — спрашивал у самого себя Гомбрович где-то на ступенях к Вавелю...

Времена меняются. Вероятно, Краков как был, так и остался самым польским из всех посещаемых мной городов, однако мне ни разу не приходилось совершать в этом городе выбор Гомбровича — Польша или Европа, Польша или мир? С первого дня в Кракове, с призабытого уже почти знакомства с этим городом, я чувствовал себя здесь не просто в Польше, но и в Европе, может даже — прежде всего в Европе. И должен засвидетельствовать, что видел в Польше достаточно городов, намного менее польских и намного менее европейских. Возможно, за шесть десятилетий до этого, когда в Краков приехал Гомбрович, большой город был лицом довоенной Польши, болевшей всеми болезнями европейского континента тех времен, и прежде всего — болезнями изолированности и второстепенности. В зарубежных туристах тех времен чувствовались завтрашние солдаты, уже готовые к бою за унификацию — за «запад» по-берлински или «восток» по-московски. И какой должна была быть атмосфера того, предвоенного Кракова? А сейчас Краков, уже успевший побывать одной из столиц европейской культуры, — город не изолированный и значительный, город, в котором не нужно выбирать между Европой и Польшей. Для меня это не просто город, без которого невозможна Польша, для меня это город, без которого невозможна европейская цивилизация. Таким Краков стал, и мне почему-то кажется, что таким он уже когда-то был, — Витольд Гомбрович приехал в свою историческую столицу не в самые лучшие для нее времена, во времена трагического предчувствия, перед которым теряются не только люди, но и города.

Быть частью цивилизации — что это означает? Архитектура, история, зажиточность или все-таки прежде всего атмосфера? Город может быть богатым, но едва ли он станет европейским, если в его жизни не будет четко отражаться особый цивилизационный ритм. Город может быть бедным, но то, как ведут себя его жите-

ли, то, как вам подают кофе и какие книги читают в городском парке, может точно засвидетельствовать: вы в Европе. У себя дома. И для этого не нужно никуда выезжать, достаточно посмотреть вокруг.

Не знаю, с каким критерием к этой «европейскости» подходить, скажем, в России. В Санкт-Петербурге или Великом Новгороде я ощущаю себя в Европе намного очевиднее, нежели в Москве, городе, который подается в качестве европейской визитки страны. Но как Европу ни строй — а лихость купеческого богатства ощущается в каждом новом отеле, в каждой новой работе скульпторов и реставраторов. Тем не менее Москва — хотя бы гармонично «евразийский» мегаполис. Киев, наоборот, за последние годы стал чрезвычайно пестрым — европейская изысканность верхнего города теперь уже долго будет диссонировать со степной азиатчиной Майдана Незалежности, и впечатления гостей Киева будут зависеть от того, что им покажут в первую очередь. Тем не менее дело все же вовсе не в архитектуре, а в атмосфере: не утратили ли мы европейскую атмосферу наших городов, сохранявшуюся даже в советские времена? Ведь атмосфера Киева, Львова, Черновцов, Одессы, эта атмосфера старой Европы с ее ощущением достоинства города, которая распространялась и на его жителей, со временем должна была стать и атмосферой наших больших промышленных центров, атмосферой Донецка, Днепрпетровска, Харькова... А получилось, как раз наоборот...

Декабрь. 2002

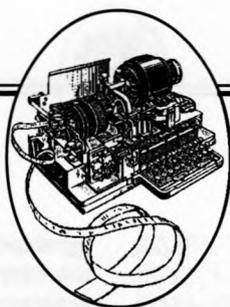
Долго думал, следует ли мне привычно подводить итоги этого невообразимо непростого и не очень оптимистичного года, связанного для многих людей не с самыми лучшими эмоциональными переживаниями... Как-то даже порадовался, что жанр дневников позволяет обойти итоги и прогнозы и остаться не столько наедине с миром, сколько наедине с самим собой — возможно, это и есть наедине с миром.

Я решил просто остановиться на наиболее важном для себя впечатлении в этом году. Тем более что это впечатление тоже новогоднее, только связанное с празднованием еврейского Нового года. Я уже писал в одной из своих записей в сентябре, что в маленьком польском городке Новый-Сонч я неожиданно увидел то, что и не надеялся увидеть, — единение культур и цивилизаций где-то там, в высоте... Это неожиданное переживание осталось со мной надолго. И где-то ближе к католическому Рождеству я тоже неожиданно для себя написал стихотворение, которое и хочу сделать заключительной нотой моего осмысления 2002 года. Благо стих этот — рождественский, новогодний, посвященный Богородице...

БОГОРОДИЦА В СИНАГОГЕ

*Богородица в синагоге
Потрясению отводит очи.
На иконы в молитвенном доме
Очевидно смотреть не хочет.
Но приходится.
Это Польша.
Мир, очищенный от евреев.
Новогоднее поздравленье.
Без хлопушек.
Подобно Богу
Я нашел себе синагогу.
Я один.
Все давно растаяли.
Растворились.
Созглись.
Уехали.
Только мы сошлись
с Богородицей
Одинокое изумленные.
Я икон в синагогах не видывал
А она-то как потрясена,
На мужской молясь половине
И оставишь совсем одна
В этом маленьком городке
В этом трижды
потерянном мире
Богородица тихо молится
О своем убиенном Сыне.
Богородица ждет Мессию.
Новолуние.
Новый Год.
Без хлопушек.
Подобно Богу
Я нашел себе синагогу,
Но не смог отыскать народ.*

Может, на этом следовало бы поставить точку, однако я все же журналист, а не поэт, и потому хотел бы продолжить свою мысль — продолжить в форме новогоднего пожелания. Каждому из нас стоит отыскать народ, тот, перед которым мы должны быть ответственны. Иногда даже живешь среди него — и не замечаешь. А когда все мы живем как в пустыне — оптимизма не прибавляется. А мы же заслуживаем того, чтобы быть счастливыми и прожить осмысленную жизнь. Хотя бы в следующем году...

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ Европейский парламент в Страсбурге подавляющим большинством голосов поддержал вступление Польши в Евросоюз: «за» проголосовали 509 депутатов, «против» — 25, воздержались — 31. Польша должна вступить в Евросоюз 1 мая 2004 года. («Газета выборча», 10 апр.)

■ Лидеры 25 стран, в т.ч. представители Польши: премьер-министр Лешек Миллер, министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич и министр по делам европейской интеграции Данута Хюбнер, — подписали договор о вступлении в Евросоюз, окончательно предпринявший вопрос расширения этой организации. Церемония подписания состоялась на Агоре у подножия Акрополя. Среди членов польской делегации был, в частности, Тадеуш Мазовецкий, чье правительство 13 лет назад начало переговоры об ассоциированном членстве в Европейском сообществе. («Тыгодник повшехний», 27 апр.)

■ После подписания договора о вступлении в Евросоюз Польша из «страны-кандидата» превратилась в «страну, вступающую в ЕС». Это означает, что отныне вплоть до момента приема представители Польши смогут участвовать в работе всех европейских органов власти без права голоса. («Жеч-посполита», 17 апр.)

■ 51 польский депутат впервые принял участие в работе Европейского парламента в Брюсселе. В течение года, оставшегося до вступления Польши в Евросоюз, польские депутаты и сенаторы могут участвовать в заседаниях Европарламента в качестве наблюдателей. Они имеют право выступать, но лишены права голоса. («Жеч-посполита», 6 мая)

■ Согласно опросу ЦИОМа, 71% поляков, намеревающихся участвовать в референдуме о вступлении Польши в Евросоюз, собираются проголосовать «за». 49% опрошенных твердо решили принять участие в референдуме. 29% говорят, что скорее всего пойдут голосовать. («Тыгодник повшехний», 4 мая)

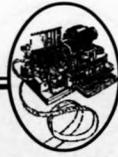
■ Более 99% предпринимателей — членов «Бизнес-центр клуба» намерены участвовать в референдуме и голосовать за вступление Польши в Евросоюз. По мнению президента БЦК Марек Голишевского, такие результаты опроса свидетельствуют о серьезном недоверии предпринимателей к нестабиль-

ной польской экономической политике, о поисках ими опоры в европейской политике, а также о надежде на отделение политики от экономики. Один из членов Совета организаторов клуба считает, что вступление Польши в Евросоюз вынудит правительство провести структурную реформу сельского хозяйства, горной и металлургической промышленности и увеличит приток иностранных инвестиций. («Жеч-посполита», 6 мая)

■ По данным министерства внутренних дел и администрации, за последние 13 лет иностранцы купили в Польше землю, площадь которой составляет в общей сложности немногим более одной тысячной поверхности страны. («Тыгодник повшехний», 3 мая)

■ Институт социальных вопросов опубликовал результаты исследований, касающихся отношения поляков к польским и европейским государственным учреждениям. 80% опрошенных считают польские учреждения неэффективными, 78% — коррумпированными; 89% считают, что они заботятся прежде всего об интересах правящих групп и чиновников. Учреждения Евросоюза поляки видят более близкими к гражданам, честными и эффективными. Только 15% опрошенных обвиняют их в неэффективности, 18% — в коррупции, а 32% — в чрезмерной заботе об интересах чиновников и власть имущих. («Газета выборча», 6 мая)

■ Президент Александр Квасневский об участии Польши в антииракской коалиции: «Наше участие в антитеррористической коалиции — это не пустые слова. Польша — последовательный, верный, лояльный и предсказуемый союзник (...) Планируя наши союзы, мы должны все время помнить, что сражаемся не только за разрешение глобальных проблем за пределами Польши: наша собственная безопасность тоже когда-нибудь может оказаться под угрозой. На кого мы тогда сможем рассчитывать? (...) Мы, как и многие другие, придерживаемся мнения, что пассивность опаснее активности. Быть может, если бы в свое время по отношению к нацизму или сталинизму была проявлена активность, последствия того, что мы пережили в XX веке, были бы менее трагическими». («Газета выборча», 12-13 апр.)

Польша пошлет в Ирак 2-3 тыс. солдат, которые будут наблюдать за процессом нормализации. Американцы предложили Польше командование в одной из зон стабилизации и безопасности, на которые будет разделен Ирак. (*«Тыгодник повсехний»*, 11 мая)

Расквартировка польских солдат в Ираке начнется в июле. Стоимость их годового пребывания там оценивается в 90 млн. долларов. Сумма эта будет покрыта Соединенными Штатами. «В известном смысле участие в миротворческих миссиях стало характерной чертой поляков. Поляки входят в состав миротворческих сил в различных горячих точках, например на Голанских высотах», — сказал Владислав Бартошевский, комментируя критические отзывы о Польше в немецкой прессе. (*«Жечпосполита»*, 6 мая)

«В последнее время польское руководство приняло три важных решения: согласилось, чтобы Польша приняла командование в одной из [иракских] зон стабилизации, пригласило в этот сектор другие европейские страны, в т.ч. Германию, выступавшую против войны, и добивается согласия ООН на размещение в Ираке иностранных сил. Эта смелая и разумная политика дает шанс достичь сразу двух важных целей — оказать помощь иракскому народу и положить конец спору между США и частью Европы». (*Мартин Босацкий, «Газета wyborcza»*, 7 мая)

Иностранные фирмы пытаются воспользоваться привилегированным положением Польши при заключении иракских контрактов. В список, составляемый министерством экономики, записалось уже около 500 фирм, выразивших желание участвовать в восстановлении Ирака. Среди них есть заграничные концерны, у которых в Польше имеются только филиалы. (*«Ньюсуик-Польша»*, 27 апр.)

Станислав Лем: «Мне было грустно видеть на экране телевизора иракские автострады, многие из которых построены польскими фирмами. Их качество столь высоко, что семидесятитонные «Абрамсы» не оставляют на асфальте ни единого следа. У нас же вообще нет автострад». (*«Тыгодник повсехний»*, 27 апр.)

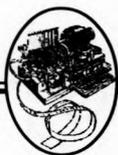
Тадеуш Мазовецкий: «Реальная угроза конфликта между западной и исламской цивилизациями не взята с потолка. Мы имеем дело с необычайно трудной проблемой сосуществования двух миров. Тут необходим взвешенный подход. Между тем мы, поляки, смотрим на конфликт в Ираке как на какую-то схватку, в которой участвовали польские солдаты, и за это нам-де теперь что-то причитается. Мы относимся к самим себе так, словно мы — субъект, участвующий в принятии решений, что, конечно, далеко от истины. Не мы здесь что бы то ни было решаем». (*«Газета wyborcza»*, 9 мая)

«Президенты Александр Квасневский, Жак Ширак и канцлер Герхард Шредер решили превратить этот символический и декоративный форум торжественных встреч [Веймарский треугольник] в место рабочих консультаций по важнейшим политическим проблемам, таким, как создание основ общей европейской внешней политики и безопасности, разработка конституционных принципов объединенной Европы, выработка отношений с Россией и другими восточными соседями. Это — кардинальное изменение, если учесть, что последние два года Веймарский треугольник не функционировал даже в своей прежней вежливо-светской форме, а президент Франции и канцлер ФРГ чаще всего появлялись в небе над Польшей по дороге в Москву и обратно». (*Мацей Рыбинский, «Жечпосполита»*, 10-11 мая)

«Официально польско-российские экономические отношения развиваются нормально. На практике после 1989 г. Россия осталась поставщиком топлива для нашей экономики, но ограничила закупку польских товаров широкого потребления. В результате дисбаланс в нашей торговле постоянно растет. Предупреждение о введении дополнительных пошлин на польские продовольственные товары в ответ на ограничение импорта российского угля свидетельствует о том, что мы стоим на пороге очередного охлаждения экономических отношений». (*Кишиштоф Бель, «Жечпосполита»*, 23 апр.)

«Газовое соглашение, заключенное с российским правительством, означает закрепление в Польше монополии «Газпрома» почти на двадцать лет. По некоторым расчетам, в период действия договора доходы бюджета уменьшатся на 1,4 млрд. долл., а доходы компании, транспортирующей газ через Польшу, — более чем на 3,5 миллиарда». (*Рафал Каспрук, «Жечпосполита»*, 19-21 апр.)

Марцель Лозинский об умершем 12 апреля Богдане Косинском: «[В 1976 г.] его выгнали с киностудии [документальных фильмов] за то, что он поехал (...) встречаться с бастующими рабочими «Урсуса». Однако его авторитет в среде кинематографистов был так высок, что товарищеский суд признал его невиновным. Власти испугались собственного решения. Во время забастовок на Балтийском побережье в августе 1980 г. Богдан с группой друзей заставил дирекцию киностудии отправить съемочную группу на [Гданьскую] судоверфь. Так возник, пожалуй, самый важный польский документальный фильм — «Рабочие-80». Потом, в период военного положения [1981-1983], благодаря Богдану было отснято несколько сот часов материала, ставшего сегодня единственной правдивой кинохроникой того времени (...) Он был идеалистом, общественником, убежденным социалистом». (*«Газета wyborcza»*, 14 апр.)

☛ «Каждый человек или — в случае его смерти — ближайший родственник может обратиться в Институт национальной памяти с вопросом, принадлежит ли он к числу пострадавших при коммунистическом режиме. Только такой статус дает право заглянуть в дело, заведенное когда-то на него Службой безопасности или другими подобными органами (...) До сих пор было рассмотрено свыше 2,5 тыс. заявлений (...) Со своими личными делами ознакомились более 1,2 тыс. человек, а еще 9 тысяч ждут своей очереди. По оценкам директора ИНП проф. Леона Кереса, желающих могут быть еще сотни тысяч (...) К настоящему времени ИНП располагает 75 километрами документов (...) и планирует получить еще 20 километров». (*Агнешка Загнер, «Политика», 10 мая*)

☛ Гарнизонный военный суд приговорил бывшего судью Тадеуша Низельского к двум годам лишения свободы (без возможности замены наказания) за вынесение незаконного приговора в 1950 году. 90-летний Низельский — первый осужденный работник польского судебного аппарата эпохи сталинизма. (*«Жечпосполита», 19-21 апр.*)

☛ На территории металлургического комбината в краковской Новой Гуте (до 1989 г. — комбинат им. Ленина) открылась экспозиция «Соцланд. Музей коммунизма». Это крупнейшая выставка на данную тему. В музее собрано несколько тысяч экспонатов. Посетители могут увидеть реконструированный кабинет допросов 50-х годов, предметы, извлеченные из массового захоронения польских офицеров в Катыни, а также сделанный в Киеве сатуратор, коллекцию продовольственных карточек и предметы повседневного обихода, характерные для той эпохи. Авторы выставки — Чеслав Белецкий и Кшиштоф Бурнетко. (*«Ньюсуик-Польша», 11 мая*)

☛ Коммунистическая партия Польши восстала из праха в декабре прошлого года. Штаб-квартира партии находится в Домброве-Гурничей. Ее герб — серп и молот. КПП пользуется поддержкой «Союза демократических левых сил» (СДЛС). На сегодняшний день партия может похвастаться полутора тысячами членов и отделениями в шести городах. Большинство ее членов — пенсионеры старше 70-ти. (*Михал Карновский, «Ньюсуик-Польша», 21 апр.*)

☛ Из редакционной почты: «В конституции Польской Республики, принятой 2 апреля 1997 г., сказано: «Запрещаются политические партии и другие организации, программы которых ссылаются на тоталитарные методы и практику нацизма, фашизма и коммунизма». (*«Ньюсуик-Польша», 4 мая*)

☛ Высланный из России в феврале польский священник о. Бронислав Чаплицкий получил российскую визу, действительную в течение 90 дней, начиная с 1 мая. (*«Газета wyborcza», 5 мая*)

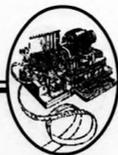
☛ Архиепископ Люблинский Юзеф Житинский посвятил в чрезвычайные служительницы таинства причастия семнадцать монахинь. Монахини могут причащать во время литургии в своих общинах и приносить Святые Дары больным. Начало подобному служению монахинь [в Люблинской епархии] положил предшественник архиепископа Житинского архиепископ Болеслав Пыляк. (*«Тыгодник повсехний», 13 апр.*)

☛ Тридцать хоров из Польши, Белоруссии, Латвии, России, Украины, Греции и Сербии приняли участие в Хайнувских днях церковной музыки, проводящихся с прошлого года по инициативе председателя Польской автокефальной Православной Церкви митрополита Саввы. (*«Жечпосполита», 7 мая*)

☛ Почти полтысячи учеников из школ национальных меньшинств сдали письменный экзамен на аттестат зрелости по своему родному языку: белорусскому и литовскому в Подлесье и украинскому в Подкарпатье, Нижней Силезии, Западно-Поморском и Варминско-Мазурском воеводствах. (*«Жечпосполита», 9 мая*)

☛ Виктор Медведчук, глава администрации президента Украины: «Волынская резня — трагедия не только польского и украинского народов (...) Это также трагедия украинского национально-освободительного движения. Невинно пролитой кровью организаторы этой резни запятнали священную для миллионов украинцев идею борьбы за независимое государство (...) Украина и Польша обладают достаточной нравственной силой, чтобы каждая из наших стран могла, невзирая на критику шовинистов, сказать всю, иногда тяжелую правду о событиях прошлого и тем самым открыть путь к свободному диалогу в будущем. Свидетельством этого политического и гражданского мужества стали благородные слова президента Александра Квасневского, осуждающие операцию «Висла» [массовое переселение украинского населения в 1947 г.].» (*«Газета wyborcza», 24 апр.*)

☛ Президенты Израиля и Польши Моше Кацави и Александр Квасневский возглавили ежегодный «Марш живых» из Освенцима в Бжезинку. В марше участвовали 2,5 тыс. человек, приехавших в Польшу со всего мира. Президент Израиля выразил благодарность 500 молодым полякам, принявшим участие в марше: «Вместе с нами вы несете тяжкое бремя памяти о Катастрофе и вытекающего из нее урока». Президент Александр Квасневский произвел в офицеры Войска Польского героев восстания в варшавском гетто. (*«Газета wyborcza», 30 апр.*)

■ Президент Варшавы Лех Качинский о восстании в варшавском гетто: «До войны Варшава была крупным городом, населенным двумя народами. Большинство варшавян были поляками, однако велика была и доля еврейского населения (...) Восстание было связано с ликвидацией гетто, а поскольку до войны гражданами нашего города были 360 тысяч евреев, Варшава обеднела. Прежде она была городом двух культур, теперь же — только одной». («Жечпосполита», 18 апр.)

■ Архиепископ Станислав Гондецкий: «Уничтожение евреев было дьявольским преступлением против жизни. Как влияют эти немецкие преступления на развитие польско-еврейских отношений в наше время? Не разделяет ли нас эта кровь? Сейчас это главная проблема, стоящая перед поляками». («Тыгодник повшехний», 11 мая)

■ Посол Израиля в Польше Шевах Вейс: «Мы хорошо помним, что в Едвабне польские соседи сожгли даже еврейских детей. Но меня и моих родителей в Бориславе спасли от смерти тоже соседи. Только в Польше возникла такая организация, как совет помощи евреям «Жегота». Только в Польше есть такой человек, как Владислав Бартошевский [возглавлявший «Жеготу»].» («Жечпосполита», 19-21 апр.)

■ Верховный суд признал окончательным приговор к восьми годам лишения свободы, вынесенный Генрику Мане за пособничество немцам в уничтожении евреев в Хелмне-на-Нере. В период с декабря 1941 по апрель 1943 г. Маня был одним из восьми польских пособников немцев. Людей, привезенных на смерть, он бил плетью, отбирал у них драгоценности и одежду, а затем сажал в грузовики-душегубки, где их душили выхлопными газами. («Газета wyborча» и «Жечпосполита», 9 апр.)

■ Заседания следственной комиссии Сейма регулярно смотрит по телевизору почти миллион поляков. Допрос Льва Рывина [предложившего Адаму Михнику выгодные для частных СМИ изменения в законе о телевидении и радиовещании за крупную взятку] смотрело рекордное количество зрителей — 2,3 млн. человек. («Тыгодник повшехний», 20 апр.)

■ «Только теперь стало известно, что представители высшего польского руководства, в т. ч. президент и премьер, на протяжении нескольких месяцев не сообщали в прокуратуру о деле [Рывина] (...) Могли ли представители высшего руководства нарушить ст. 231 п. 1 Уголовного кодекса, где сказано, что государственный чиновник обязан известить прокуратуру о преступлении? Могли ли они нарушить также ст. 239 уголовного кодекса, гласящую: «Препятствование следствию, помогающее преступнику избежать уголовной ответст-

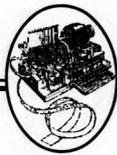
венности (...) карается лишением свободы от 3 месяцев до 5 лет»? На протяжении нескольких месяцев они умалчивали о важных фактах и утаивали вещественное доказательство по делу Рывина. Не повлияло ли это на ход следствия, затрудняя его? (...) После двух месяцев заседаний следственной комиссии выявился некий феномен: мало того, что отдельные свидетели грешат выборочной памятью, — их выборочная память еще и порождает подобное явление у других (...) Пока что комиссия Сейма не желает мириться с ложью». (Ярослав Гаевский, «Впрост», 13 апр.)

■ Марек Эдельман: «Когда я слышу, как [некоторые свидетели] отвечают на вопросы следственной комиссии, меня охватывает изумление. Это просто позор. Взрослые, образованные люди, представители высших кругов власти увиливают от вопросов, прикрываясь слабой памятью, как школьники, уличенные во лжи. Неужели они действительно не понимают, что зрители, которые на все это смотрят, — вовсе не дураки и прекрасно видят, когда человек начинает врать?» («Ньюсуик-Польша», 4 мая)

■ Согласно опросу ЦИОМа, в апреле доверие к премьер-министру Лешеку Миллеру уменьшилось с 36 до 23%, а к президенту Александру Квасневскому — с 81 до 72%. Несмотря на это президент продолжает удерживать первую позицию в рейтинге популярности. Второе место занимает лидер «Права и справедливости» Ярослав Качинский (48%), третье — маршал Сейма Марек Боровский (40%). («Жечпосполита», 29 апр.)

■ В результате «аферы Рывина» «продолжавшимся уже много лет светским играм наших верхов пришел конец: оказалось, что не все соблюдают правила хорошего тона. Нажав кнопку диктофона [во время разговора со Львом Рывиным], Адам Михник обрушил лавину событий, которая продолжает в невообразимом темпе менять местные нравы (...) Польская атмосфера стала несколько менее приятной, зато, пожалуй, более здоровой». (Здислав Петрасик, «Политика», 19 апр.)

■ «Неделю тому назад «Ньюсуик» предал огласке дело о коррупции, в которое был замешан политический ассистент министра внутренних дел Гжегож Бялорусский. Уже через три дня Бялорусский был отправлен в отставку (...) После 1989 г. в Польше неоднократно подтверждалось, что «четвертая власть» успешно справляется со своей задачей (...) Ее победы в борьбе с патологиями в политике, бизнесе и общественной жизни — признак здоровья демократии и доказательство того, что польское общественное мнение оказывает немалое влияние на ход событий в стране. Политики, сановники, богачи и иерархи вынуждены считаться с ним и не могут безнаказанно совершать что-либо неблагоприятное, вредное и незаконное». (Войцех Мазярский, «Ньюсуик-Польша», 4 мая)

«Крупные скандалы в мире политики и финансов вырастают на почве нашей повседневной неупорядоченности (...) Люди наверху ведут себя неупорядочно, так как чувствуют, что все общество давным-давно делает то же самое и, следовательно, простит их. Проф. Ежи Копаня убежден: если спросить поляков, что их больше всего шокирует в «афере Рывина», то окажется, что большинство удивил не столько сам факт взятки, сколько бездарность главного героя, который так поглупому попался». (*Ежи Холовня, «Ньюсуик-Польша», 4 мая*)

Из интервью с Яном Кульчиком, самым богатым поляком, состояние которого оценивается в 3,7 млрд. долл.: «Надо мной тяготеет тот факт, что я знаю нескольких политиков — с некоторыми из них я даже ходил в школу (...) История мира и Европы подтверждает, что усиливались те страны и роды, которые в нужный момент заключали подходящие браки. С кем сотрудничать, с кем связываться — это существенные вопросы». Из редакционной заметки явствует, что в правлении и контрольном совете одной из фирм Кульчика заседают трое бывших заместителей министра и двое депутатов. Среди членов правления другой его фирмы оказались советник президента Квасневского и служащая Всепольской комиссии «Солидарности». В этой же фирме работают жены премьер-министра Лешка Миллера и председателя парламентской фракции СДЛС Ежи Яскерни. (*«Газета wyborча», 26-27 апр.*)

«В Польшу тот факт, что судьбы экономики вершат Кульчик, Гудзоватый, Краузе, Старак, Солож и 95 других богатейших поляков, все еще вызывает удивление (...) Они овладели искусством перековывать капитал во власть и наоборот — как и другие подобные им во всем мире. И слава Богу: чем больше их влияние на власть и чем меньше влияние профсоюзов, тем лучше для экономики и для всех нас». (*Ян Пинский, «Впрост», 4 мая*)

Сейм принял дополнения к уголовному законодательству. Главные новшества таковы: ужесточение наказаний за коррупцию и платную протекцию вплоть до 8 и 12 лет лишения свободы; ненаказуемость лица, дающего взятку, в случае, если оно информирует об этом карательные органы; конфискация имущества, нажитого преступным путем, даже если оно переписано на третье лицо; доказательство законности приобретения имущества составляет обязанность виновника преступления либо лица, на которое имущество переписано; для борьбы с коррупцией могут быть использованы присяжные свидетели. (*«Газета wyborча», 24 апр.*)

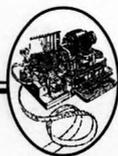
Дольше всего (целых полтора года) лежат в Сейме три законопроекта, призванные ограничить привилегии и заработки политиков. За это время парламент успел принять 300 других законов. (*«Ньюсуик-Польша», 4 мая*)

«Многие мои знакомые с ностальгией вспоминают контрактный Сейм [1989-1991; возник в результате договоренностей «круглого стола», заранее оговаривавших число мандатов, которые должна получить та или иная политическая группировка]. Тот Сейм все-таки был похож на важный государственный орган власти: серьезный, несущий ответственность за законотворческую деятельность, заботящийся об общественном благе. Сейчас же все в бешеном темпе деградирует: скандалы, блокирование трибуны, цирковые трюки, дебаты, напоминающие перебранки, безграничная жажда наживы и групповщина, голосование в четыре руки [т.е. за отсутствующих депутатов]... Это уже какая-то карикатура на Сейм. Постыдный, мрачный эпизод в истории польского парламентаризма». (*Эва Шуманская, «Тыгодник повшехний», 3 мая*)

Богуслав Грабовский, член Совета монетарной политики (СМП): «Политический истеблишмент должен сказать [СМП] спасибо: только благодаря Совету у нас не было монетарного кризиса, не было ситуации, когда нужно было бы резко повышать учетные ставки, чтобы ограничить инфляцию и дефицит текущих оборотов. Благодаря политике СМП наши политики могут теперь ссориться, подсиживать друг друга и не заниматься реформой государственных финансов, и все это в краткосрочной перспективе не вызовет серьезных макроэкономических последствий». (*«Газета wyborча», 19-21 апр.*)

Половина поляков живет за счет социального обеспечения или работает в теневой экономике. Целых 65% поляков считают, что заботиться о судьбе семьи должно прежде всего государство. По мнению 62%, государство должно сохранять нерентабельные рабочие места во избежание безработицы, а 85% хотят ограничения доходов тех, кто больше всех зарабатывает. Между тем расходы на социальное обеспечение превышают в Польше 55% государственного бюджета. Для сравнения: в Чехии они составляют неполные 40%, а в Венгрии — около 20%. (*«Впрост», 20 апр.*)

«Среднестатистический поляк не работает третью часть года — 122 дня. Еще 11 дней в году он сидит на больничном. Ежедневно он тратит почти два рабочих часа на еду, празднование дней рождения и именин, макияж, чтение газет и компьютерные игры. Работники государственного сектора ежедневно посвящают полчаса обустройству на ра-

бочем месте с утра и подготовке к уходу с работы вечером. Из этого следует, что среднестатистический трудящийся работает лишь неполных 30 часов в неделю (формально — 40 часов) (...) Производительность труда среднестатистического поляка (...) в шесть раз ниже, чем у французов и ирландцев, и в пять раз ниже, чем у немцев». (Янина Вилюковская, «Впрост», 4 мая)

По данным ЦИОМа, среднемесячный доход на душу населения составляет 571 зл., что на 14% меньше, чем в прошлом году. («Жечпосполита», 8 мая)

По расчетам Всемирного банка, черта бедности — это 4,3 долл. в день. В Польше за этой чертой живут 18,4% населения, в Венгрии — 15,4%, а в Чехии — 0,8%. Хуже обстоит дело в странах Прибалтики, где эти цифры составляют: в Эстонии — 19,3%, в Литве — 22,5%, в Латвии — 34,8%. («Впрост», 4 мая)

Журнал «Тайм» удостоил основателей фонда взаимопомощи «Барка» Барбару и Томаша Садовских почетного звания «героев Восточной Европы». Садовские помогают одиноким, бездомным, безработным, бывшим заключенным, алкоголикам и всем, кто не может самостоятельно справиться с жизненными проблемами. В четырнадцати домах «Барки» в десяти городах живут почти 500 человек. Кроме приютов, «Барка» содержит также сельскохозяйственные хозяйства, магазины и предприятия бытового обслуживания. («Жечпосполита», 22 апр.)

Впервые в Польше появился закон, который регулирует сотрудничество неправительственных организаций с государственной администрацией, определяет их финансовые льготы (освобождение от налогов, судебных оплат и оплат при покупке недвижимости), обязанности (ежегодные финансовые отчеты) и принципы сотрудничества с волонтерами (оплата их медицинского страхования, путевых расходов, командировочных и обучения). Кроме того, закон предоставляет каждому гражда-

нину возможность переводить 1% уплачиваемых налогов избранной им неправительственной организации. («Жечпосполита», 25 апр.)

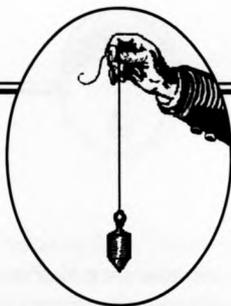
По данным Национальной библиотеки, после 1989 г. в Польше было закрыто почти 1500 библиотек и их филиалов. Число библиотек уменьшилось с 10 313 в 1989 г. до 8849-ти. («Политика», 12 апр.)

В прошлом году 50% поляков не прочитали ни одной книги, а 30% признались, что читают только от случая к случаю. 63% поляков на протяжении 12 месяцев не купили ни одной книги, а газеты покупали лишь 15%. («Впрост», 20 апр.)

«Неизвестно, почему одни, даже с риском для жизни, упорно и последовательно ищут книги, а другие боятся их как огня. По-видимому, в подобных вопросах стоит довериться психологам, которые на основании многочисленных исследований пришли к выводу, что чтение заставляет работать огромные области мозга. Для многих такое усилие может быть обременительным или даже смертельным. Поэтому, справедливо считая, что жизнь дороже удовольствия от чтения, они избегают книг как яда». (Андрей Ростокский, «Тыгодник повсехний», 27 апр.)

«Третью Речь Посполитую еще рано списывать в расход. В принципе, при всех своих недостатках и изъянах, она себя оправдала. Она закрепила два достижения, отсутствие которых у наших восточных соседей обрекло их демократию на поражение: безболезненный переход власти от одного политического лагеря к другому и истинную свободу печати, которая всерьез относится к своим обязанностям «четвертой власти»». (Томас Урбан, «Жечпосполита», 10-11 мая)

Польша объявила войну нелегальной торговле охраняемыми животными и растениями. У тех, кто их разводит, есть еще только полгода на их регистрацию и получение соответствующих документов. Введена также выдача разрешений на их ввоз и вывоз. («Жечпосполита», 19-21 апр.)

Катажина Выпустек-Зухович

ПОЛЯКИ, КОТОРЫЕ СТРОИЛИ ИРАК

Поляки проложили в Ираке сотни километров дорог и оросительных каналов, построили десятки фабрик, цементных заводов, водозаборных станций питьевой воды, даже птицефермы. В середине 80-х в Багдаде, Басре, Кербеле и других городах Ирака более десяти тысяч поляков работали в рамках 120 контрактов. Об этом времени они вспоминают как о фантастическом приключении.

Прекрасные финансовые условия, много свободного времени и возможность обозреть чудеса света — это им запомнилось больше всего.

— В то время месячная зарплата в Польше соответствовала нескольким десяткам долларов в месяц, а в Ираке можно было заработать в 10-20 раз больше. Рабочий, зарабатывавший 300 долларов, чувствовал себя миллионером, — вспоминает Яцек Рутковский. Он отработал в Ираке четыре года инженером-гидротехником. В окрестностях Багдада он участвовал в ирригационных работах, в Киркуке в составе польской бригады работал на цементном заводе. — Это было чудесное время в моей жизни. Есть о чем пожалеть.

По сей день вспоминает он польский магазин «Бальтона»:

— Польские автофургоны привозили польские товары. В Польше не было ничего, а тут на иракскую валюту можно было купить охотничьи колбаски, ветчину, все что угодно.

Рутковский говорит, что поляков в Ираке было невероятно много:

— Их можно было встретить везде. Польская речь была слышна всюду, где есть исторические памятники. Каждый двадцатый встреченный тут человек был поляком.

В арабских магазинах была даже польская водка.

ЗЕЛЕНАЯ ПУСТЫНЯ

Юзеф Желязкевич, ныне возглавляющий Общество польско-иракской дружбы, в 80-е годы работал торгпредом в польском посольстве.

— В то время, в период инвестиционного бума, весь мир продавал в Ирак товары на сумму 25 миллиардов долларов в год. Тысячи специалистов помогали модернизировать инфраструктуру Ирака. Польша принимала в этом активное участие. Мы продавали услуги и целые объекты примерно на 300 миллионов долларов в год.

На ту же сумму поставляли свои изделия такие предприятия, как «Лучник-Радом» или «Бумар-Лабенды». Каждая фирма оставила по себе память. «Будимекс» — мощную плотину в Басре, больницу министерства здравоохранения в Багдаде, водозаборные станции питьевой воды в нескольких городах, не считая множества насосных станций для сельского хозяйства и мелиоративных работ на площади в десятки тысяч гектаров. «Полимекс-Цекоп» — сданные под ключ заводы по производству ячеистого бетона в Багдаде и Кербеле, цементные заводы, а также цеха по производству извести и керамических изделий в Эль-Фаллуджи, Киване и других городах. «Дромекс» — три отрезка шестиполосной автострады от границы с Кувейтом, через Насирию и Багдад до Рамади. Другие фирмы направляли в Ирак специалистов для обслуживания электростанций, прокатных станков, стекольного производства, для работы в проектных бюро, для технического консалтинга и даже для работы в области здравоохранения. Некоторые польские фирмы выступали субподрядчиками западных фирм, например при строительстве птицеферм.

— В общем, много всего. Еще была фирма «Электрим», специалисты которой прокладывали линии электропередачи высокого напряжения, построили десятки электростанций и полностью электрифицировали шесть районов Багдада, — добавляет Желязкевич.

Но самый большой успех — это прекрасные дороги, асфальт уложен на полтора метра вглубь. А пустыни благодаря проведению работ по опреснению и орошению поляки превращали в сельскохозяйственные угодья. В 1979 г. в реализации такого проекта в районе Рамади участвовал Яцек Ковальский, который вспоминает:

— В те времена я ступал по наступающей пустыне. Но когда я вновь приехал туда через восемь лет — вокруг все было зелено. Вот огромная причина для удовлетворения. Поляки оставили после себя зеленые пустыни. Я не преувеличиваю. Я это сам видел!

ВАЖНЕЕ ВСЕГО БЫЛ БРИДЖ

Яцек Ковальский проработал в Ираке более девяти лет. Участвовал в работах по мелиорации в Абу-Грайбе под Багдадом («Крупнейший проект, свыше 100 млн. долларов»), был главным исполнителем по услугам польских инженеров, а затем возглавлял представительство фирмы «Будимекс» в Багдаде.

— У меня там много друзей, я просто люблю иракцев, — говорит он.

Как и прочие иностранцы, он жил в поселке типа кемпинга. Там стояли бараки для обычных рабочих и домики для техперсонала, инженеров и директоров. Чаще всего поляки приезжали в Ирак без семьи, но по некоторым контрактам семьям разрешалось сопровождать работающих там специалистов.

— Мой сын ходил в польскую школу, где преподавали жены поляков. Собственно говоря, ему приходилось ежедневно ездить в школу через весь Багдад. Он очень любил эту школу, — вспоминает Ковальский.

Из жизни в таких поселениях полякам больше всего запомнился бридж.

— В нашем распоряжении был бассейн, корты с освещением, спортплощадка. Но важнее всего был бридж, а вернее, турниры по бриджу, — рассказывает Рутковский. Чаще всего устраивались международные соревнования. По этому случаю можно было побывать и в других поселениях. И выиграть ценные призы, например, авиабилет в любой город мира.

За две недели до отъезда из Ирака Яцек Рутковский выиграл членскую карточку в английский клуб в Багдаде. И продал ее за 200 долларов иракцу.

Про политику только с глазу на глаз

Поляки поддерживали хорошие отношения с иракцами. Даже дружеские.

— Я все время боюсь за них. Последний раз я был в Ираке в октябре прошлого года. Они еще тогда говорили: «Мы знаем, что вы наши друзья. Понимаем: то, что вы делаете, это высшая политика». Но теперь? Теперь это уже неактуально. Я больше не могу давать им такие объяснения, — говорит Желязкевич.

Когда контракт заканчивался, иракцы часто приглашали поляков к себе.

— Им хотелось, чтобы мы побывали у них в гостях, — говорит Эугениуш Вавжиняк, ныне председатель правления «Инвестгаса», который в 80-е годы возглавлял работы в рамках крупного проекта по опреснению пустынных земель.

Однако Яцек Ковальский признает, что многие поляки смотрели на арабов сверху вниз:

— Как правило, относились к ним высокомерно. Среди поляков, которых я там знал, пожалуй, лишь процентов десять относились к арабам с уважением, не больше.

Ковальский вспоминает Мунама, высокопоставленного иракца, у которого бывал дома. В те времена с глазу на глаз с ним можно было говорить даже на политические темы.

— Такие беседы были возможны только один на один. Если присутствовали двое иракцев, об этом не могло быть и речи.

Когда Ковальский подъезжал к дому Мунама, тот немедленно закрывал номера его машины, чтобы соседи не заметили, что они оранжевого цвета, — такие номера были только у иностранцев. Ковальский помнит переводчика, который открыто высказывался критически о Саддаме.

— Интересно, что с ним стало теперь. Это был потомок шумеров. Так он, по крайней мере, сам говорил о себе. Он отличался от иракцев. Хотя бы тем, что у него были голубые глаза. И он был очень оппозиционно настроен. Что он говорил? Это невозможно процитировать.

Рутковский считает, что во второй половине 80-х можно было ожидать того, что впоследствии сотворил Саддам:

— Он был вездесущим. Было видно, что это тип вроде Сталина. Я никогда не слышал, чтобы там существовала какая-то оппозиция. У армии были собственные магазины, клубы, публичные дома. Военные хорошо зарабатывали. Каждый второй житель Ирака носил военную форму.

Поляки чувствовали себя в безопасности. Цементный завод, на котором они работали, был обнесен заграждениями. Через каждые сто метров стоял солдат с автоматом. Бывало и так, что во время путешествия их сопровождал грузовик, набитый военными.

ОНИ ЗНАЮТ ИРАК ЛУЧШЕ, ЧЕМ ПОЛЬШУ

Несмотря на такие условия, им удалось осмотреть все достопримечательности Ирака. Кое-кто говорит, что знает его лучше, чем Польшу.

— По выходным мы ездили осматривать чудеса света. И этого у нас никто не отнимет, — говорят они.

Что произвело самое большое впечатление? Знаменитые иракские болота на севере страны, которых уже больше нет: Саддам их осушил. Вавилон, Вавилонская башня — та настоящая, которая насчитывает 5 тысяч лет; после ее отреставрировали.

— Город Варка на берегу Евфрата, которому 5 тысяч лет. Бывало, подденешь ногой камень, а когда он перевернется, видишь, что это барельеф, — добавляет Ковальский.

— Там история буквально была у нас под ногами. Эта страна должна быть открыта для всего мира. Может быть, теперь так и будет? — задумывается Рутковский.

Анджей Иваницкий был в Ираке в конце 70-х. Больше всего ему запомнился Курдистан и то, что курды очень любили поляков.

— В тех местах, где даже дороги не обозначены на карте, очень много знали о Польше. Знали, что было три раздела. Они говорили: Польша возродилась благодаря войне. Даже сравнивали языки. Говорили: по-польски «два», а по-курдски «до», — вспоминает Анджей.

По сей день помнит он кошмарный климат Басры:

— Самый ужасный в мире. Когда ветер дул из пустыни, везде была пыль. Когда же дул с залива, было 40° в тени и стопроцентная влажность.

В Басре он строил сталелитейный завод (потом у каждого иракского директора был польский ассистент). В Багдаде занимался станциями перекачки.

— Поляки возводили десять таких станций одновременно. Все по заказу иракского правительства.

Из Ирака он выехал перед самым началом войны с Ираном:

— Нас выгнала война. Пришлось все оставить.

Он успел вылететь в Польшу одним из последних рейсов. Другим пришлось ехать через пустыню до границы в составе конвоев.

Все кончилось

Выехали тогда не все. Эугениуш Вавжиняк приехал в Ирак за месяц до начала ирано-иракской войны и оставался там три с половиной года. Говорит, что над головами летали самолеты и ракеты, но к этому привыкли:

— Мы делали свое дело, — вспоминает он. Начало было очень трудным. — Большинство людей не выдерживало психически. Персонал менялся очень часто. В Польше ввели военное положение. С родиной не было никакой связи. Не разрешалось покидать поселок. Существовали даже планы эвакуации.

Хотя кое-кто в то время уехал, настоящая эвакуация поляков началась лишь тогда, когда Саддам напал на Кувейт. Тогда все и кончилось.

— Мои люди выезжали в панике, — вспоминает Яцек Ковальский. Он сам в числе девяти оставшихся в Ираке поляков задержался, чтобы закрыть дела своей фирмы и получить компенсацию от иракских властей по неоплаченным счетам и за потерянную прибыль. Многие фирмы бросили свое оборудование; обратно они его так и не получили.

После войны Юзеф Желязкевич ездил в Ирак еще десятки раз. На сей раз в качестве уполномоченного генерального директора фирмы «Электрим». Старался установить новые контракты. И другие фирмы тоже старались. Но не очень-то удавалось. Объем контрактов не превышал 2 млн. долл. в год. Наше правительство проявило интерес к сотрудничеству лишь в 2000 году. С того времени первые небольшие фирмы успели выйти на иракский рынок. Однако ненадолго.

— Теперь все пошло прахом, — говорит Желязкевич

Окончания войны и восстановления Ирака ждут сегодня почти все фирмы, которые когда-то действовали на иракском рынке, в том числе «Будимекс», Варшавский насосный завод, «Мегадекс», «Мостосталь-Варшава».

Ежи Ястшембовский

ПОВЕСА, КАВАЛЕРИСТ, ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ

Иногда биографии бывают необыкновенными. В своей статье «Похвала сумасбродству», напечатанной в литературном приложении к газете чикагской Полонии «Гвезда полярна» («Полярная звезда»), Мариан Камиль Дзевановский пишет: «Все мы имеем слабости, которые со временем перерождаются в сумасбродства. Как правило, мы думаем, что рано или поздно нам придется за них дорого заплатить. Однако опыт, приобретенный мною в бытность офицером кавалерии во время сентябрьской кампании [1939 г.] и военнопленным в оккупированной Советским Союзом Литве, свидетельствует о том, что даже сумасбродство может дать хорошие результаты. Так, к примеру, три раза мой снобизм, любовь к шегольству и глупая юношеская бравада спасли мне жизнь».

Дзевановский (правнучатый племянник знаменитого капитана Яна Непомуцена Дзевановского, отличившегося под Сомсьеррой) родился в Житомире в 1913 году. По окончании офицерского кавалерийского училища в Грудзёндзе был произведен в подпоручики. Начальную службу прошел в 1-м Креховецком уланском полку. Закончил юридический факультет Варшавского университета и параллельно варшавский Французский институт. В 1937-1939 гг. был берлинским корреспондентом Польского телеграфного агентства. В составе 3-го кавалерийского полка участвовал в сентябрьской кампании 1939 г. (награжден двумя крестами «За доблесть»), был ранен под Белостоком и через Литву бежал на Запад. В 1941-1942 гг. был инструктором в британском центре подготовки парашютистов и десантников-саботажников. В 1947 г. демобилизовался, в 1951-м защитил докторскую диссертацию по истории в Гарвардском университете, после чего преподавал историю России в Бостонском университете и — вплоть до выхода на пенсию в 1983 г. — историю Центральной и Восточной Европы в университете штата Висконсин в Милуоки.

Заведующий кафедрой истории Польши Торонтского университета проф. Петр Врубель считает Дзевановского «одним из самых выдающихся современных польских историков, специалистом по истории XIX и XX столетий». Директор Украинского научного ин-

М.К. Дзевановский после лекции в Перусалимском университете

ститута при Гарвардском университете проф. Роман Шпорлюк вспоминает энергичные и красноречивые выступления Дзевановского на многих научных конференциях, вдохновлявшие исследователей молодого поколения на изучение нашей части Европы.

Дзевановский — автор фундаментального исследования «A History of Soviet Russia and Its Aftermath» («История Советской России и ее наследие») — пять изданий, в т.ч. одно в КНР, где книга стала университетским учебником ис-

тории), однако наибольшее значение он придает книге «War at Any Price. World War II in Europe» («Война любой ценой. II Мировая война в Европе»). Сейчас готовится к печати ее польский перевод.

В последние годы проф. Дзевановский начал писать научно-популярные книги. Я прочитал три из них: «Лорд Веллингтон — победитель Наполеона» (1996); «Наполеон Бонапарт. Любовник, политик, мастер пропаганды» (1998); «Александр I, император российский, царь польский» (2000); все три изданы вроцлавским издательством «Атла».

О Наполеоне написано более 300 тысяч книг и статей. Что тут можно сказать нового?

Оказывается, можно, если пойти по стопам Дзевановского и продраться сквозь пласты старых воспоминаний и писем, написанных малозначительными на первый взгляд людьми из окружения императора: камердинерами, караульными офицерами, а особенно лекарями. Наполеон обладал железной волей, но тело его было изъедено всевозможными болезнями: малярией, желтухой, эпилепсией, язвой желудка и злокачественной экземой руки. Но и это еще не все.

Я открываю книгу о Наполеоне на стр. 140: «Из всех болезней Наполеона самой мучительной была та, о которой не отважился открыто написать ни один из его биографов XIX века. Многие лишь мимоходом упоминали, что у него были серьезные проблемы с мочеиспусканием. Его личный лакей Констан вспоминает частые остановки во время путешествий, когда Наполеон слезал с коня для отправления своих естественных нужд, особенно — длительного мочеиспускания. Тогда его личная охрана окружала его и, отвернувшись, ждала от своего господина сигнала, означавшего завершение

процедуры. Лишь в 1992 г. доктор Жан-Франсуа Леметр всесторонне проанализировал симптомы: моча часто была смешана с кровью и гноем. По мнению Леметра, Наполеон страдал недолеченным триппером, который неоднократно давал о себе знать, особенно же сильно попортил императору кровь в двух решающих моментах его карьеры: накануне Бородинского сражения и в день битвы под Ватерлоо».

В 1969 г., спустя двести лет после появления на свет Наполеона, я спросил майора Людвика Ференштейна, который во время польско-советской войны 1920 г. был подчиненным моего деда в 1-м уланском полку: что делал улан, когда во время многочасового перехода ему нужно было помочиться? К моему удивлению майор не счел этот вопрос шуткой, а отнесся к нему со всей серьезностью.

Если бы эскадрон останавливался всякий раз, когда кто-нибудь из улан хотел помочиться, говорил Ференштейн, можно было бы сойти с ума. Улан расстегивал ширинку прямо в седле и направлял струю мочи на переднюю левую лопатку коня, привычного к подобному душу. По ноге коня моча стекала на землю. Почему именно на левую лопатку? В глазах майора появились смешливые искорки. Совсем не из-за анатомической особенности, о которой могут подумать мужчины. Просто раньше на передней правой лопатке коня висела кобура с пистолетом. Поэтому, согласно старой традиции, восходящей еще к донаполеоновским временам, мочиться направо было нельзя.

Большинство читателей знают, что князь Адам Чарторыйский, представлявший про-российскую политическую линию, играл важную роль при петербургском дворе, состоя в свите великого князя, а впоследствии императора Александра I. Насколько важна была эта роль?

Дзевановский пишет, что первородная дочь Елизаветы, жены вел. кн. Александра, вероятно, родилась от Чарторыйского. Конечно, тут не может быть никакой гарантии, ибо тогда не было тестов ДНК, но веро-

М.К. Дзевановский на фоне портрета своего предка Станислава, любомирского каштеляна, кисти Джованни Лампи

ятность этого весьма высока. Наследник не испытывал влечения к жене, с которой был обвенчан в 16 лет, но его отец, безносый царь Павел, приказал ему вырвать Елизавету из лесбийских отношений с фрейлиной Варварой Головиной. По слухам, Александр призвал на помощь своего друга Чарторыйского. Тот воспринял это как приказ будущего монарха. После первого свидания с польским князем Елизавета побежала оправ-

дываться перед Варварой, однако вскоре природа взяла верх. Вот что пишет об этом Дзевановский: «18 мая 1799 г. Елизавета родила дочь, поразительно похожую на Чарторыйского: у смуглой девочки были его черные волосы и темные глаза. После крещения царь Павел, который был крестным отцом, насмешливо спросил молодую мать:

— Мадам, соблаговолите объяснить, как у двух светловолосых родителей может родиться темноволосый ребенок?

На мгновение Елизавета лишилась дара речи, но в конце концов выдала из себя:

— Сир, Господь всемогущ..

Павел пришел в бешенство (...)

— Среди Романовых довольно вырожденков, но до сих пор все они по крайней мере были русскими!»

Вначале царь грозился сослать Чарторыйского в Сибирь, однако все закончилось «ссылкой в посолье» в Турин, тогдашнюю столицу Королевства Сардинии. Только после смерти Павла князь вернулся в Петербург и вскоре был назначен министром иностранных дел России.

Его дочка, которую назвали Марией, умерла через несколько месяцев после рождения. Жаль: если бы не это, сегодня Чарторыйские могли бы гордиться тем, что их предок

положил начало генетически польской ветви рода Романовых.

Книги Дзевановского я настоятельно советую почитать даже тем, кто считает, что историю Польши, Франции и России они знают назубок. Пусть убедятся, что всегда можно открыть что-то новое.

М.К. Дзевановский вручает свою книгу Папе Иоанну Павлу II

Мариан Камиль Дзевановский

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Марек Карпинский ДОЛГ ТОЛМАЧА

Можно задаться вопросом, какова особая миссия польских историков на Западе: каковы особенности их профессии, чего от них ожидают, какой детальной информацией они располагают. Мне представляется, что они должны выступать в роли переводчиков. История Польши и России изобилует многими трагическими моментами, взаимными претензиями, обоесторонней виной. Наше соседство, наша взаимная близость позволяли нам лучше познать друг друга. Польша всегда входила в орбиту запада Европы, но в то же время всегда, хотя и не всегда добровольно, находилась в орбите Востока. То, что было нашим историческим проклятием, может стать нашим историческим преимуществом.

История — это не только изучение последовательности фактов, размещение их в хронологическом порядке или поиски их последствий. История — это еще и перемены в образе мыслей, сдвиги границ восприятия, знание исторически сформировавшихся типов реакции. Без этого история становится лишь добросовестно заполненной записной книжкой и никогда не станет учительницей жизни, ибо окажется столь погруженной в прошлое, что не сумеет осветить нам путь к будущему. То, что поляки знают Россию, обладает нешуточной ценностью: они могут растолковывать Россию За-

Когда я вспоминаю своих гарвардских преподавателей времен аспирантуры по истории России, на первый план выходит фигура Михаила Карповича. Профессор Карпович был внуком польского повстанца 1863-1864 гг., приговоренного царскими властями к ссылке на Кавказ. Там дед профессора, по профессии врач, женился на католичке, княжне Мелании Тумановой, а отбыв ссылку, поселился в Тифлисе. Сын его кончал уже русскую школу и университет и женился на тифлисской русской. И когда 3 августа 1888 г. в Тифлисе родился его сын Михаил, крестили его в православной церкви.

Жизненный путь будущего профессора Гарвардского университета был полон неожиданных, драматических поворотов. В 1904 г., будучи учащимся 2-й классической гимназии в Тифлисе, он был арестован за агитацию в пользу партии социалистов-революционеров. После освобождения поехал учиться в Женеву и Париж. В Россию он вернулся только после объявления амнистии и конституционного манифеста 17 октября 1905 года. Вскоре после этого Карпович поступил в Московский университет, где записался, в частности, на курс лекций В.О.Ключевского. Восхищаясь его захватывающим красноречием, он, однако, не поддавался влиянию Ключевского как историка и педагога: его отталкивало отсутствие цельной методики обучения и слишком хаотический подход к темам лекций. Когда его попросили дать оценку великому историку, Карпович ответил: «Я ходил на лекции маэстро красноречия, как ходили на концерты Шаляпина или в театр». Молодого студента больше устраивали такие профессора, как М.М.Богословский и Д.М.Петрушевский. В 1914 г., написав работу «Александр I и его Священное Соглашение», Карпович получил степень кандидата истории.

Начало I Мировой войны застало его за подготовкой к магистерскому экзамену. Как единственный сын он не был отправлен в офицерское училище — его прикомандировали к военному министерству. К началу революции он сотрудничал уже с партией конституционных демократов. Карпович с энтузиазмом приветствовал создание временного правительства, с которым связывал надежды на фундаментальное реформирование России в духе демократии западного типа. Когда временное правительство послало в США нового посла профессора Б.А.Бахметьева, тот взял с собой секретарем молодого историка. Карпович согласился ехать, так как посол, друг семьи, обещал ему, что оба они вернуться в Петроград к Рождеству.

В Вашингтоне Карпович оказался человеком бесценным — как в силу своей эрудиции и знания языка, так и благодаря блистательному мастерству общения, чем он отличался до конца жизни. Уже тогда ведущие американские университеты часто приглашали его выступить с лекциями. В 1919 г. Карпович вернулся в Европу по приглашению российской Политической конференции, которая в Париже защищала интересы антикоммунистических группировок, сражавшихся с большевиками в гражданской войне. Когда в 1927 г. проф. К.Х.Лорд, автор монографии о втором разделе Польши, ушел из Гарварда, чтобы стать католическим священником, университет предложил Карповичу кафедру истории Восточной Европы. Так началась его тридцатилетняя научная карьера в США.

Осенью 1947 г., начав занятия в аспирантуре Гарварда, я выбрал Карповича своим научным руководителем. Этот выбор оказался во всех отношениях верным, ибо Карпович был замечательным педагогом и увлекательным лектором, пожалуй, лучшим, какого я встретил за всю свою жизнь. Мое мнение не слишком расходилось с мнением моих коллег: аудитория, где читал профессор, всегда была полна; на его лекции приходили даже постоянные университетские люди.

Слушая его лекции по истории философской и общественно-политической мысли в России (1700-1917) — любимый курс лекций Карповича, — я параллельно ходил два семестра на его семинар по общей истории Восточной Европы с древнейших времен, т.е. от крещения Киевской Руси вплоть до большевистской революции, и слушал захватывающий курс истории русской литературы. Наш профессор подчеркивал, что хотя перед I Мировой войной устаревшая политическая система самодержавия тормозила хозяйственное развитие многонациональной царской империи, тем не менее в 1913 г. реальные доходы на душу населения быстро приближались к средним доходам итальянцев. Среди новобранцев, взятых в итальянскую армию в 1913 г., было столько же неграмотных, сколько в России. Просветительская работа местных земств велась жертвенно и успешно. Карпович с гордостью подчеркивал, что в канун большевистской революции Россия постепенно становилась частью западной цивилизации, важным культурным центром. Такой литературно-художественный журнал, как «Мир искусства», был одним из ведущих в мире изданий подобного типа. В 1900 г., когда древние православные иконы и русская живопись были показаны на Всемирной выставке в Париже, они вызвали сенсацию среди западных критиков. То же было и с музыкой Римского-Корсакова, Скрябина, Стравинского. «Жар-птица» Стравинского оставалась сенсацией в Париже на протяжении нескольких сезонов. Если говорить о балете, то царская Россия была в этой области «сверхдержавой», возбуждая восхищение и зависть всего остального художественного мира. В 1900-1913 гг. авангардистские манифесты основателя итальянско-

паду. Это представляется мне главным долгом польских историков, преподающих на Западе.

Один из них, верный этому долгу, — Мариан Камиль Дзевановский из университета в Милуоки (США, штат Висконсин). Он издал по-английски труды «Россия в XX веке», «История советской России и ее наследие», «Александр I, император российский, царь польский». Таким образом, это специалист по истории России, которую он растолковывает своим американским читателям. У тех, кто занимался историей России XX века, можно обнаружить два методологических подхода, две школы. Одна, которую можно назвать советологической, видела историю России минувшего столетия как судьбу определенной идеологии. На эту школу, доминировавшую последние полвека, политика наложила особо сильный отпечаток, что было понятно ввиду того, какую роль играли идеологические мотивировки в принятии решений вождями Советского Союза. Другая школа, которую можно назвать геополитической, исходила из посылки, согласно которой у каждого государства свои интересы в зависимости от его места в мире, отношений с соседями, экономических и сырьевых нужд. Мариан Камиль Дзевановский принадлежит к этой второй группе историков.

Поэтому первая глава первой части его книги «Россия в XX веке» (она разделена на три части: «Царская Россия», «Коммунистическая Россия» и «Посткоммунистическая Россия») называется «Геополитическая характеристика России и ее сферы влияния». Видимо, автор считал геополитику лучшим ключом к познанию истории. Эту главу (и каждую следующую) завершает библиография, дело которой — не столько носить исчерпывающий характер,

сколько помочь обратиться к дальнейшему чтению, если что-то кого-то заинтересует. Эта книга, написанная как университетский учебник, дружелюбна к читателю. Она не эпатирует ни знаниями, ни сложной и перегруженной научной терминологией — повествование в ней просто. Она выводит на поверхность и подчеркивает самые значительные факты и события. В остальном же отсылает любителей к своей сжатой библиографии. В конце некоторых глав помещены резюме, куда собраны все сливки подаваемого знания.

Университетские учебники нет ни нужды, ни возможности пересказывать. Зато можно попытаться показать, какими путями идет авторская мысль. В первых двух главах, задача которых — ввести нас в XX век, рассмотрены российские государственная и революционная традиции. Таким образом, они указывают два источника важнейших событий минувшего столетия. Следующие главы посвящены русско-японской войне и революции 1905 г., демократическим экспериментам, участию в I Мировой войне и его результатам, а затем февральской революции.

Первая глава второй части называется «Творение утопии», открывается созданием ЧК и роспуском Учредительного собрания, а завершается созданием Красной Армии и изданием первой конституции. Автора, похоже, прежде всего интересует институциональный аспект происходящих перемен. Далее следуют 16 глав, охватывающих всю советскую историю вплоть до горбачевской «перестройки». Не пересказывая их, отметим различия в том, что более и менее подчеркнуто. Весьма подробно рассмотрен период до начала «Великой Отечественной войны», что резко отличается от тона американской историографии, ко-

го футуризма Маринетти публиковались почти одновременно в Милане, Москве и Петербурге. Такие художники, как Василий Кандинский и Казимир Малевич, были предтечами абстрактной живописи.

И в науке, подчеркивал Карпович, дореволюционная Россия быстро догоняла западные страны. Так, например, еще в 1869 г. Дмитрий Менделеев создал систематическую таблицу химических элементов; одновременно он исправил удельный вес девяти из них и предсказал существование четырех еще не открытых. В 1909 г. другой русский ученый, И.П.Павлов, получил Нобелевскую премию за теорию условных рефлексов, основанную на опытах с собаками, реагирующими на внешние раздражители.

Признаюсь, что многие из этих фактов были для меня совершенно новой новостью. Например, несмотря на то, что я долго пробыл в Великобритании, я и понятия не имел, что одной из знаменитостей Оксфорда был на протяжении многих лет историк права Павел Виноградов. Вообще в первые годы моего обучения в Гарварде я три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, затаив дыхание, слушал захватывающие лекции моего учителя. Он, впрочем, относился ко мне исключительно заботливо и доброжелательно.

Профессор Карпович, вероятно, один из самых впечатляющих людей своего поколения, был воистину талантливым оратором и всегда мог до краев заполнить большие аудитории. Кроме того, он был автором ряда работ по истории России, написанных на высоком литературном уровне. Ему принадлежит книга «Императорская Россия. 1801-1917» (по-английски). Карпович был также одним из соавторов коллективного труда «Economic History of Europe since 1750». К этому следует прибавить ряд более мелких трудов, назову хотя бы капитальный очерк «Владимир Соловьев о национализме» («Ревью оф политикс», 1946) или «Церковь и государство в ранней русской истории» («Рашен ревью», 1954).

Помимо лекций главной страстью проф. Карповича было редактирование таких монументальных трудов, как английское издание трехтомных «Очерков по истории русской культуры» Павла Милокова. Мой ментор занимался этим с таким пылом и преданностью, какие встретишь мало у кого из редакторов. Он занимался этим с любовью, так как не только почитал Милокова-историка, но и разделял его политические взгляды либерала и защитника фундаментальных интересов России.

Стоит упомянуть и об отношении проф. Карповича к польским делам. И по сей день мало в мире таких преданных и искренних друзей нашей страны, каким был проф. Карпович. Тридцать с лишним лет он был главным преподавателем истории Восточной Европы в целом и России в частности. За эти годы он выпустил в мир несколько тысяч студентов, которые под его руководством изучали историю России и Восточной Европы. На протяжении последнего полувека многие из них занимали ответственные на-

учные посты в ведущих американских учебных заведениях. Сорок воспитанников М.М.Карповича защитили докторские диссертации. Как в своей научной работе, так и в своих прекрасных лекционных курсах, переполнявших большие гарвардские аудитории (причем среди слушателей было немало приехавших извне университета), Карпович был глашатаем дружбы между польским и русским народами. Он всегда стоял на страже уважения к фактам и предельного беспристрастия в их оценке. Гуманист и либерал, враг шовинизма и нетерпимости, суровый критик русификаторских поползновений царизма, Карпович исповедовал принцип, провозглашенный Александром Герценом, согласно которому не может быть воистину свободным народ, угнетающий другие народы. В духе герценовской традиции дружбу между Польшей и Россией наш благородный русский друг видел как дружбу двух свободных и равных, суверенных наций. В 1949-1955 гг., будучи деканом отделения славистики Гарвардского университета, он добился создания здесь постоянной кафедры польского языка и литературы. Он поставил во главе ее видного полониста Виктора Вайнтрауба, выпускника Ягеллонского университета, ученика профессоров Станислава Кота и Игнация Хшановского.

Увы, все, что можно написать или сказать о Михаиле Карповиче, не может полностью передать ни его значения как вдохновенного лектора, ни его личного, человеческого обаяния, которое он излучал вокруг себя на каждом шагу. Уважение и любовь (я пользуюсь этим словом, нимало не боясь впасть в преувеличение), какими его окружали ученики и сотрудники, были отражением того огромного багажа как знаний, так и человеческих симпатий, который стал прочным вкладом проф. Карповича в еще недавно пионерское дело преподавания истории Восточной Европы в Америке.

Дабы воздать дань уважения и признательности учителю, 26 его докторантов включили свои работы в книгу «Russian Thought and Politics» («Русская мысль и политика»), приуроченную к выходу проф. Карповича на пенсию.

торая до сих пор не может избавиться от созданного американской пропагандой образа доброго «Дяди Джо», с трубкой в зубах размышляющего о счастье человечества. Дзевановский внимательно наблюдает борьбу Сталина за власть и ее сохранение внутри страны, а также за влияние и расширение этого влияния за границей. Кстати, границы СССР в то время характеризовались все большей протяженностью.

Третью часть открывает глава «Крушение Советского Союза», начинающаяся описанием «августовского путча» и завершенная общим взглядом на СССР с исторической перспективой. Следующая — и уже последняя — глава названа «Содружество независимых государств и Российская Федерация». Начинается она описанием перехода от анархического капитализма к криминальному, а кончается переходом от эры Ельцина к эре Путина.

Книгу завершают приложения, такие, как хронология царствований династии Романовых или даты съездов КПСС. И в самом конце — карта административного деления РФ.

Долг историка — объяснять, растолковывать. Любопытный вызов принимает польский историк, берясь растолковывать Западу Россию. Иногда он даже отказывается подчеркивать моменты, которые в польском историческом сознании заслуживают названия переломных, такие, как битва под Варшавой 1920 г. или июньские выборы 1989-го. Что же делать, *traditore traduttore*, таков долг толмача.

Петр Мицнер

УЗНИК ИСТОРИИ

Могло бы показаться, что пропаганда времен ПНР успешно отобьет у поляков всякий интерес к поэзии Владислава Броневского. Ни одно торжественное заседание не обходилось без его стихов, школьники учили их наизусть. Однако стихи устояли, выдержали и это испытание. Главным оказалось то, что эти стихи — запись подлинных чувств, что автор был попросту выдающимся поэтом. Даже тогда, когда подчинялся пропагандистским штампам, как, например, в «Слове о Сталине». Несколько лет назад, благодаря огромной филологической работе, проделанной Феликсой Лиходзеевской, вышло четырехтомное «Полное собрание стихотворений» Броневского. Его стихи выходят

также отдельными изданиями, кружат в Интернете, а полонисты занимаются их исследованием.

Разумеется, автор «Баллады о Театральной площади» еще до 1989 г. воспринимался разнопланово: как «последний романтик», как чистый лирик, как отважный участник истории. В самиздате кружили его неподцензурные тексты, особенно знаменитые стихи, написанные в советских тюрьмах. Ходили рассказы о его скандальных выступлениях на различных официальных приемах, когда ему удавалось высказать, что он думает о власти. Одной из тем, которая постоянно возвращалась в таких «эксцессах», были советские застенки.

В начале сентября 1939 г. Броневский на велосипеде добрался из Варшавы до Тернополя, чтобы записаться в армию. Взяли его в армию в Збараже лишь 12 сентября, и он не успел принять участие в боях. После вторжения Красной Армии в Польшу поэт выехал во Львов. Сотрудничавшие с новой властью писатели, как и сама эта власть, весьма на него рассчитывали. Между тем Броневский, как вспоминает Александр Ват, «ходил по Львову, кипя и стиснув зубы, и везде, где мог, декламировал свои стихи». А они были не такими, на которые рассчитывали редакторы-политруки, поэтому их и не печатали. Автор же не соглашался ни на какие изменения.

В январе 1940 г. Броневский был арестован органами НКВД. Кроме него, в тюрьме тогда же оказались другие литераторы и художники. Так во второй раз за свою жизнь попал он за решетку, хотя прежняя отсидка в польской тюрьме в 1931 г. (за участие в редактировании коммунистического «Месенчника литератцкого») не шла ни в какое сравнение с тем, что его теперь ожидало.

Кулисы львовского ареста до сих пор неясны. Значительную часть вины приписывают сценографу Владиславу Дашевскому, который «сдал» своих коллег энкаведешникам. Однако не он, а известный график Франтишек Парецкий дал самые тяжкие показания на поэта:

«После прихода во Львов Красной Армией в октябре 1939 года БРОНЕВСКИЙ написал стих под названием «Польский жовнер» («Польский солдат»), в котором он выразил грусть и печаль по поводу того, что не стало Польши как самостоятельного государства, нет уже солдат с орлами, что польские солдаты сидят и плачут, глядя на других, чужих солдат. Стих БРОНЕВСКОГО «Польский жовнер» насыщен польским национал-патриотизмом и является логическим продолжением его социал-патриотического стиха «Багнет на бронь!» [«Штык наизготовку!»]. Свой стих «Польский жовнер» БРОНЕВСКИЙ прочитал в кругу польских писателей, где и я присутствовал. Об этом стихе БРОНЕВСКОГО знают моя жена, Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ, Галина ГУРСКАЯ. По слухам мне известно, что стих БРОНЕВСКОГО «Польский жовнер» передавался по радио из Франции, г. Тулуза».

Подстрочник для НКВД

Во время следствия другое инкриминированное ему стихотворение — «Сын покоренной нации» — было переведено Броневским на русский язык. Рукопись этого подстрочника находится в деле:
Подстрочный [перевод на]равленного мною стихотворения «Syn podbitego narodu»...

*Сын покоренной нации, сын независимой песни,
О чем и как должен я петь, когда дом мой — развалины и пожарище?
Как танк, перевалился сентябрь земле родной через грудь,
А моя ладонь безоружная и безоружная родная земля.*

*Я на эту землю вернусь, я хочу ее спасти,
Оттуда гореть миру пожаром сердца и песни.
Я хочу, чтобы из развалин Варшавы рос желобетоном социализм,
Я хочу, чтобы гейнал Марияцкий шумел красным знаменем.*

*Гордая и прекрасная Варшава, слава твоим развалинам!
Я хочу подсчитать и расцеловать твои мученические кирпичи.
Дай руку мне, Беларусь, дай руку мне Украина,
Вы мне дадите в путь ваш независимый серп и молот.*

*Зарево свободы народов, мощь в стиснутом кулаке!
Пройдут недалекие дни, и будет в мире равенство...
Я пишу ладонью безоружной, грозной, хотя она не мститесь.
Сын покоренной нации, сын независимой песни.*

... [м]ая 1940 г. В. Броневский

«Не знаю, не помню, не скажу»

Как в львовской Замарстыновской тюрьме, так и позже в Бутырках Броневский не был сломлен. Александр Ват описывает, как они оба оказались в карцере за попытку перестукивания через стену с помощью тюремной азбуки:

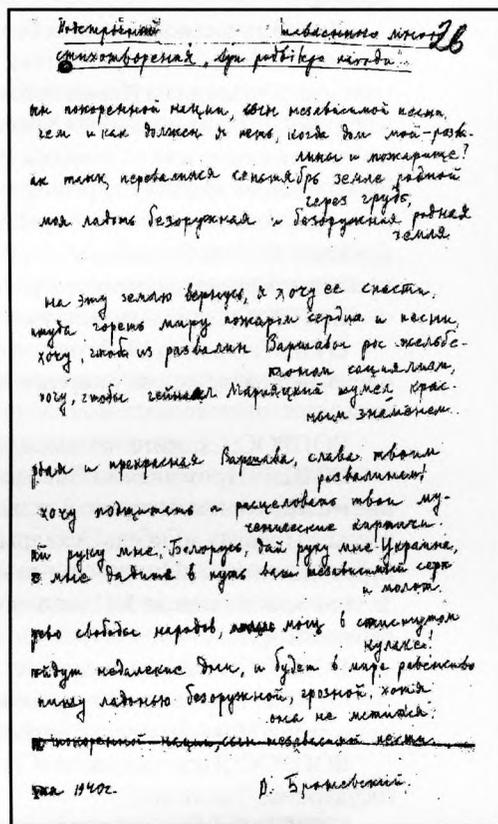
«Он не хотел со мной разговаривать, сообщил мне через стенку, что полон презрения ко мне за то, что я признался. Владек был неслыханно храбрый, очень сильный, прямо орленок. Я ходил интеллигентским шагом, бегал по кругу в этой камере. А он — тут я ему завидовал — вышагивал по-солдатски, отбивал такт и пел все легионерские песни. Все время пел, пять суток пел».

Следователям Броневский охотно рассказывал о своем участии в легионах Пилсудского, о войне 1920 года. Однако они не могли вытянуть из него показаний на других. С этим столкнулся еще следователь Шевченко во Львове. Вот протокол, в котором я подчеркнул отрицательные ответы Броневского.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Львов, 1940 г., февраля, 12 дня, я, ст. следователь следчасти УНКВД по Львовской области сержант Госбезопасности Шевченко, сего числа допросил обвиняемого Броневского Владислава Антоновича, начало допроса 11 часов 50 минут.

ВОПРОС: Расскажите подробно о своей службе в бывшей польской армии.

Подстрочный перевод стихотворения «Syn podbitego narodu»

ОТВЕТ: В 1915 году, в апреле месяце я добровольно пошел служить в польские легионы, которые создавались Пилсудским при всесторонней помощи Австрии. Польские легионы это была своего рода школа, которая должна была подготовить кадры для будущей польской армии, одновременно оказывала помощь Австрии в войне с Царской Россией. Когда я приехал в Ново-Радомск я поступил в унтер-офицерскую школу польских легионов и в июле 1915 года я, вместе с 4 пехотным полком, пошел на фронт в направлении на восток, где оставался до осени 1916 года. В декабре 1916 года я, вместе со своими польскими легионами возвратился в так называемое Королевство польское сначала в г.Зегже и затем в г.Ломжа. В июле 1917 года я вместе с русскими подданными, которые отказались присягать на верность Германии, был направлен в Щеперно, где был в военно-пленном лагере 5 месяцев. В 1918 году, с начала года я учился дома, в гор. Варшава, подготавливался к получению атестата зрелости а в октябре месяце поступил на учение в Варшавский Университет. С 11 ноября 1918 года я снова добровольно пошел служить в польскую армию, был назначен подпоручиком и командиром роты ударного полубатальйона, находившегося во Владимире Волынке, участвовал в боях против петлюровцев до апреля месяца 1919 года. Затем полубатальйон, в котором я служил был слит — соединен с 1 пехотным полком польской армии и отправлен на фронт в город Вильно для борьбы с Советской армией, которая находилась в городе Вильно. Город Вильно был взят польскими войсками а Советские войска отступили на восток.

Лично я участвовал во всех боях, которые вел 1 пехотный полк с Советскими войсками и частично слитовскими войсками, а именно: участвовал в начале 1920 г. в наступлении на Двинск, весной 1920 года в наступлении на Киев и летом 1920 года против Красной армии, шедшей к Варшаве. Дивизия, в которой я служил зашла в тыл Красной армии и с Люблина повела наступление на Белосток и дальше на восток в направлении г.Стовбцы. В окрестностях г.Стовбцы, Молодечно я оставался до начала 1921 г. Затем полк, в котором я служил капитаном, был переведен в окрестности г.Вильно. Осенью 1921 года я демобилизовался с польской армии по собственному желанию и поступил учиться в Варшавский университет. Таким образом, с осени 1921 года я уже не служил в польской армии, хотя как капитан запаса призывался на переподготовку три раза.

ВОПРОС: Сколько раз вы участвовали в боях против Советских войск и где именно?

ОТВЕТ: С весны 1919 года по осень 1920 года я участвовал в боях против Красной армии очень часто, но сейчас не могу перечислить мест, где я участвовал в боях, основные же кампании я уже назвал.

ВОПРОС: Скажите, что вы делали здесь, во Львове, как польский писатель?

ОТВЕТ: Проживая во Львове я принимал активное участие в работе львовского оргкомитета писателей, членом которого я являлся, читал авт. стихи рабочим фабрик, переводил на польский язык пьесы: «Правда», «Гибель Эскадры» — Корнейчука и «Егор Булычев» — Горького, начал работу над переводом пьесы «Интервенция» — Славина, был литературным руководителем польского театра. За это время я написал 3-4 стихотворения, а именно: «Контакт», «Сын покоренной нации», «О спекулянтах» и др.

ВОПРОС: О чем вы писали в стихотворении «Сын покоренной нации»?

ОТВЕТ: В этом стихотворении я выразил свои чувства и стремления, выразил грусть по поводу разрушения Польши и выразил свою надежду на социализм и на Союз ССР.

ВОПРОС: В произведении «Сын покоренного народа» вы призывали к восстановлению польского государства. Так ли это?

ОТВЕТ: Я призывал к вере и надежде в Союз ССР. Я не призывал к восстановлению польского государства.

ВОПРОС: Следствию известно, что вы недоброжелательно высказывались по отношению к Советскому Союзу и его Красной армии, освободившей от польского ига народы западной Украины и западной Белоруссии. Так ли это?

ОТВЕТ: Это неправда. Я не высказывался против Союза ССР и его Красной армии.

ВОПРОС: Скажите, когда и каким путем прибыла из Польши, вернее из Варшавы во Львов ваша жена?

ОТВЕТ: Моя жена Мария Павловна Зарембинская-Корнацкая, бывшая актриса Варшавского театра из Варшавы во Львов прибыла легальным путем с семьей Ванды Василевской 12 декабря 1939 года. Жена моя приехала по пропуску, который получила семья Ванды Василевской от немецких властей г. Варшавы.

ВОПРОС: Сколько писем и кому именно вы отправили нелегальным путем в г. Варшаву?

ОТВЕТ: В город Варшаву я отправил письмо и 700 злотых из г. Белостока в конце ноября 1939 года через ухидившего нелегальным путем в г. Варшаву Петкевича Казимира — скульптора для своей жены Зарембинской-Корнацкой, чтобы она приехала сюда, во Львов. Передал еще два письма, через неизвестных мне лиц, со Львова, кажется в ноябре месяце тоже для жены, которых она не получила. Деньги и письмо моя жена получила в начале декабря 1939 года от Петкевича. Больше никаких писем я не писал.

ВОПРОС: Говорила ли вам жена, после приезда во Львов, о существовании в Варшаве организации по восстановлению польского государства?

ОТВЕТ: Нет, не говорила.

ВОПРОС: Знаете ли вы Кубицкого Марьяна и где он сейчас проживает?

ОТВЕТ: Да, Кубицкого Марьяна я знаю как писателя и жителя Варшавы, где он сейчас — я не знаю.

ВОПРОС: К каким партиям принадлежал Кубицкий Марьян?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Писали ли вы письма своей сестре, проживающей в г. Варшаве?

ОТВЕТ: Да, одно письмо своей сестре, проживающей в г. Варшава, я написал и передал его через Петкевича в ноябре месяце 1939 года.

ВОПРОС: Скажите, от кого и сколько писем вы получили из Варшавы и территории, занятой немцами?

ОТВЕТ: Я получил по почте от своей первой жены Броневской Куниг Янины Оскаровны, проживающей в г. Белостоке, два письма, которые писала моя вторая жена из Варшавы Зарембинская-Корнацкая и еще одно письмо получил от Ванды Василевской в декабре или начале января месяца от писателя Миллера Яна, проживающего в г. Варшава. Каким путем получила письмо для меня от Миллера Василевская, я не знаю.

ВОПРОС: Следствию известно, что вы находясь во Львове группировали вокруг себя националистически настроенных и реакционных польских писателей для борьбы за восстановление польского государства. Следствие настаивает на даче правдивых показаний по этому вопросу.

ОТВЕТ: Это неправда. Я не группировал вокруг себя националистических писателей и вращался среди коммунистически настроенных писателей и никакой вредной для Советской власти работы я не проводил.

ВОПРОС: С какими писателями, проживающими во Львове вы вели антисоветские разговоры?

ОТВЕТ: Антисоветских разговоров с писателями, проживающими во Львове, я никогда не вел.

ВОПРОС: От каких лиц вы слышали высказывание недовольств по отношению к Советской власти?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Скажите, когда и в разговорах с какими лицами вы высказывали свои недовольства по поводу не печатания ваших произведений в Советской печати здесь, во Львове?

ОТВЕТ: Я не помню.

Допрос прерван в 15 часов 00 минут.

Протокол читал, записан с моих слов правильно, в чем и расписываюсь — В. Броневский.

Из Москвы в июне 1941 г. Броневского перевели в Саратов, где ему был вынесен приговор: пять лет ссылки в Казахстан. На свободе он оказался после подписания в августе 1941 г. советско-польского договора, известного как договор Сикорского—Майского. Вступил в армию, сформированную генералом Андерсом, и до 1945 г. находился на Ближнем Востоке. Позднее через Лондон возвратился в Польшу.

«Я поборюсь с судьбой»

В тюрьмах Броневский писал стихи. Ясное дело, что не записывал, а запоминал их, чтобы записать после выхода на волю.

«Человек это звучит гордо» —
сказал покойный Максим,
а меж тем: тут колотят в морду,
говоря, что ты сукин сын.

Что же делать такому сыну
за решеткой НКВД?..
так помолимся мы матерщиной
потускнелой, алой звезде.

Это стихотворение Броневский написал в феврале 1940 г. по-русски.

РАЗГОВОР С ИСТОРИЕЙ

О наставница жизни, История!
Твои шутки нелепы и страшны:
Орион, над тюрьмой этой стоя,
смотрит, как мы сидим на параше.

Травишь старые мне анекдоты
то с издевкой, то с усмешкой,
так парашничаем понемногу —
ты уж вечность, а я уж месяц.

Объясни, бессмертная, эту
склонность странную к парадоксам,
и еще спрошу — всему свету
кровь портить — не сумасбродство?

Ибо если повсюду войны
и военное положение,
то, История, для чего мы
на параше сидим с голой женой?

Революционный поэт
должен сгинуть в тюрьге советской?!
Нет, История, нет!
Я иль ты — кто-то судит по-детски!

Постыдись же, почтенная дама,
выпусти из-под этого крова...
(Ведь успеем вернуться сюда мы,
схватим срок за воротами снова).

Львов — Замарстынов, 1940 г.

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ

Дочурка милая, тебе я
письмо пишу в тюрьме.
Темнеет к ночи и слышнее
свист поездов во тьме,

небо в решетчатом окошке —
как серой тряпки шмат,
а воробьи, склевавши крошки,
уж улететь спешат.

Дочурка, ничего, что трудно,
я поборюсь с судьбой:
ведь я из тех людей, что грудью
встречают жребий свой.

Здесь время длится, дни не мчатся,
Текут, как кровь из жил...
Здоровья, милая, и счастья,
а мне — пусть хватит сил.

Ведь я — Изгнанников ровесник,
и, верен их пути,
на дальний берег бремя песни
я должен донести.

*Львов — Замарстынов, 1940 г.
(Переводы Натальи Астафьевой)*

Досто Р.Б.З. в З.С.Р. Я.	Командование Польской Армии в СССР
Кажбузас, dnia 21 marca 1942 r.	Кубышев, dnia 21 марта 1942
L.....1010/0.У.	№1010/0.У.
Do: БРОНЕВСКОМУ Владыславу Кры.	Г-чу БРОНЕВСКОМУ Владыславу Кры.
Polakom natychmiast po otrzymaniu tego rozkazu wyjechać do Armii Polskiej.	Немедленно после получения это по приказа отправиться в Польскую Армию.
Meldować się w Etaple Armii w Jangi-Jui	Явиться в Этап Армии в Янги-Юй.
	Генерал-майор Александр Алданов Генерал-майор Александр Алданов

Повестька, присланная В.Броневскому из армии ген. Андерса

Копии всех приведенных в статье документов находятся в центре «Карта» в Варшаве, куда они поступили в 1992 г. в рамках осуществляемой совместно с российским «Мемориалом» исследовательской программы. При публикации сохранены стилистика, орфография и пунктуация текстов.

ЦЕНТРАЛЬНУЮ ЕВРОПУ НЕ ПОЛИТИКИ ПРИДУМАЛИ

Беседа с профессором Антонием Подразой

— *Господин профессор, вы — известный краковский историк, председатель Восточноевропейской комиссии при Польской Академии свободных искусств. Скажите, над чем вы сейчас работаете?*

— В последние годы моя работа идет в двух направлениях. Одно из них заключается в формировании критического взгляда на историю. Я участвовал в разработке концепции «Энциклопедии всемирной истории» и в составлении отдельных ее томов. На первый взгляд может показаться, что составить такую общую монографию просто — от А до Я (в крайнем случае можно предложить какую-нибудь статью). Однако это издание возвращается к идее и концепции энциклопедии, создававшейся Польской академией наук в межвоенный период, когда вместо того, чтобы писать множество расположенных в алфавитном порядке статей, прорабатывались отдельные темы. Наша энциклопедия состоит из 14 томов. В первых семи в хронологическом порядке излагается всемирная история. Следующие семь носят уже иной характер: они посвящены отдельным континентам. В них в алфавитном порядке рассматривается история ныне существующих государств. Последний, 14-й том полностью посвящен истории Польши. Под моей редакцией вышел V том, в котором представлена история Нового времени (XVI-XVIII вв.). Значительная часть этого тома написана опять-таки мною. В томах, посвященных Европе, я описал историю России и Украины. Энциклопедию издает издательство «Опрес». В свою очередь издательство «Фогра» приступило к составлению 12-томной монографии по всемирной истории, в которой мне достался XVII век. Сейчас я как раз работаю над этим томом. Конечно, у меня есть помощники, но все, что касается Восточной Европы, т.е. истории России, Первой Речи Посполитой, Турции и балтийского узла на севере, я оставил себе.

Вторая проблема, которой я сейчас занимаюсь, — это Центральная Европа. Это связано с моим интересом к пространственным аспектам истории. В 50-е годы я написал книгу об экономических регионах Малопольши в XVIII веке. Уже тогда меня интересовал

элемент пространства и его роль в разные исторические периоды. Начав с Малопольши, я перешел к регионам, существующим поверх государственных границ. В последнее время я посвятил этой теме немало статей. Я сотрудничаю с Международным центром культуры, директор которого — Яцек Прухля. Этот центр занимается организацией встреч, конференций и издает труды, посвященные прежде всего центральноевропейской тематике, в т.ч. и мои статьи — например, «Ist Mitteleuropa eine historische Region?». В своих публикациях центр пытается также определить, какого рода региональным образованием была Речь Посполитая в XVI-XVII веках.

— *В России до 1991 г. понятие «Центральная Европа» было совершенно неизвестно. Не могли бы вы рассказать о своей концепции Центральной Европы?*

— Разные народы понимают эту концепцию по-разному. Для чехов, венгров и австрийцев это прежде всего придунайский регион, включающий в себя земли бывшей австро-венгерской монархии. У немцев понятие «Mitteleuropa», очень модное еще до I Мировой войны, возникло и было распропагандировано благодаря одноименной книге Ф.Наумана. Означало оно зону немецкой гегемонии.

В межвоенный период понятие это было связано с блоком малых и средних государств, расположенных между двумя сверхдержавами — Германией и СССР, — т.е. с Польшей, Чехословакией и Венгрией.

Чтобы по-настоящему вникнуть в понятие «Центральная Европа», необходимо принять во внимание три великих деления нашего континента. Первое из них — это античное деление на средиземноморский мир (*imperium romanum*) и европейский *barbaricum*, расположенный к востоку от Рейна и к северу от Дуная.

Второе деление возникло в Средние века и связано с разделением культурного мира на латинский и византийский. Разумеется, деление это восходит еще к античному периоду, когда западная часть Европы была более римской, а восточная — более греческой. Начиная со времен Диоклетиана империя начала распадаться на западную и восточную, что закре-

пило существовавшее разделение. Существенную роль сыграл X век, а точнее — принятие христианства Русью, Чехией, Польшей и Венгрией. Это привело к расширению границ самой Европы. Новая граница проходила не по Рейну и Дунаю, а по восточной границе Польши, восточной и южной границе Венгрии. Западные территории принадлежали к латинской культуре, восточные — к византийской. Какая из них была лучше? Культуру нельзя оценивать подобным образом. Они были просто разные: начиная с языка и кончая живописными формами (икона и реалистическое изображение) или развитием архитектуры (романский или готический храм и византийская церковь). Можно сказать, что эти два мира отличались друг от друга буквально всем, хотя происходили от общей греко-римской культурной основы.

Западное пространство тоже было неоднородно. Были страны со старой римской традицией и страны, которые только что вошли в это пространство: восточная Германия, Польша, Чехия, Венгрия, Хорватия и скандинавские страны.

Третье разделение произошло в XVI веке. Это было экономическое разделение, породившее общественные и культурные различия. Страны Западной Европы начали двигаться в направлении рыночной экономики и урбанизации. Крестьяне в них были зависимы от землевладельцев, но это была арендная зависимость. Ситуация на Востоке была совершенно иной: торможение процесса урбанизации, экономика, ориентированная исключительно на производство продовольственных продуктов и сырья, что, впрочем, было тогда очень выгодно. Крестьяне были зависимы и в правовом смысле, и в смысле повинностей: их принуждали отработывать барщину.

Теперь, если мы нарисуем границу средневекового разделения, т.е. восточную границу Польши и Венгрии, и границу третьего разделения, основанного на экономических различиях, — она пройдет по Лаббе и южнее Истрии, — то территория между ними и будет Центральной Европой. В культурном отношении территория эта связана с Западом, в экономическом — с Востоком. Такова (разумеется, в максимальном упрощении) моя концепция Центральной Европы.

— Современная Центральная Европа — это главным образом территория бывшей Австро-Венгрии.

— Да, но что же делать с Польшей? На определенном историческом этапе Польша обратилась к Востоку, и можно было ожидать, что такая великая держава, как Речь Посполитая XVI-XVIII вв., сумеет дать Европе нечто новое. Казалось, что, переняв элементы западной и восточной культуры, она создаст совершенно новое культурное образование, отличающееся и от Востока, и от Запада. Однако ничего подобного не произошло. Две культуры сосуществовали на од-

ной территории, и, хотя их взаимное влияние несомненно, полная ассимиляция так и не наступила. Костел с готическими нервюрами не был увенчан византийским куполом. Я сам вырос в городке, в котором, стоя на главной площади, можно было увидеть три храма: римско-католический костел, греко-католическую церковь и синагогу. Речь Посполитая была единственным в своем роде государством, опиравшимся наполовину на латинскую, наполовину на византийскую традицию. В этом заключалось ее великое богатство, но в то же время это доставляло массу проблем, связанных с культурными и, конечно же, религиозными различиями. Об этом свидетельствуют хотя бы казацкие восстания. К чему приводят подобные различия, можно увидеть и сегодня на примере стран бывшей Югославии.

— Восточноевропейская комиссия, которую вы возглавляете, была создана в 1993 году. Это одно из самых молодых детищ Академии свободных искусств. Что стало причиной ее создания?

— Вначале была только Центральноевропейская комиссия. Восточноевропейская комиссия отделилась от нее из-за различий в проблематике. Первая носит прежде всего исторический характер. Вторая, созданная филологом проф. Лужным, занялась различными проблемами культуры, религии, архитектуры, искусства. Кроме того, Центральная и Восточная Европа отличаются друг от друга политическими судьбами. В руководимой мною комиссии несколько лет преобладала литературная и философско-религиозная тематика — это было связано с интересами проф. Лужного. Его ученик проф. Гжегож Пшебинда написал весьма любопытную работу «От Чаадаева до Бердяева», опубликованную в «Трудах Восточноевропейской комиссии». Интересуемся мы и проблемой лемков, которой посвящены два тома наших публикаций. Множество встреч и дискуссий, вызывающих неизменный интерес, подтверждают смысл существования этой комиссии. В каком-то смысле комиссия реализует постулат интеграции различных областей науки, а это очень ценное и полезное явление.

— Академия свободных искусств была основана в 1872 году. Формально ее деятельность ограничивалась территорией австрийской части Польши, однако с самого начала своего существования она играла роль общепольского научного и культурного института. Ее влияние выходило за пределы Австро-Венгрии, охватывая не только польские земли, но и многие другие страны. В 1952 г. ее деятельность была приостановлена, а все ее отделения и имущество были переданы созданной в то время Польской Академии наук в Варшаве. После 1989 г. ПАСИ возобновила свою деятельность. Что в настоящее время отделяет ПАСИ от

ПАН? Являетесь ли вы сторонником независимости двух академий?

— То, что после 1989 г. Академия свободных искусств возобновила свою деятельность, для меня вполне объяснимо. Однако сегодня, когда Третья Речь Посполитая существует уже добрых полтора десятка лет, разделение — результат некоей аномалии, заметной не только в организации науки, но и во всем обществе, которое до сих пор разделено, что, по-моему, совершенно ненормально. Пока общество будет разделено на людей «Солидарности» и экс-коммунистов, будут существовать и разделения во всех областях жизни, в т.ч. и в науке. Хотя, надо признать, сейчас наблюдается — правда, очень постепенное — сглаживание антагонизмов.

— Надо полагать, что своими предшественниками в науке вы считаете создателей знаменитой краковской исторической школы?

— Да, несомненно, хотя прежде всего мне нравятся их исторические концепции, политическая же сторона их деятельности — несколько меньше. Мне кажется, не может быть никакой связи между интерпретацией польского политического процесса и консервативными убеждениями. Сам я — человек прогрессивный, но несмотря на это я всегда был горячим сторонником взглядов Михала Бобжинского на прошлое нашей страны. «Очерки по истории Польши» я прочел, еще будучи школьником, и они произвели на меня огромное впечатление. Необходимо различать две вещи. Краковская историческая школа возникла в специфической политической атмосфере. Она хотела произвести переоценку некоторых взглядов, сложившихся после восстания 1863 г., и соответствующим образом осветить прошлое польского народа. Это не значит, что я не согласен с рядом аргументов варшавской исторической школы, называемой оптимистической. Я не слишком доверяю понятиям «оптимистическая» и «пессимистическая». По-моему, пессимист — это человек, утверждающий, что мы сделали все возможное и несмотря на это проиграли. Если же кто-то говорит, что мы были виноваты сами, но в следующий раз все исправим, — это свидетельство оптимизма. Если говорить о последнем периоде существования Первой Речи Посполитой, права была варшавская школа: несмотря на максимальные усилия конец был трагическим. Почему? Потому что в тех условиях ничего нельзя было сделать. Лично я — убежденный сторонник нынешних границ Польши, которая, в отличие от прежних Речей Посполитых, представляет собой сплоченный организм в политическом, культурном и религиозном смысле. В этом отношении я отличаюсь от многих поляков, все еще мечтающих о территории, простирающейся далеко на восток. Ведь Бобжинский тоже не был энтузиастом расширения границ, считая эту тенденцию одной из главных при-

чин падения польского государства. Энергия народа разошлась по огромной малонаселенной территории, а вдобавок нам достался сосед с иной культурной традицией. Конечно же, я имею в виду Россию. Выжить в таких условиях было для Речи Посполитой очень трудной задачей.

— Бобжинский был сторонником налаживания отношений с украинцами, хотел, чтобы им были предоставлены равные избирательные права.

— Да. Это даже стоило ему должности в результате кампании, развернутой национал-демократами и поддержанной галицийскими епископами. Думаю, что Бобжинский был величайшим политическим умом рубежа XIX и XX столетий. При этом следует отметить, что он мог действовать только в небольшой провинции могущественной австро-венгерской монархии. Из-за этого у него не было той возможности полностью проявить свой талант, какая была в соседнем государстве у Бисмарка. Быть может, сравнение Бобжинского с Бисмарком довольно смело, но, несомненно, Михал Бобжинский был выдающейся личностью. В регионе, населенном двумя народами, говорящими на разных языках и исповедующими разные религии, он проявил здравый рассудок и умеренность.

Я давно интересуюсь украинской проблемой. Недавно я написал трактат «Проблема пограничья в Центральной и Восточной Европе (на примере польско-украинского пограничья)», в котором попытался объяснить разницу между пограничными землями на востоке и западе Европы. Искусственное образование, возникшее после первого раздела Речи Посполитой и называемое Галицией, прекрасно подходит для проведения такого сравнения.

— А есть ли шанс сохранить независимость современной Украины, пытающейся справиться с нелегким наследием прошлого?

— Украина до сих пор разделена на три характерные области. Первая из них — это Западная Украина, где осознание национального своеобразия сильнее всего, но где оно связано с националистическими тенденциями. Вторая область — это приднепровские земли, жители которых составляют самую многочисленную часть населения Украины, говорящую на украинском языке и отличающуюся чувством своей национальной принадлежности. Третья область — это Харьковщина, Донбасс и южный регион, включая Одессу и Крым, — территория сильно русифицированная, где значительную часть населения составляют русские. Сегодня независимость Украины во многом будет зависеть от того, какая из этих областей подчинит себе остальные. Конечно, важным фактором остаются и отношения с соседями — Россией и Польшей, — которые должны основываться на взаимопонимании.

— *Была ли лояльность краковской школы к Австро-Венгрии, столь часто подвергавшаяся критике воинствующих польских патриотов, равносильна тройной лояльности?*¹

— В каждой из трех аннексированных частей Польши тройная лояльность имела свои причины. Если она и существовала как некое однородное явление, то лишь в виде принципа: «Не надо навлекать на себя гнев, поднимая восстания». Однако в каждой из трех частей этим путем хотели достичь совершенно разных результатов. В галицийской части можно было достичь больше всего — правда, неформально, так как с формальной точки зрения это была двойственная монархия двух элитарных народов: австрийцев и венгров. На самом деле был и третий народ, у которого, несмотря на отсутствие своей доли в монархии, была элита, игравшая немаловажную роль в делах государственного значения. Был целый ряд польских министров, премьер-министров, на протяжении долгих лет государственная казна находилась исключительно в польских руках. Была даже идея в подходящей момент преобразовать двойственную монархию в тройственную, австрийско-венгерско-польскую. Впрочем, о таком думали и другие жители монархии Габсбургов, например, чехи или южные славяне. На других аннексированных польских землях о таком можно было только мечтать. После подавления восстания 1863 г. самая плохая ситуация сложилась в российской части. Многие впали в отчаяние — например, Кшивицкий, пришедший к выводу, что теперь полякам осталось только учить русский и окончательно забыть о своем польском происхождении, в крайнем случае пытаясь смягчать жестокий гнет России, выражавшийся в политике русификации. Правда, впоследствии Дмовский сказал, что несмотря на жестокую русификацию ни один поляк из Царства Польского так и не стал русским. Совершенно иначе выглядела ситуация на территории, занятой Пруссией. Там политика оккупантов основывалась на прусской законности, благодаря чему была значительно более опасна. В Великопольше, Поморье или Силезии многие поляки отказывались от своей национальности, языка и становились немцами.

— *А здесь, в Галиции, благодаря усилиям краковской исторической школы при Ягеллонском университете была создана кафедра истории Польши, институты полонизировались, возникла Академия свободных искусств...*

— Вы говорите о том, что было достигнуто на самом высоком уровне, но не забудьте и о целой сети прекрасных гимназий в галицийских городках. В каж-
¹ Тройная лояльность — позиция части имущих классов после поражения январского восстания 1863 г., заключающаяся в отказе от борьбы за независимость, лояльности и уступках оккупантам взамен за уступки в области экономики и культуры. — Пер.

дой деревне была своя школа. Проф. Буяк считает это одним из главных достижений на галицийской земле.

— *В 1867 г. битва под Садовой серьезно ослабила Австрию, вынуждая ее к либерализации монархии. Возникло двойственное государство Австро-Венгрия, что оказалось спасительным для населявших его народов. Если перенести эту ситуацию на восточную почву, то царская империя должна была бы разделиться на Россию и Украину, отказавшись от идеи русификации. Можно ли назвать Австро-Венгрию Евросоюзом XIX века?*

— В принципе можно, хотя необходимо помнить, что австрийские немцы и венгры не преобладали в ней в количественном отношении.

— *По своей структуре монархия была немецкой, но ее костяк составляли славянские народы.*

— Да, и потому она не могла оказывать сильного давления — в отличие от России, где преобладал русский народ. Прибалтийские страны только начинали формировать свое национальное самосознание, на Украине не было элиты, способной править, а в Белоруссии в этом отношении было еще хуже. Так что на востоке подобная ситуация была просто невозможна. Партнером России могла быть только Польша, но Польша объединенная, причем обоим народам следовало отказаться от враждебного отношения друг к другу.

— *Не кажется ли вам, что поражение и распад Австро-Венгрии в результате I Мировой войны были вызваны возвращением к давнишней политике расширения границ (взять хотя бы присоединение Боснии и Герцеговины)?*

— Прежде всего австро-венгерская монархия была слишком зависима от немцев. Однако перед I Мировой войной среди австрийских политиков не было недостатка в людях, которые хотели вернуться к империалистическим планам монархии Габсбургов, особенно в отношении Балканского полуострова. Именно это, наряду с давлением со стороны Германии, сыграло решающую роль при вступлении Австро-Венгрии в войну, которая, как известно, закончилась полной катастрофой. Из этого следует, что не всегда есть смысл обращаться к худшим имперским традициям. Война пробудила в средних и малых народах жажду свободы. Ведь независимость — это так естественно. Сейчас такие условия обеспечивает Евросоюз.

— *Во время дискуссии, организованной в 80-е журналом «Краков», вы сказали, что этот город был школой политических хороших манер.*

— Галицийская бюрократия стала ядром администрации возникшего после I Мировой войны польского государства. Огромную роль сыграл Сейм Крайовый. И самое главное: здесь, в Галиции, учили комиссары, а это великое искусство.

Беседу вела Сильвия Фролов

Рышард Шавловский

РАФАЛ ЛЕМКИН

— СОЗДАТЕЛЬ ПОНЯТИЯ «ГЕНОЦИД»

Главный создатель конвенции ООН о предупреждении и наказании за преступление геноцида от 9 декабря 1948 года

Понятием «геноцид», одним из основных в современном международном праве, мы обязаны Рафалу Лемкину. Благодаря его неустанным трудам и крупному вкладу в подготовительные работы была подписана конвенция от 9 декабря 1948 года. С этой точки зрения Лемкина, в начале 50-х дважды выдвигавшегося на Нобелевскую премию мира, несомненно можно поставить на первое место в горстке всемирно признанных польских правоведов. Его имя можно встретить в подробных учебниках международного права на разных континентах, а в рамках статьи «Геноцид» — в больших иностранных энциклопедиях. Несколько англосаксонских авторов посвятили его памяти свои труды.

Жизнь и деятельность Рафала Лемкина до 1939 года

Рафал Лемкин родился 24 июня 1901 г. в деревне Безводное Гродненской губернии, в еврейской семье. Его отец Иосиф занимался крестьянским хозяйством. Рафал, «дитя с воображением», «переживал все, что читал». Одно из его самых ранних впечатлений — ужас, который он испытал, читая в «Камо грядеши» Сенкевича о казнях христиан; он был «глубоко взволнован», узнав историю Карафена и гугенотов. В 20-е годы его потрясли два события: совершенное армянином в Берлине в 1921 г. убийство министра внутренних дел Турции Таллат-паши, ответственного за массовое уничтожение армян, и совершенное евреем Шварцбандом в Париже в 1926 г. убийство Симона Петлюры в качестве мести за еврейские погромы на Украине в 1918-1919 гг. [От ред.: Есть серьезные основания считать, что Шварцбанд был советским агентом, а не мстителем за погромы, но такова была его аргументация на суде.] По свидетельству одного из авторов, писавших о Лемкине, «эти два политических убийства стали в его глазах «прекрасными преступлениями». Акты мести, возможно, были преступными с точки зрения закона, но с точки зрения нравственности они были «прекрасны».

Гимназию Лемкин окончил в Белостоке. Учился он отлично — за исключением математики. Праву обучался в Львовском университете им. Яна Казимира, где

был связан с семинаром проф. Макаревича, наряду с проф. Маковским главного создателя польского Уголовного кодекса 1932 года. Закончив университет, он продолжал образование в Германии, Франции и Италии. Отлично знал несколько языков.

После трагического опыта I Мировой войны межвоенные годы в Европе характеризовались, как известно, большим размахом международного интеллектуального сотрудничества, частично вдохновлявшегося Лигой Наций. Это относится и к области международного права, в частности, международного уголовного права. Польша принимала в этом сотрудничестве активное участие.

Первая конференция по унификации уголовного законодательства, состоявшаяся в 1927 г. в Варшаве по инициативе Лиги Наций, установила список преступлений против международного права, в который входили: пиратство, фальшивомонетничество, работорговля, торговля женщинами и детьми, сознательное использование любых средств, способных создать всеобщую опасность, торговля наркотиками, торговля порнографическими изданиями. Мы приводим этот список вслед за самим Лемкиным, который указывает, что позднейшие международные конференции, например Конгресс сравнительного права в Гааге 1932 г., расширили этот список.

Напомним, что на той же варшавской конференции 1927 г. Э.С. Раппапорт внес предложение рассмотреть вопрос о наказуемости призывов к наступательной войне как преступления против международного права. Брюссельская конференция 1930 г. под сильным влиянием заключенного в 1928 г. пакта Бриана — Келлога, установила редакцию соответствующего предписания, вводя оговорку о т.н. законодательной аналогии. Парижская конференция (1931) приняла резолюцию, обращенную к Лиге Наций и касающуюся, в частности, преступления военной пропаганды. Резолюция была поддержана меморандумом по вопросу морального разоружения, который был внесен в Лигу Наций польским министром иностранных дел

А. Залесским (17 сент. 1931). Ст. 113 польского УК 1932 г. была первой во всем мире, запрещавшей призывы к наступательной войне.

Первый «звездный час» Лемкина на международной арене наступил в октябре 1933 г. в Мадриде, на очередной конференции по унификации уголовного права. По приглашению оргкомитета он выступил там с докладом «Терроризм». Доклад был опубликован в трудах конференции в 1935 г. в Париже, но уже в том же 1933 г. автор выпустил его отдельной брошюрой под заголовком «Деяния, составляющие общую (межгосударственную) опасность, признанные преступлением против международного права». В докладе содержатся предложения по пяти новым преступлениям, которые должны быть охвачены международными конвенциями.

Нас интересует предложенное Лемкиным «преступление варварства». Эта часть доклада начинается следующим рассуждением. Существуют преступления против международного права, наказуемость за которые отвечает гуманистическим установкам (торговля женщинами, детьми, рабами). Речь здесь прежде всего идет о том, чтобы защитить свободу и достоинство личности и воспрепятствовать тому, чтобы личность рассматривали как товар. Введение понятий других преступлений этой категории (в т. ч. преступления пропаганды агрессивной войны) служит защите нормальных отношений между группами (человеческими коллективами). Таким образом, в основе одних преступлений лежат покушения на индивидуальные права (значение которых таково, как пишет Лемкин, что они интересуют все международное сообщество), в то время как другие касаются отношений между личностью и группой, а также между двумя или большим числом групп. Ключевой пассаж относительно предлагаемого определения нового преступления звучит так:

«Между тем существуют преступления, которые соединяют в себе оба вышеназванных элемента. Это, в частности, преступления против личности как члена определенной группы. Воля преступника направлена на то, чтобы нанести ущерб не только личности, но в первую очередь — группе, к которой эта личность принадлежит. Эти нарушения не только затрагивают права человека, но сверх того и прежде всего подрывают общественный порядок.

Назовем здесь, — продолжал Лемкин, — в первую очередь акты истребления этнических, конфессиональных или социальных групп по каким бы то ни было мотивам (политическим, религиозным и т. п.), такие, например, как массовые убийства, погромы, действия, предпринятые с целью уничтожить экономические основы существования членов определенной группы, и т. п. Точно так же сюда входят всяческие проявления жестокости, которые задевают достоинство личности, в том случае, если эти деяния, направ-

ленные на унижение личности, являются следствием истребительных насильственных действий, направленных против группы, членом которой является жертва. Взятые в целом, все деяния такого рода составляют преступление в рамках международного права, которое мы назовем варварством. (...) Результаты такого рода актов обычно выходят за рамки отношений между личностями, они сотрясают самые основы взаимоотношений между отдельными группами. Деяния такого рода, направленные против групп, составляют общую межгосударственную опасность. (...) Следует

подчеркнуть, что варварство нарушает не только моральные интересы международного сообщества, но и его экономические интересы. Действительно, акты варварства, совершаемые коллективно и систематически, часто вызывают эмиграцию или неорганизованное бегство населения из одного государства в другое, что может привести к пагубным результатам в экономических отношениях государства иммиграции.

Уже в такой формулировке преступления «варварства», относящейся к 1933 г., были заключены основные элементы представленного 11 лет спустя понятия геноцида. Предложение Лемкина начала 1930-х не нашло серьезной поддержки, однако и тогда отмечали новаторство его мысли. Трагическим «ускорителем» стало лишь гигантское нацистское истребление времен II Мировой войны. Прибавим, что в 1937 г. Лемкин в составе польской делегации был на IV Конгрессе уголовного права в Париже, где сделал доклад «Защита мира с помощью уголовного права».

Понятие геноцида рождается и закрепляется

Сентябрь 1939 г. Лемкин пережил в Варшаве, принимая участие в обороне города от немцев, и был ранен в ногу. Потом шесть месяцев скрывался (вроде бы в лесах), страшно голодал. Наконец поздней зимой или ранней весной 1940 г. через Литву он добрался до Шве-

ции — путем, которым тогда выбирались на Запад тысячи поляков, главным образом военных и чиновников, нередко вместе с семьями.

В Стокгольме, где Лемкин оставался больше года, он читал лекции в тамошнем университете и хлопотал о выезде в США. Когда приглашение, полученное, вероятно, благодаря стараниям его коллеги, профессора МакДермота из университета Дьюка (штат Южная Каролина), наконец пришло, он отправился в США через СССР, Японию и Канаду, прибыл туда в середине 1941 г. и был гостеприимно встречен в этом университете. В США началась его бурная «карьера» на службе федеральных властей. Он был, в частности, советником в Бюро военно-экономической помощи, главным советником Внешнеэкономической администрации и преподавателем в Училище военного управления, наконец, политическим советником в министерстве обороны. Одновременно Лемкин работал над своим главным трудом, начатым еще в Швеции. Он вышел в Нью-Йорке в ноябре 1944 г. под заглавием «Правление государств Оси в оккупированной Европе. Оккупационные законы, анализ системы управления, предложения по компенсации ущерба». Но вступление автора к своему труду датировано более ранним числом — 15 ноября 1943 года. Это важно отметить: впервые представленное в книге понятие геноцида возникло, вероятно, еще в первой половине 1943 г., а может быть, и раньше.

В предисловии, написанном Дж.А. Финчем, директором отделения международного права Фонда Карнеги, Лемкин назван «известным польским ученым и адвокатом». Его труд оценен похвально, в частности как «дающий в легкодоступной форме по-английски основные документы и существенные фактографические сведения из подлинных источников, которые будут крайне необходимы, когда начнется процесс распутывания паутины законодательства [государств] Оси, что опутала всю их жизнь и разрушила судьбы миллионов людей». Поразительно, однако, что автор предисловия ни слова не говорит о сконструированном Лемкиным и разработанном в книге фундаментальном понятии геноцида.

В 3-й части своей книги Лемкин опубликовал в английском переводе, иногда сокращенном, около 330 разнообразных правовых актов — или, точнее, в большинстве актов оккупационного бесправия, — принятых главным образом немецкими и частично итальянскими оккупантами. Там находятся также акты, принятые сателлитами Оси (Болгарией, Румынией и Венгрией) и марионеточными правительствами, например в Виши, Белграде, Афинах. В общей сложности документация охватывает около 35 оккупированных территорий и стран. Однако надо отметить, что ни один из этих актов не появился позже осени 1942 года.

Эта внушительная документация насчитывает 370 страниц и составляет свыше 50% всей работы. Рассуждения Лемкина основаны главным образом на этом материале и на нормах международного права, особенно на Гаагской конвенции 1907 г. относительно прав и обычаев сухопутной войны и приложенного к ней Регламента, частично также на конвенциях Международной организации труда. Одновременно он все же ссылается на политический фон и изредка на исторические факты. Лемкин учел довольно мало соответствующих материалов из серьезной печати или даже официальных западных материалов. Эти материалы, в частности «Польская белая книга» (1942), сообщали конкретные данные о массовых преступлениях, совершаемых немецкими оккупантами по отношению к польскому и еврейскому населению, а также об экономическом и культурном уничтожении (что Лемкин тоже воспринимал как геноцид). Таких фактов Лемкин привел немного. Тут, видимо, действовало нежелание опираться на сведения, которым в то время значительная часть общественности в США не вполне верила, если не прямо отвергала их. Лемкину, несомненно, важнее всего была концепция геноцида, это была обдуманная и достигнутая цель его труда.

Поэтому ключевой стала 9-я глава «Правления государств Оси», где автор определяет геноцид как «новый термин и новую концепцию» для явления истребления наций и этнических групп. Свой неологизм Лемкин составил из двух слов: греческого *genos* (раса, племя) и латинского *-cide* (-убийство). При этом, продолжал Лемкин, «геноцид не обязательно означает немедленное истребление какого-либо народа (...) Это понятие скорее задумано для определения координированного плана разнообразных деяний, направленных на разрушение существенных основ жизни национальных групп с целью уничтожения самих этих групп. Целью такого плана было бы разложение политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и экономических основ существования национальных групп, а также ликвидация личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни личностей, входящих в такие группы. Геноцид направлен против национальной группы как единицы, а связанные с этим деяния направлены против отдельных людей не в индивидуальном порядке, но как против членов национальной группы».

В заключение Лемкин сформулировал «рекомендации на будущее». В 1943-1944 гг. он еще не предлагал заключить отдельный многосторонний международный договор в таком виде, какой стала конвенция от 9 декабря 1948 года. Он предложил это лишь через несколько месяцев после выхода «Правления государств

Оси» в статье, которая появилась в февральском и март-апрельском номерах журнала «Нэйшн». В книге же он предлагал принять дополнения к Регламенту, являвшемуся приложением к вышеназванной Гаагской конвенции, и в рамках этого создать международное контрольное агентство с такими полномочиями, как право посещать оккупированные страны и проводить расследования того, как оккупанты относятся к народам, находящимся «в тюремных условиях». Он подчеркивал, что геноцид — проблема не только военного, но и мирного времени. Доказывал, что эта проблема особенно важна в Европе, где наличествует такое национальное многообразие, что если меньшинства, вынужденные жить в рамках других государств, не будут как следует защищены, это может привести к международным конфликтам, прежде всего в форме «дезорганизованной эмиграции». Лемкин впервые сигнализировал это еще в 1933 г., а в 90-е годы это подтвердили трагические события в бывшей Югославии. В области охраны меньшинств он еще в «Правлении государств Оси» предлагал заключить многосторонний международный договор, предусматривающий внесение поправок, которые защищали бы меньшинства от преследований в связи с их национальностью, религией и расой, не только в конституции, но и в уголовные кодексы каждого государства.

Книга Лемкина получила широкое международное признание. После того как в мае 1945-го Германия безоговорочно капитулировала, настало время практически применить концепцию геноцида и укоренить ее в международном праве. Межевым камнем в области нового международного уголовного права была Хартия Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г., установившая три категории преступлений: против мира, военные преступления и преступления против человечества. Эта последняя категория, включающая в себя «убийства, истребление, порабощение людей, депортации и другие бесчеловечные деяния», позволяла признать преступление геноцида ее квалификационной формой. Тем не менее термин «геноцид» в Хартии еще не появился.

Однако уже два месяца спустя в обвинительном заключении на Нюрнбергском процессе, датированном 6 октября 1945 г., всем 24 подсудимым вменялось, в частности, что они «совершали умышленный и систематический геноцид, т.е. истребление расовых и национальных групп гражданского населения некоторых оккупированных территорий с целью уничтожения определенных рас или классов, а также национальных, расовых и религиозных групп, в особенности евреев, поляков, цыган и других».

Лемкин был назначен советником судьи Р.Х. Джексона, члена американского Верховного суда, главного обвинителя от США в Нюрнбергском трибунале. В начале 1946 г. вышло английское издание «Правления государств Оси», которое стало затем популярным чтением на Нюрнбергском процессе. На самом процессе 25 июня 1946 г. заместитель главного британского обвинителя Д. Максвелл-Файф, допрашивая подсудимого фон Нейрата (бывшего «протектора» Чехии и Моравии), прямо упомянул «хорошо известную книгу профессора Лемкина».

Борьба за конвенцию

Но в то время Лемкин занимался главным образом вопросом международной кодификации геноцида. При этом он нередко жертвовал собственным здоровьем. Вплоть до окончательного успеха он вел крупное международное лоббирование на страницах западной печати, в ООН и т.п. Недостаток места не позволяет подробно проследить весь ход борьбы за принятие конвенции о предупреждении и наказании за преступление геноцида и, в частности, борьбы за ее окончательную форму.

Первым переломным успехом стала единогласно принятая резолюция №96/1 первой сессии Генеральной ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., где, в частности, говорилось: «Геноцид представляет собой отрицание права на существования целых человеческих групп, так же как убийство представляет собой отрицание права на существование отдельных личностей (...) Геноцид представляет собой преступление в понятиях международного права, которое цивилизованный мир осуждает». Социально-экономическому совету ООН в резолюции поручалось подготовить проект соответствующей конвенции к очередной сессии Генеральной ассамблеи (т.е. к осени 1947-го).

Но 1947 год оказался трудным годом для конвенции. Некоторые делегаты (во главе с британским) ставили под сомнение даже необходимость такой конвенции. Лемкин, приглашенный Социально-экономическим советом ООН к сотрудничеству над составлением проекта конвенции, в момент «кризиса» отказался от всех других должностей и в международном масштабе занялся «просвещением». К счастью, вторая сессия Генеральной ассамблеи в резолюции №180/II от 23 ноября 1947 г. призвала Социально-экономический совет продолжить работу и представить проект конвенции 3-й сессии Генеральной ассамблеи в 1948 году. Окончательный успех наступил, когда Социально-экономический совет принял составленный с участием Лемкина проект, одобренный затем правовой комиссией Генеральной ассамблеи и наконец единогласно принятый 9 декабря 1948 г. самой ассамблеей.

Лемкина тогда так ценили, что делегат Ирана в своем выступлении публично отметил его заслуги, сказав: «Я хотел бы (...) воздать должное человеку, который обогатил науку правоправедения идеей международной криминализации геноцида. Я говорю о профессоре Лемкине из Йельского университета, который значительную часть своей жизни занимался тем, что заставлял общественность осознать необходимость борьбы с этим страшным бичом мирового масштаба».

Конвенция ограничила область деяний, охватываемых преступлением геноцида и предложенных Лемкиным в 1944 г., широко понимаемым физическим и биологическим уничтожением (плюс принудительной передачей детей членов одной группы в другую). Тем самым за рамками осталось языковое, культурное или религиозное уничтожение (в смысле уничтожения религии, но не ее исповедников). Категории жертв были ограничены членами национальных, этнических, религиозных и расовых групп. Уже во время подготовительных работ отпало упоминание о «политических группах», против чего боролся СССР и его сателлиты; лишь позднее отдельные страны, подписавшие конвенцию, начали вводить в свое уголовное законодательство новые группы. С другой стороны, отпал «культурно-национальный геноцид», широко практиковавшийся в СССР. По счастью, не была принята формулировка в преамбуле конвенции, которой домогался СССР: она должна была указывать на «прямую связь геноцида с фашизмом» и отводить от Советского Союза всякие подозрения в геноциде, который исторически предшествовал гитлеровскому.

С 1948 г. Лемкин был профессором международного права Йельского университета, с 1955-го — юридического факультета университета Ратджерса в Нью-арке. Он по-прежнему жил проблематикой геноцида. На этот раз речь шла о том, чтобы ускорить процесс сбора 200 документов о ратификации или присоединении к конвенции, чтобы в согласии со статьей 13 она вступила в силу. Это произошло в январе 1951 года. Казалось, жизненная задача, которую поставил себе Рафал Лемкин, выполнена. Однако он продолжал бороться — теперь главным образом за ратификацию конвенции Соединенными Штатами и большинством других членов ООН. Еще в июне 1949 г. президент Трумэн внес в Сенат предложение о ратификации. Подобные

предложения вносили почти все следовавшие за ним президенты. Однако США ратифицировали конвенцию почти 30 лет спустя после смерти Лемкина, в 1987 году.

Точно так же лишь спустя несколько десятков лет после его смерти была осуществлена предусмотренная статьей 6 конвенции возможность создания международного трибунала: сначала были созданы два «локальных» трибунала по делам о геноциде: в 1993 г. — по бывшей Югославии (он судит не только за геноцид, но и за военные преступления) и в 1994 г. — по Руанде. И, наконец, на основе тогда еще не вступившей в силу новой конвенции 1998 г. — «универсальный» Международный уголовный трибунал.

В 1951 и 1952 гг. Лемкина — безуспешно — выдвигали на Нобелевскую премию мира. В сентябре 1955 г. он получил «Крест за заслуги» ФРГ — нравственное удовлетворение для него, потерявшего в Катастрофе более 40 членов семьи.

Он скоропостижно скончался от инфаркта в Нью-Йорке 28 августа 1959 года. Начатый трехтомный труд о геноциде остался неоконченным.

В своем номере от 31 августа 1959 г. «Нью-Йорк таймс», напечатавшая за день до этого некролог Лемкина, посвятила его памяти специальную редакционную статью, озаглавленную «Рафал Лемкин — крестonosец»: «Дипломатам США и других стран, которые привыкли ощущать некоторое беспокойство, видя, как по коридорам ООН к ним приближается сутуловатый д-р Рафал Лемкин, не придется больше испытывать дискомфорт. Им не нужно будет выдумывать объяснения, почему не ратифицирована конвенция против геноцида, ради которой д-р Лемкин трудился так терпеливо и бескорыстно полтора десятилетия. (...) Этот преданный делу человек сделал больше кого бы то ни было другого, чтобы достичь формального одобрения принципа, согласно которому преступно ранить или уничтожать национальные, этнические, расовые и религиозные группы. Рафал Лемкин, некогда опытный варшавский правовец, пережил потерю от рук нацистов всей своей семьи, за исключением одного брата. В нашей стране он сделал прекрасную карьеру преподавателя, лектора и автора книг, но центром тяжести его жизни оставался крестовый поход против рабства, деградации и массового убийства. Под бременем этой тяжести он и погиб в прошлую пятницу в возрасте 58 лет».

Анджей Стасюк

Перевод
Ксени Старосельской

ЗИГМУНТ ХАУПТ

Интересно, какие предметы останутся от нашего мира? Это же все не просто так — недаром память по своей структуре подобна свету: преломившись на краю вещи, расщепляется и возвращается, отраженная.

Когда мы глядимся в старые зеркала, наше отражение присоединяется ко всем прошлым. Мы стоим первыми, но за нами — бесконечная череда фигур, как воспоминание или ироническое утешение: в конце концов, пока есть зеркало, и мы не исчезнем. В спокойные времена зеркала, как правило, живут дольше, чем люди, сохраняющие нас в памяти.

Ну так что же с этими предметами? Вещами, реально существующими, то есть существительными? Ведь это они отражают луч памяти. Они, да еще прилагательные, определяющие место существительных в пространстве. Глаголы — враги памяти. Они описывают движение, они в сговоре с уходящим временем, пытаются упразднить память.

Итак, какие существительные, какие прилагательные нам понадобятся для описания минувшего мира в загадочном будущем, если предположить, что у нас вообще найдутся слушатели? Все указывает на то, что десигнатика уничтожит лексику; иначе говоря, нам просто не хватит слов для названия вещей. Уже сейчас видно, что количество предметов превышает количество слов. Предметы обрели свободу, язык потерял над ними власть, не находит больше сил, чтобы управлять миром. Давайте попробуем пройтись по улице и составить каталог разных разностей, выставленных в витринах, а потом представим себе запасы в подсобках магазинов, а еще (если не боимся свихнуться) постараемся мысленно перенестись на предприятия, производящие все это изобилие. Вернемся мы пораженные немотой.

*

«А в усадьбе есть чиркалка, вода льется из стены, а топят войною». Однажды я решил отыскать эту усадьбу, где до войны (последней) гостил Зигмунт Хаупт. Названия электричества, кана-

лизации и газа на местном крестьянском наречии как-то странно подействовали на мое воображение. Кроме того, Шимбарк из рассказа «*Meine liebe Mutter, sei stolz ich trage die Fahne*» был недалеко, в пределах досягаемости. Все прочие местности, упомянутые в рассказах Хаупта, давно уже оказались за границей. Время тут подверглось воздействию географии, причем географии политической. Усадьба, австрийское кладбище времен I Мировой войны, нефтяные скважины — вот сколько было в этом рассказе топографии, и ровно столько я хотел отыскать.

Зимним днем мы ехали по шоссе из Жмигорода. Шоссе это отрезает Бескиды от остального мира. По правую руку — северное «плоскоземье», слева, за узкой ровной полоской, сразу, безо всяких прелюдий, вырастает из-под земли туша Магуры Вонтковской. Лишь когда вертикаль так неожиданно встречается с горизонталью, можно составить какое-никакое представление о том, что видимый мир был сконструирован, вероятно, только затем, чтобы доступным образом выразить идею бесконечности. Подобно тому, как ради наглядного изображения идеи времени был создан человек.

В Самокленсках посреди большого белого луга стоял синий автобус. Снег, как вода, поднимался до середины колес, ни единый след не вел к автобусу. В Пельгжимке сугробы по обочинам шоссе были высокие, как стена. Бульдозеры разворотили их, и мы ехали будто среди развалин. На такой равнине ветер разгоняется и сносит все в узкую щель дороги.

*

Сплетение мыслей и вещей в прозе Зигмунта Хаупта создает такую плотную ткань, что разум становится бессилем и вдобавок вовсе не нужен. Нить разговора появляется, исчезает, снова выползает на поверхность, но, собственно, ее могло бы и не быть; она всего лишь уступка линейности разума, который чувствует себя неуверенно, если не движется от одной точки к другой. Как обычно строится повествование? Останавливается некий

отрезок времени, извлекается из контекста существования и переносится в область умственного восприятия таким образом, чтобы время утратило как можно меньше своего динамизма. Задача в том, чтобы замороженная в процессе описания жизнь сохранила бóльшую часть своих черт и запахов в процессе чтения, то есть размораживания. Время столь же враждебно литературе, как и всему живому. Особенно губительно оно для прозы: во-первых, время часто ее просто уничтожает, во-вторых, разлагает изнутри, разъедает, как ржавчина, если сосуд сотворен третьесортным языком. В таком случае содержащаяся в нем память растекается, теряя форму, будто лужица кофе по столику в баре. Ничего нам не говорит, уподобляется зеркалу, отражающему собственную черноту.

*

«Не видеть ни на тысячу миль, ни на двадцать тысяч, когда перед нами развернут рулоны карт, рассыплют бисер статистических данных, дьявольские знаки, когда нам покажут спектроскопические призраки и вавилонскую клинопись, и вырежут для нас все это в камне, и запечатлеют на киноплёнке, и вскрыют человеческие черепа, чтобы продемонстрировать извилины мозга, когда скажут нам слово, и другое слово, и тысячу других слов, и двести тысяч других слов, и скажут, что так уже было, что нынешнее — продолжение того, что было, что прошлое въедается в настоящее, что вот круг, а вот черта, что это хорошо, а это плохо, что это шар, а это псевдошар, это отец, а это сын, это «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...», а это «Примите уверения в глубочайшем почтении», а это «Срочно требуется опытный кройщик. Условия договорные», а это «солнышко мое, лапочка!»»

Так выглядит возвращение в Эдем. Ведь знание и различие — причина и следствие греха. Знание и различие могут существовать только во времени. В вечности они бесполезны. Острота ума стала наказанием, которое делает возможным существование. Воспринимая мир непосредственно, без участия мысли, мы бы пропали в нем, едва родившись. Зигмунт Хаупт ищет Потерянный Рай там, где может найти его писатель: внутри языка, в космосе, где вместо звезд кружат слова, а траектории и орбиты обозначены звучанием, смыслом и внутренней энергией. Как всякий истинный утопист, он верит, что действительность воображе-

ния и литературы поддается исправлению — достаточно отыскать ошибку, и все вернется на свои места. Однако, в отличие от утопистов, занятых исправлением реального мира, его вера приносит плоды. Время, тихий и вездесущий враг воображения и творчества, в его прозе исчезает. Если сгущенной, сжатой формой времени является скука, и в особенности скука чтения, то в случае Зигмунта Хаупта мы наблюдаем обратное: книга выпадает у нас из рук, ибо возможности нашего восприятия слишком ограничены, чтобы понять и объять все то, что автор представляет нам на одной-двух страницах. Язык — субстанция, что ни говори, легкая, капризная, избыточная и излишняя — вопреки законам гравитации вытесняет тяжелую и мрачную материю времени. Чудо несовместимо с законами физики и, как бы мы тому ни противились, отрицает либо пространство, либо время.

*

Итак, Пельгжимка. Мы зашли в бар, который тогда держал Пётрек Новак, ударник из первого состава «Брейкаута». Но внутри только холодильники и бармены, так что мы выпили по кружке пива и отправились дальше. Никто кроме нас не ехал по белому скользкому шоссе. В этих пустынных местах дома сбиваются в стаи, словно опасаясь беды. Перед Роздзельем, на голом пустыре, стояли огромные корпуса, крытые голубой жестью. То, что предполагалось здесь соорудить, так и не начало функционировать. Свойство нашего мира — производить вещи совершенно ненужные, либо одноразовые, либо такие, нужда в которых быстро отпадает. Некоторые из них разваливаются уже в процессе создания, другие превращаются в хлам, как только мы ими воспользуемся. Бетонные руины поселков, миллиарды банок из-под пива. Эти вещи рассчитаны максимум на однократное использование, независимо от того, предназначены они для жилья или для утоления жажды. Трудно описать такой предмет, чтобы в его описании не содержалось предвестия распада. Не исключено, что именно поэтому литература последних десятилетий перестала интересоваться внешним миром и занялась так называемым миром внутренним, душой либо психикой художника или писателя. Нелегко заниматься чем-то безнадежно изменчивым, рассыпающимся, обреченным на гибель уже в момент рождения. Энди Уорхолл может нарисовать банку консервированного супа, У.К. Уильямс может сочинить сти-

хотворение о разбитой бутылке, но никто, за исключением графоманов и любителей авангарда, не вытерпит двадцати страниц прозы на подобную тему. Дело в том, что предметы, действительность и вообще видимый мир имеют структуру, отчасти схожую с геологической. Смысл и значения нарастают в них постепенно. Сами по себе они немного стоят. Облагораживает их лишь непрерывность восприятия, то есть все люди, которые до нас прикасались к ним мыслью, словом или просто рукой.

*

Не удастся описать эту прозу. Потому я так петляю, хожу вокруг да около, отклоняюсь, потому как в качестве метода избрал путешествие, которое всегда можно прервать либо свернуть в сторону Чеклина или Вапенного. Не удастся описать эти рассказы иначе, как путем некоего извращенного антиописания, то есть умолчания, либо путем изображения мира, которого хауптовский язык, возможно, и не хотел бы касаться, разве что этот мир стоило бы рассмотреть издали, будто в перевернутый бинокль. Ибо действительность «Бумажного перстня» или «Передового дозора» окончательно сформирована. Это, правда, прошлое, однако прошлое героическое, поскольку оно не распалось под собственной тяжестью, а было уничтожено. У бесчисленного множества предметов, упомянутых в произведениях Хаупта, одно предназначение — остаться. Лошади, упряжь, посуда, охотничьи ружья, виды древесины, разновидности кожи, запахи того или иного времени дня и года, свет во всех своих ипостасях, метеорология, топография, архитектура, лары и пенаты всего мира, каталог, перечень всего, что ухватил глаз, а память удержала, узор балконной решетки, рисунок ткани, подвижная тень кроны дерева ветренным днем, шествие существительных, караван прилагательных, покинувших словарь, чтобы оставить свой отпечаток во времени, припилиить его, словно бабочку, которая, хотя и недвижна, под стеклом просуществует дольше своей сестры на свободе.

И только иногда из-под этой материи показывается лицо автора. Но ни на миг не заслоняет представленного мира. По таким признакам узнают старых мастеров. Их рукой управляло смирение перед творением рук Божьих, а описание собственной души — или ее отсутствия — они бы, вероятно, сочли проявлением гордыни. Либо глупости — что нового может сказать человек про вместилище семи грехов и немногих достоинств?

*

А тут, справа, этот никчемный госхоз. Серый бетон, развалюха, вещь, выброшенная еще перед употреблением, и никто ведь не прольет слезу — о сохранении в памяти я уж и не говорю. Беспольный и равнодушный, как горы по другой стороне шоссе. А дело в том — вот ведь парадокс, — что мы становимся все более естественными и, как животные, постепенно уподобляемся всего лишь машине времени. Едим, чтобы заряжаться энергией, обзаводимся жильем, чтобы иметь крышу над головой, и ни одно из этих действий не носит примет сверхпрактицизма. Культура малопомалу превращается в развлечение и забаву, религия — в лечебное средство. Мы производим миллионы ненужных вещей, которые тут же делаются крайне нужными. Достаточно представить себе материальную нищету людей два или три столетия назад, чтобы понять, каким излишеством, роскошью или «предметом культуры» была всякая вещь, отмеченная художественной или ремесленной (в чем, впрочем, тогда различий не было) индивидуальностью.

Стоит посмотреть на современный достаток, чтобы понять: почти все излишества и предметы роскоши мгновенно становятся необходимыми и при этом не имеют ничего общего с предметами культуры. (Разве что софистически распространить это понятие на техническую культуру.) В конце концов, не случайно вместо репродукций, скажем, Коссака мы сегодня вешаем на стену изображения новейших моделей автомобилей. То же самое наблюдается в архитектуре: тут внимания заслуживают только конструкции крупных промышленных предприятий. Это они доминируют над городом или пригородом подобно древним замкам или соборам, в монументах этой архитектуры заключен дух времени. Современные храмы, музеи или супермаркеты — лишь их повторение и уменьшенное отражение. Но я не могу себе представить, что металлургические комбинаты или нефтеперерабатывающие заводы когда-нибудь станут памятниками старины. Не исключено, впрочем, что это лишь изъяс моего воображения.

Стало быть, неудивительно, что предмет современной литературы — распад. Того, что обречено на уничтожение, не имеет смысла запоминать. Или иначе: лучше это уничтожить, поскольку в противном случае — за неимением лучшего — нам пришлось бы это запомнить.

*

Зигмунт Хаупт для заработка рисовал Страсти Господни в деревенских костелах Подолья. До конца жизни писал картины. Живопись ближе к варварству. Она говорит языком цвета, формы и света, то есть языком природы. Независимо от того, что изображено на картине — Распятый или пейзаж, — она всегда тяготеет к видимому, всегда сродни тому, что может увидеть собака, кошка или рыба. От картин, скульптур, музыки наша животная натура получает возвышенное удовлетворение. И если созерцание суть единение с тем, что мы созерцаем, то таким образом мы возвращаемся к миру материи, из которого вышли. Не исключено, что разглядыванию картины сопутствует неосознанная тяга к редукции или разложению собственного существования на элементарные формы, из которых можно эту картину воссоздать. Красота всегда тянет нас в сторону уничтожения.

К счастью, человек при этом — существо культурное, и опуститься на уровень минерала или растения ему не позволяет умение говорить, то есть выражать все те состояния и желания, которые в ином случае он вынужден был бы оставлять в себе.

Необычайная сила прозы Зигмунта Хаупта в том, что он сочетает варварство видения с культурой выражения. Художник и писатель. Ему по плечу передать все — обыденное, «всемирное» или космическое — языком одного вида, или даже одного, не самого главного его подвида: по-польски.

Замечательное язычество прозы Хаупта прорастает из того, что в ней стираются различия. Воображенное и выраженное сплетаются в материи языка, которому, смею утверждать, нет равных в польской литературе минувшего века. (Ну, может быть, только Бруно Шульц...) Процесс творчества — всегда в какой-то степени отрицание: что-то должно быть отброшено ради того, чтобы оставшееся исполнилось большего значения. Между тем у Зигмунта Хаупта этот изъян практически незаметен. Повествование развивается и разветвляется неустанно, покрывая мир сетью, подобной сетке параллелей и меридианов. Все градусы, минуты и секунды обозначены, все, что существует, должно быть отмечено. Для подлинного писателя карта мира всегда полна белых пятен. Неумолчный стон по поводу кризиса литературы, ее истощения, касается по сути не столько самой литера-

туры, сколько воображения. Просто оказалось, что предоставленное самому себе воображение исчерпывается так же быстро, как емкость устаревших телефонных станций в распадающихся городах. Ибо действительность шире рамок любого, даже исключительно богатого воображения. Цена скуки, которой пришлось заплатить за исполненные дьявольской гордыни намерения писателей, не слишком завышена. Особенно если учесть, что больше всего в своих альтернативных и конкурентных действительностях и космосах скучают сами писатели.

*

Мы доехали до Горлице. Шоссе мимоходом его коснулось, задело согнутым локтем Заводье и понеслось прямо на запад. В Шимбарке мы были в сумерках. От Хелма, от Бартней Гурты напозла голубоватая тень. Похоже было, что ночь выплывает откуда-то из чрева гор, как дым из дремлющего вулкана. По каменистой дороге мы взобрались на склон над деревней. С высоты человеческие поселения кажутся простым стечением обстоятельств, хаосом случайностей и недоразумений. Надо ждать, пока темнота сгустится настолько, что останутся только огни, светящие себе и музам. Я не нашел ни кладбища, ни усадьбы, ни огней нефтяных разработок. Дома исчезали, воздух все больше темнел, заполняя долину и изгоняя из нее все видимое. Разве если пейзаж закрыт, он остается пейзажем?

И тогда я подумал, что проза Зигмунта Хаупта — противоположность темноте: она напоминает пожар. Пожар, который, прокатившись, оставляет за собой голую черную землю. Описание уничтожило все: людей, их поступки и чувства, зелень, животных, города, деревни, историю, застывшую в стенах домов, жизнь поколений, заключенную в предметах и домашней утвари, память и время, — захватило все это, обратило в дым и унесло из реального мира в область литературы, чтобы впредь существовать там — спасенным, неподвижным и более прочным, нежели все видимые вещи. Как пламя пожара, которое в сумерки отражается в зеркале туч.

Зигмунт Хаупт

Перевод
Ксени Старосельской

MEINE LIEBE MUTTER, SEI STOLZ ICH TRAGE DIE FAHNE!¹

Жили-были три сестры: Станислава, Мария и Ляля. Не скажу, чтобы имя Станислава мне очень нравилось, Мария куда лучше, а уж Ляля — потому что редкое и произносится «ля-ля» — и вовсе пришлось по душе. Но с Лялей я так и не познакомился, а старшая, Станислава, была на редкость хороша собой.

Стало быть, старшая, о старшей я буду писать, потому что там, у нее, у нее и ее мужа, мне довелось пару раз побывать. Было это в Горлицком повете, но уже среди гор. Там, где специфический лемковский язык доходит до самого Выспового Бескида. Называлось то место Шимбарк, а точнее — Шимбарк-Быштица. Сам Шимбарк был польский, да еще какой польский. Говорили там, как всегда на этнографическом пограничье, почти литературным польским языком. А придет кто-нибудь, то, здороваясь, непременно поклонится — вот так! положила руку на сердце и согнувшись, — и затем этой рукой проведет от сердца к ногам того, с кем здоровается. Я читал где-то раньше про такой горлицкий обычай, а здесь подтвердили и даже однажды тихонько позвали на кухню, потому что к дому подходила старая Казимежиха, и мне сказали, что я сам могу убедиться, поглядев, как она здоровается. Впрочем, меня и в другой раз звали — посмотреть, как обижается бульдог Треф. Но про Трефа позже.

Под Горлицами произошло одно из самых кровавых сражений прошлой мировой войны, и мне велели, как буду в Горлицях, походить по окрестностям — поглядеть своими глазами. Но увидел я немного, только военные кладбища, большие, маленькие, даже в приличном состоянии. Побродил я там — дело было весной — и даже с удовольствием, такое все весеннее, и поля, зеленые молодые всходы, а от той войны, от страшной битвы, ничего не осталось, никаким триумфом и не пахнет, было и былшем поросло, подумать только, такая битва, где решаются судьбы и тому подобное, а тут снова все зелено, и, пожалуй, даже те, что лежат на этих прибранных кладбищах, если им не все равно, довольны, что от этого извержения, всплеска людских страстей, от этой войны, продолжения политики, ничего не осталось в память о них, только весенняя зелень.

В Шимбарке я жил в махоньком флигельке, дверь перекошенная, но очень чисто, и мебелишка кое-какая, антиквариат, на окнах муслиновые занавесочки, свеча в синем эмалированном подсвечнике, заботливо приготовленные спички, постель прямо-таки благоухает (лаванда?), а завтрак присылали — ей-Богу! — в постель, да не простой, бери выше: английский, яйца всмятку в специальных рюмочках, джем, маслице, бисквиты, того-сего понемножку.

А вечером мы лежали, да-да, лежали вповалку перед камином в гостиной, в камине горели, потрескивая, буковые колоды, а еще что было мочи трещали каштаны, «маронь», которые мы пекли среди этих колод. Подождешь минутку, и такой каштан как вспучится и сшипеньем лопнет, выпуская пар, и страшно смешно, если пыгаешься его вытащить пальцами, потому что щипцы у кого-то другого. Станислава, пани Стася, лежала в своем вечернем платье; она была главной зачинщицей этого священнодействия, от которого у нас слюнки текли. Каштаны, понятное дело, заморские и на вкус сладковатые, немножко похоже на подслащенный картофель. Там, у этого древесно-газового огня, я услышал еще об одной, о Бете. Бета, Бетка, видно, уменьшительное от Эльжбеты, хотя не уверен, это моя теперешняя догадка, тогда она для меня была просто Бета. Что-то очень мягкое, женственное было в этом имени: Бетуня, Бетуся...

Огонь как огонь, горели поленья, а не колоды, как я раньше сказал, колоды — это чересчур театрально, а тут что? — домик небольшой, низенький, и опять же, где

¹ Дорогая мама, гордись: твой сын — знаменосец (нем.). — Здесь и далее примечания переводчика.

для колод место? Каминчик настоящий, не камин — каминчик, квадратная ниша в стене, поленья туда клали больше для украшения, потому что главным огнем в этом устройстве было голубое гудящее пламя природного газа, каким отапливался весь дом и другие, наиболее прогрессивные дома в окрестностях, так как стояло все это на месторождении природного газа и нефти. Неподалеку день и ночь горели электрические созвездия Выгнанки, новых буровых скважин. Так что хоть дом сам был скромный, но разные такие устройства имелись, и местные говорили: «А в усадьбе есть чиркалка (электричество; к флигелю оно, правда, не было подведено), вода льется из стены (водопровод), а топят вонью».

Хозяйство мужу пани Стаси особых хлопот не доставляло. Если у нас на Подолье помещик спозаранку был в седле и объезжал морги и влуки² плоской равнины, то муж пани Стаси утром выходил во двор и смотрел на гору. Видел, что там, где надо, грабят сено, а в другом месте, как обещали, прикрывают люпин, а вон там батрак везет соль для скотины, коров красной горной породы, а там, повыше, зеленеет овес — вот и весь хозяйский догляд.

У пани Стаси и ее мужа был единственный сын, славный шестнадцатилетний мальчик по имени Януш, но мы, подтрунивая, звали его Януарием, и Януарий добродушно это сносил. Было Рождество, так что Януарий был дома: слонялся по двору в лихо заломленной лицейской синей фуражке, возился со своей верховой кобылой Басей, в кухне мешал растирать мак и готовить начинку для пирогов, а за ним шлейфом тянулись скрытные, гордые, озабоченные, влюбленные, беспокойные, липкие, умиленные взгляды родителей. Между ними существовало естественное взаимопонимание, этакий мASONский, негласный уговор любящих друг друга людей, полуслова, полуулыбки, какие-то присказки, недоговорки, движение бровей, особый код, которого вульгарному навязчивому гостю, чужаку, никогда не понять.

В Шимбарке-Быстрице я был всего три, а может быть, два раза, столько лет прошло, что точно и не припомню. Воспоминание стоит особняком — очень уж оно от всего «моего» отличается, — вырезанное из общего ряда, отграниченное, будто любительская фотография в альбоме. Несколько любительских дней жизни — отдельно от всего. И ничего-то о них не помнишь.

Но я хорошо помню тот вечер в маленькой гостиной, когда мы лежали вповалку на полу и пекли мароны на огне газовой горелки. И помню только тогдашний разговор, во всех подробностях помню: разговор, темы разговора — беседа как беседа, ничего особенного, а потом, восстанавливая ее ход, диву даешься, как одна тема перетекала в другую.

Мы говорили о Бете, вернее, мне рассказывали о Бете, история уже померкла в тумане, но смысл ее у меня до сих пор сохранился. Может, Бета была еще одной сестрой? Четвертой? Может, мне мой рассказ следовало начать так: жили-были четыре сестры? Короче, был у Беты дыхатель, но случились какие-то осложнения, размолвки и охлаждение, какая-то трагедия без надрыва, и к тому времени вроде бы все уже было похоронено и стерто из памяти, как вдруг, новогодним вечером (в Новый год люди приходят с утра пораньше, еще в спальню, и сыплют, крошат, кидают в вас семена, зерно, и горох, и ячмень вперемешку с сорняками, и мак, скандируя: «Счастья, здоровья, на весь новый год!»), но это было, кажется, днем раньше, в канун Нового года... Так вот, сидели они тут однажды вечером, и разговор случайно зашел о нем, о том далеком, отвергнутом, обреченном на забвение, но мечта о нем не покинула Бету, не забылась. Когда мне это рассказали, я легко представил себе, как грудь Беты, женское естество Беты взволновалось, как вдруг ее стукнуло, и пришло решение. Вечер, поздно, но это ничего, долго не заводится мотор старого «бююика», и вот наконец, темной ночью, по замерзшим ухабам — сорваться, поехать, добраться туда, где единственный огонек краснеет по ночам в одиноком окне, и не в том дело, что забытый, страдающий, он сидел этой ночью в одиночестве (над счетами из лесничества?), тут еще и романтика: неожиданное возвращение, путь к счастью, и завершилось это все декабрьско-январской ночью, а началось со вздоха внезапно взволновавшейся груди.

До чего же приятно такое услышать, но мы уже говорим на другую тему, о том, как Треф, бульдог Треф, породистый, безобразный, со сплюснутым носом, теряющимся в складках собачьей морды, с устрашающими челюстями, квадратной грудной клеткой и кривыми ногами, Треф, астматик Треф, легко возбудимый, нервный, словно истерическая барышня, как этот Треф вздыхает и ревет пани Станиславу. Треф, обидчивый, беспокойный, истеричный, дрожащий, будто щенок, Треф, единственный в своем роде, все подмечающий, Треф, страдающий сердечбиениями.

И вот уже разговор о другом, о лосях. Ни о чем больше, только о лосях. Не о лемках, которые доходят досюда Бещадами, с этнографической точки зрения это крайне любопытно, но их лемки не интересуют, они ни о ком другом не говорят, только о лосях. А Лоси — это особая деревня, диковина, анклав, отдельный остров, неведомо откуда взявшийся, Лоси — это деревня неподалеку, где живут странные люди, влюбленные в лошадей, разводящие лошадей, конокрады, люди, живущие за счет лошадей. Нанимаются на несколько месяцев возчиками, кучера-

²Польские меры площади: морга — 56 аров, влука — 16,8 га.

ми; лоси, как китобойцы из Нью-Бедфорда и Нантакета, могут похвастаться, что — точно так же, как тем принадлежит весь омывающий землю Океан, — им, лосям, принадлежит весь мир, по которому катятся колеса их телег, по которому ступают копыта их лошадей. Лоси, влюбленные в своих коней.

О чем только не говорится весенним вечером у огня, бушующего в камине. Даже об инфекционных болезнях полости рта и копыт, потому что пани Станислава разводит красных горных коров, которые на редкость устойчивы ко всем этим напастям, но и без того с ними много возни; а еще о молокогонных кормах, тимпани, троакарах, стельности, чуме крупного рогатого скота. Поленья догорели, только гудит злобное газовое пламя и предостерегает, что близится ночь.

Прежде чем я спрашиваюсь с Шимбарком, прежде чем за мной сомкнутся зеленые склоны и заслонят дом, деревья, нефтяные скважины Выгнанки, реку и мост, я быстренько подведу итоги, разберусь в себе. Все настолько просто и ясно, что в воспоминании будет выглядеть цепочкой идеограмм, незамысловатым узором. Жили-были три сестры (а может, четыре?), был дом, деревья, горбы и хребты холмов, покой и волнения живущих на особицу людей, однако, если прикоснуться легонько, щелкнуть пальцем по прозрачному шару, в котором они живут, раздастся дрожащий звук, который отзовется у меня внутри. Можно забыть все, сохранив лишь одну деталь, пробный образец, каталожный шифр, квитанцию, которую стоит только предъявить, и мне будет выдан полностью весь багаж, отправленный в забвение.

Вданном случае, к примеру: Януш, Януарий, в своей лицеистской фуражке, шестнадцати лет отроду, и преследующий его восторженный, замутненный, увлажнившийся от любви взгляд родителей. Нечто отдельное, без истории, без будущего, что было и чего уже не будет.

В доказательство добавлю, что когда шимбаркская бричка везла меня на станцию в Горлицы и у нас еще было время, мы остановились, чтобы осмотреть одно из военных кладбищ, след страшных сражений прошлой войны.

Где-то в середине этого кладбища стоял особняком надгробный памятник из песчаника, с одной стороны почерневшего от плесени. Рядом рос куст калины, да, конечно, калина росла рядом с памятником и обнимала его своими ветвями, словно надменно показывала, что он принадлежит ей. Спереди в верхней части был вырезан то ли меч, то ли шпага, оплетенная лавровыми листьями. Взгляд тотчас стал жадно искать надпись — так алчно, неумолимо нас притягивают уличные надписи, строчки заголовка валяющейся на мостовой газеты, так ищет и безошибочно находит глаз фабричную метку на одежде, мелкие буковки, «Made in USA». Там было: D.O.M.³, Ci-git⁴, покойся в мире, Fahngich⁵ такой-то и такой-то, аристократическая фамилия с Von Zu, и что лет ему было семнадцать.

Что может остаться вокруг камня на могиле семнадцатилетнего? Что мог вместить в себя такой малый отрезок времени? Какая его часть была истинной жизнью, какая — сном детской комнаты, сколько досталось тревогам созревания, автоматизму едва начавшихся дней? Какие мечты успели обрести форму? Возможно ли, что взамен ожиданий и трепета семнадцати лет жизни — только горечь, только тяжесть на душе, и если этому суждено закончиться внезапно и без обещания, что оно будет понято, то где тут место жизни? Только и было времени, чтобы его позвать, обозначить словом, отличить этим словом от других, наполнить это слово неясным значением, дать ему это слово в руки, как пику с флажком, и назвать его знаменосцем, выкликнуть из хаоса и вечности.

Я смотрел и возвращался к этому надгробному камню чужого ребенка. Что заставляло меня это делать, печалиться и волноваться? Вряд ли холодная красота и прощальная отчужденность тех минут, когда я стоял в крапчатой тени листьев калины, в осеннем ненастье, под солнцем весенним, среди зеленых предгорий, под небом синим, как синька, которой крестьянка собралась красить пасхальные яйца. Мне показалось, что под этим камнем окончательно и навсегда погребена моя собственная молодость, когда-то случившаяся, а сейчас отделившаяся и непонятная мне самому. Только шпага в лавровом венке, как ключ, которым навеки заперто замурованное живьем прошлое, свидетельствовала, что оно ушло безвозвратно.

³ Deo Optimo Maximo — Богу всеблагому, величайшему (лат.); надпись на древнеримских храмах, а впоследствии — на христианских храмах и надгробиях.

⁴ Здесь погребен (франц.).

⁵ Знаменосец (нем.).

Зигмунт Хаупт

Перевод
Ксени Старосельской

БУМАЖНЫЙ ПЕРСТЕНЬ

И пошла-понеслась обо мне молва. По ярмаркам, постоялым дворам, усадьбам, приходам, среди крестьян и евреев. По кузницам, по базару, по каретным сараям, конюшням, василианским монастырям. Приехал...

Во время храмовых праздников и ярмарок, на сходках, на сенокосах, возле еврейских лавок, перед синагогой и на церковной паперти (на горе громадина монастыря василиан, в гору бегут среди выщипанной гусями травы протоптанные паломниками тропки, крутые, своенравные, и сходятся у монастырской калитки, где галерея и церковный двор пахнут на солнце известкой и благочестивым потом, и тут же скопище нищих, попрошаек, калек, причитающих и бормочущих молитвы, песни, мольбы и просьбы, «Хосподы помылуй», «Святая Пречистая», голоса, образки, четки, спины, плечи, горбы, обрубки рук, костыли, вывернутые стопы, скрюченные как когти пальцы, навечно пустые, стянутые рубцами глазницы, гримасы заячьих губ, обезьяньи рожи, колченогость, рахит, выставленные напоказ культы, мешки, посохи, головы, обмотанные тряпьем, кое-где атлетический торс рядом с кучкой высохших в щепку людских костей, а над ними, на беленых стенах галереи, черные холсты — образа святых угодников, нимбы вокруг голов, суровые лики с парой уставленных в одну точку глаз, для оправы которых — бровей, ресниц — примитивный художник употребил тушь, будто в салоне красоты, а поверху в венке глаголицы Святой Дух — Параклет), в залах дворянского собрания, над зеленым сукном карточных столов, в адвокатских конторах, среди подвод, скопившихся в ожидании перед мельницей, у переправ и бродов, повторяли весть, неслась и ширилась молва. Приехал...

Вернулся, говорили. Богатства у него, говорили, несметные, золото-серебро, добра не перечесть. Приехал, говорили, со своею челядью, с лошадьми, с псовой охотой, а ковры у него, говорили, такие, этакие, серебряная посуда, парча, упряжь, конская сбруя, попоны, цепи, наряды. Говорили, что остановился я на самом лучшем, самом шикарном постоялом дворе, что с казачками приехал, с прислугой, а лошади у меня — арабские скакуны, а свора — борзые.

Тем, что меня помнить не могли, где там, столько лет прошло, рассказывали, какой я был тогда: не сыскать, мол, было другого с такой фантазией. Мол, накрепко мои времена застряли в памяти лошадиников, кучеров да возчиков, ведь это ко мне доставляли лошадей из Азова, из Молдавии, из Анатолии и венгерской пушты, самых разных мастей, собранных по ярмаркам, украденных за кордоном, пригнанных из далеких краев, исхлестанных по самую холку конохами, что ездили на них без седла, пускали вплавь по заросшим камышом прудам, лошадей, косящих кровавым глазом в толпе, гомоне и пыли конной ярмарки, где их заставляют идти то шагом, то рысью, то галопом, вырывающихся и прядущих ушами, когда коновод висит, уцепившись за узду, а кузнец прилаживает к копыту теплую подкову в клубах кипящего пара.

Это обо мне рассказывали, что четверку я подбирал не по масти, не по внешнему виду, а по выносливости, и чем безобразнее, уродливее были кони, тем лучше. Оригинальничать старался: в четверке непременно должна была быть пегая лошадь, а другие самые что ни на есть диковинные, сивые, чубарые, чалые, мухортые с проседью, редкостных мастей великаны, а если у которой-нибудь рубец после пожара, то запрягали ее этим рубцом наружу, а если рыбий глаз у какой, иначе говоря, пучеглазая, то ей и вовсе цены не было. А упряжь я признавал только из сыромятной кожи, домашней выделки, и чтобы шита была не дратвой, а кожаной тесьмой, простая, чтоб легко можно было надеть и распрячь не мешкая, и чтобы кожа была сложенная вдвое, мездрой внутрь, лицевой стороной наружу, упряжь без хомута, шорного типа, грудной и холочной ремни, шлея по всему хребту, а от шлеи — лямки. Это они сдерживали разогнавшийся экипаж, удерживали коренных лошадей, а пристяжные, постробочные, или так называемые «бичевые», если упряжка не «цугом», были пристегнуты к валькам, от которых боковые тяжки шли к рогам задней оси. А истинной красой сбруи была узда с ее оглавлем, очелком, нахрапником и ремнем, бегущим посреди конской морды, утыканным латунными бляшками. И уж совсем глаз нельзя было оторвать от украшенного пряжкой и бляхами ремня, который шел от оглавля под шею, щечного ремня, к которому подвешивались бубенцы, балабончики да гремушки: бубенцы, отлитые из серебряных царских рублей, балабончики, выклепанные домашним способом из старых железных пил, и гремушки — квадратные, из хорошо просушенного грушевого дерева, по которым ударяли языки из деревянных бусин, нанизанных на проволоку.

Кто-то видел меня на дороге, спускающейся с Татарского перевала к Рахову, на дороге, забитой колоннами легковых автомобилей, грузовиков, телег, подвод с разной утварью, пешими, глядящими в одну сторону, где в пыли, стуча копытами, проталкивался табун лошадей, который гнали не одну сотню километров, скученный, стиснутый, море грив и холок, взмыленных шей и мокрых от пота боков. Лошади были молодые, с какого-то завода, то ли из Янова-Подляского, то ли из Влодавы, двух- и трехлетки, напуганные, сверкающие белками глаз, раздувающие ноздри, в тучах пыли. На этот раз кони составляли одно целое слюдьми. Уже не было той страшной разницы между немотой животных и человеческой говорливостью, надлошадными крупами не свистел кнут и не подгоняло коня бранное слово.

А потом, неслась молва, вроде бы я обошел полмира. Мне, знавшему заводы в Хоросткове, Чарноконице, Ярчовице, Альбиговой, Славуте, довелось повидать и другие, Бабольне в Венгрии, Липпица в Австрии, Помпадур и тарбские во Франции, «Royal Mages» в Малмсбери и Тутбури в Англии. Меня видели на ипподроме Лоншан и на паaddockах Ньюмаркета, на скачках с препятствиями в Сомюре и в Харлингеме, где играют в поло. Говорили, что я ночевал в шатрах ваххабитов и обьезжал их лошадей, и знал все породы, которые пошли от знаменитой пятерки «Аль-Хамса»: гнедых, с продолговатыми мордами и высокими бабками «кохлани», сивых «сиглави» с длинными ногами и глубокой грудью, золотой масти «муников» с узким, вытянутым туловищем, и безошибочно узнавал их всех по побежке, габитусу, репице. По красному, кровавому разрезу ноздрей, по пронизанной нервами нежной коже, по ржанию скалящих зубы жеребцов, по летящей гриве и розовым глазам кобыл в нарядной, связанной из красной шерсти узде, по нетерпеливости ищущих вымя жеребят.

Говорили, что в Царьграде я потурчился, обасурманился, что отрекся от истинной веры и надел тюрбан паши, и принял эполеты, кривую саблю и бунчук. Говорили с ужасом, что оттого образ Черной Богоматери в улашковецком монастыре облился кровавыми слезами и треснули царские ворота в ее церкви.

Так или иначе, я должен был приехать. Неважно, каким там обрезанным я вернулся, сживал ли на мягких «караманах», персидских «хамаданах» и «сароуках», молитвенных «чирванах», неважно, грыз ли я янтарный мундштук кальяна, называл ли вслед за Фирдоуси соловья «бюль-бюль», был ли обладателем фирмана (который, получив, следует почтительно поцеловать), — во всяком случае я вернулся.

Говорили, что я привез с собой жену, чужеземную, молодую, чернобровую, гречанку. Это, верно, считалось непременною частью восточного багажа — как же иначе. Такая жена, рожденная поддалеки небом, экзотическая, в чадре, пыльная, с томным взглядом, была столь же обязательна, как и вымышленные богатства, серебро, лошади и борзые. Просто молва сама выстраивала законченную композицию этой истории запоздалого возвращения.

Ну а коли так, я сам еще кое-что добавлю. Прикажу оседлать себе коня, начистить его скребницей, нарядить, как припускнуго жеребца для дружки на свадьбе. Со двора в ворота, из ворот на дорогу, к кузнице на краю деревни.

Берегись кузнечихи, что в огороде среди бурьяна, чертополоха и лопухов сажает дягиль, коровяк, руту, бедренец, табак, ремень, ромашку, что собирает шалфей, полынь, купену, красавку, просвирняк, что заваривает голубику, золототысячник, зверобой, что знает, где найти валериану, страстоцвет, мать-и-мачеху, шиповник, что выращивает мяту, тимьян. Обойди стороной, не попадайся ей на глаза, не смотри на ее ноги, когда она подтыкает подол, когда прыдет тонкую пряжу, когда несет от ручья ведра на коромысле, когда кормит отрубями свиней. Это она, если подглядеть в самый полдень, прокрадывается в конюшню со скамеечкой и подойником и, усевшись у стены, где на крюках висит упряжь, шлеи, узды, постромки, нашильники, берет, ворожея, свисающие концы вожжей и доит их, и из ременных концов этих вожжей брызжет молоко в зажатый между бедер подойник, шу-шу, «солнце светит, дождь идет, ворожея масло бьет...», и, шу-шу, отнимает ворожея молоко у деревенских коров, выдаивает из ременных вожжей, и с урчаньем трется об ее голые колени черный кот, спутник ночных ведьмовских игрищ.

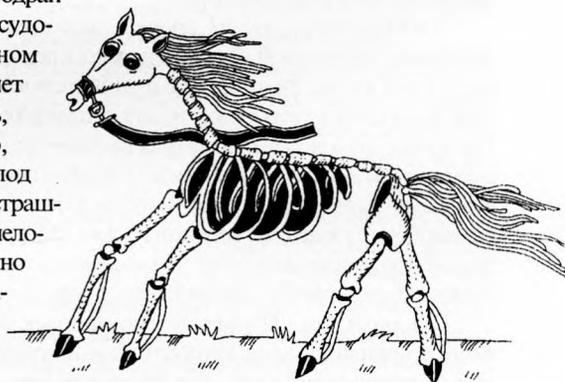
Это при ее приближении жеребцы прядают ушами, прижимаются к стенкам стойла, брыкаются, пятятся, приседают на зады, переступают копытами, щерятся и храпят, встанут на дыбы. Это она может наслать на них колики, воспаление копыт, хромоту, паршу, нагнеты, коллер, это она устроит, что конь натопчет себе, повредит подковным гвоздем копыто и оно начнет гнить, она напустит на лошадей сап, слепоту, порчу, сделает так, что они застудятся, охромеют, станут терять подковы, пугаться у распятий на перепутьях, будут стегать одышкой, прикуской, ошибаться и злиться.

Так что стегнуть лошадь — ну, пошла! — аж вспухнут рубцы на нежной коже, и в поле!

По кромке поля тянется старая военная траншея, бежит, петляя, со всеми своими траверсами, брустверами и ходами сообщения, с кучками мергеля по краю — когда-нибудь, когда траншею засыпят, он останется меткой на свежевспаханной ниве, белым шрамом на черноземе. Зброшенная траншея служит лошадиным погостом. Проще простого, не затрачивая особых усилий, притащить конский труп в этот ров и наскоро, кое-как присыпать его землей. Собаки быстро найдут туда дорогу и примутся разгребать эту землю, добираясь до падали. Брюхо запавшее, только ребра торчат, да валяются рядом голени и копыта. Череп, голова с черными глазницами, оскаленные зубы, могучая челюсть, шейные позвонки, лопатки, острые, угловатые бедренные кости, суставы, скелет, мудро придуманная машина, безупречная анатомия, машина с ободранными мышцами, смердящий конский труп. Ночью рванется судорожно, поднимется сперва на передние ноги, а потом, со стоном лошадиной боли и отчаяния — снова какая-то сила заставляет вставать, — пошатываясь, еще раз встанет, проклиная жизнь, раздует пустую грудную клетку, чтоб вздохнуть прерывисто, — так вспугнутая птица рвется сквозь прутья клетки. Ночью, под клокастыми тучами, восстанет жуткий призрак сцепившихся в страшную карикатуру лошадиных костей, чтобы еще раз послужить человеку, попозирировать для образа придуманной людьми, безудержно несущейся вскачь четверки Голод, Мор, Война, Смерть, восстанет и отзовется ржанием резвящегося на лугу, одуревшего от радости жеребенка, страшным ржанием, переходящим в дикий панический визг коней, полетевших на всех полях сражений всего мира.

А мы теперь шагом через дубраву, трава жесткая, пожухлая с осени, метелки сорняков застыли в январском воздухе. В гриве моего коня, шумящей гриве, сверкают празднично вплетенные в нее, как цехины в косу цыганки, золотые бляшки. Уже спустился сизый зимний вечер, и лес помалу синее. Хорошо, когда дом близко. Можно смело смотреть в бездонную пропасть мира, полной грудью вдыхать морозный воздух, подставляя ему лицо.

Дома фитиль керосиновой лампы плавает в янтарной жидкости, огонек, как желтый павлиний глаз, смотрит внимательно и мудро на тени комнаты. В самоваре тоненько поет вода, и чай в стакане золотит оставленную в нем ложечку блестящим ароматным станиолом.

При свете лампы я вижу свою руку, лежащую на столе, и на безымянном пальце отликает железным блеском бумажный перстень.

Рис. Ignacy Czwartos (4)

Зигмунт Хаупт родился на Подолье в 1907 году. Изучал архитектуру и градостроительство во Львове и Париже. Занимался живописью. Как писатель дебютировал только в 1938 году.

В сентябре 39-го участвовал в военных действиях в чине поручика кавалерии. После поражения Польши добрался до Франции, где вступил в ряды Войска Польского. Служил в 1-й танковой дивизии. После войны осел в США. Работал в польской секции радиостанции «Голос Америки», затем стал главным редактором журнала «Америка». Продолжал заниматься живописью. Печатал свои рассказы в эмиграционной печати, прежде всего в «Культуре» и «Вядомостях». При жизни опубликовал только сборник воспоминаний «Бумажный перстень» (1963).

Умер в 1975 году. Парижский Литературный институт посмертно издал сборник его рассказов и очерков «Передовой дозор».

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Лешек Шаруга

УЧЕНИКИ ЧАРОДЕЯ

Недавно в Кракове под редакцией Петра Марецкого, Игоря Штокфишевского и Михала Витковского вышла объемистая (почти 700 страниц плотной печати) антология «Текстиль», где документированы достижения лирики, прозы и литературной критики авторов, родившихся в семидесятые годы. Книга вызвала широкий резонанс и, как всякая антология, — множество упреков, прежде всего в том, что кого-то составители упустили из виду. Упрек справедливый, однако, представляя стихи, выбранные из этого сборника, стоит напомнить, что почётное право антологиста — дать собственный образ представляемого явления. «Семидесятые годы рождения», как они показаны в «Текстиле», конечно, только фрагмент «молодой поэзии», но и он, несомненно, позволяет уловить доминирующие ней тенденции и направления поиска.

Действительно ли перед нами новое явление? Прежде чем попытаться ответить, я хотел бы подчеркнуть следующее. В 1989 году на страницах журнала «bruLion» («черНовик») один критик, по ассоциации с переломом в литературе после обретения Польшей независимости в 1918 году, поставил вопрос, есть ли среди дебютантов новые «скамандриты» (группа, в которую входили Тувим, Ивашкевич, Слонимский, Лехонь, Вежин-

Иоанна Мюллер (1979-)

Средневековая архитектура

*Мицкевич о творчестве Словацкого:
«Это прекрасный храм, но в нём нет Бога»*

эти ости конкретностью
не прирастут
вот она готика
кирпичные дотики
от большого звона
глядь Монах копьём
колет дланью молит
как лиризм из лингвизма
выбить а вздох в небо
эхом вздыбить как себя
из пустоты испустить
а сам уж слов огохульство
из себя избесил
ссеребриздил молихву
был-то был да себя-то
и убил и на плитах руин
спугнулся в стон
голая кость распыляет
серьёз сталкивает
с орбиты необитаемый
вавилон

в погребальный
пожизненный смех

ский). И по крайней мере с тех пор комментаторы новых явлений всё ждут какого-то коренного литературного переворота. В чём этот переворот должен состоять, не слишком ясно, кроме одного — должна появиться принципиально «иная» литература.

Как почти всегда, надежды критики остаются несбыточными. Что не значит, будто в поэзии новых дебютантов нет нового взгляда на мир и на саму поэзию. Можно указать два основных комплекса проблем, выступающих в этой лирике. Первый я определил бы как чуткость к «боли бытия». Уже названия дебютантских книжек Ярослава Липшица («bólion w kostce» — «больонный кубик») или Иоанны Мюллер («Somnambóle fantomowe» — «Фантомные сомнамболи») наглядно указывают область, куда стремятся проникнуть поэты. Второй комплекс — это проблемы языка: в лирике, представленной на страницах антологии, отчетливо доминируют «языковые игры», причем поэт не просто забавляется, а выясняет познавательные возможности языка, пытается их расширить (отсюда изрядное количество неологизмов). Обе тенденции полнее всего сочетаются как раз у Мюллер — например, в стихотворении «Боль сложенья стихов (из кельи бесцельный зов)», которое снабжено эпиграфом из Вирджинии Вульф: «Приди же, боль, чтобы насытиться мною!»:

*иногда больно когда не больно
без слов (от боли голодных и для
боли годных)*

В таком пространстве молодые вступают в разговор с предшественниками. К примеру, Мария Циранович противопоставляет культурным котурнам Херберта («Будь верен/ Иди» из финала «Послания Пана Когито») доверие к подсознанию («будь

Мартин Цецко (1981-)

ПостМодерНацизм

1. боль в крестце

моется тётка на краю освенцима
старческая кожа отстаёт от тела
легко слезает под пальцами
как с вываренного цыплёнка
мыло в её руке
всё собирает всё обдирает
душ словно каплями кислоты дырявит замысел
божий
кровь уходит так глубоко что нет уже
крови в теле. земля притягивает тётку к себе.
от неё идёт пар.

2. боль в крестце

(амстердам)
недоширялись амок
краткая жеребьёвка и прежде чем взбугрился океан
я у лысого парня в будке
похоже что родом он из страны
молчания резонанс тишины на вопрос откуда
но я получил то за чем пришёл —
забирая машинку он улыбается и говорит
I'm from Izrael — я улыбаюсь сжимаю кулак
показываю большой палец, а сам ещё дрожу

3. боль в крестце

в деревянном
польском кресте

Бартош Мушинский (1974-)

мир. версия для начинающих

Весь мир опасно
упрощён — он уместился внутри
почти пустой пачки сигарет, внутри
автобуса, который крадёт у тебя
жизнь, очень точно
опаздывая, когда и так нет времени.

Весь мир высвечен
на жемчужном экране: чудесно
мягкие кресла, попкорн, кола,
стерео — все эти маняще чужие
слова, которые ты освоил, и это
чувство движения во тьме стоп-кадра.

Весь мир услышан
в зале ожидания, за несколько минут
до смертельно ненужных событий,
о которых сообщит завтрашняя пресса,
— миру живётся неплохо,

а тебе?

верен id!» из стихотворения
«зрелость?»).

Зрелость человека — понимаемая как экзистенциальная категория — кажется одной из тех проблем, которые определяют горизонты познания новой лирики. Другая проблема — ответственность за слово. Тут основная точка отсчёта — категория искренности, противопоставленная «объективной» истине, которая всегда так или иначе подчинена идеологизированному нарративу. Возможно, поэтому в стихотворении Романа Хонета «сердце» появляется отсылка к детскому чтению:

*но прекрасней всего было «сердце»
эдмунда де амиши и маленький
трубочист*

*взвесивший на ладони
ровно тридцать сольдо, когда мы
остановились
перед шлагбаумом мира.
ибо мир существовал*

То, что мир существует, не очевидно. Не случайно Адам Плюшка признается: «Для меня существует только наоборотность». Непереводимая игра слов подменяет «провидение» («opatrność») «наоборотностью» («oracznność») — гармония сменяется отрицанием гармонии.

Поэты пытаются противостоять фрагментарности мира, выражают если не веру в утраченную Цельность, то хотя бы тоску по ней. Отсутствие Цельности, распад «большого нарратива» — вот в чем можно уловить одну из причин «боли бытия», пронизывающей эти стихи. Поэтому Агнешка Вольны-Хамкало пишет:

*Я страдаю хроническим
словом, вот моя магия и пускай
ни один
сукин сын не пишет о кальках.*

Магия слова — как в названии книги Циранович «и магии нация» («i magii nasja») — приводит в действие онирическое начало этой лирики. Кстати, это заметно и в стихах — не свободных от влияния сюрреализма — Хонета, Павла Лекшицкого, Павла Сарны. И вновь: визионерство обращено к силе бессознательного, к искренности «личного» языка.

Имеет смысл обратить внимание еще на одну черту этой поэзии, хотя, быть может, она не так существенна. Это присутствие в ней реалий мира информатики и современных коммуникаций: Интернета, компьютерной лексики, джи-эс-эм-ов, и-мейлов и т.д. Вспоминаются увлечения авангардной поэзии, реагировавшей на скачок технической цивилизации в начале XX века. Однако в отличие от оптимистичного авангарда поэзия «семидесятых годов рождения» не выдвигает «революционных» требований, а ее герой скорее потерян в разрастающемся пространстве виртуальных миров и напоминает более ученика чародея, чем властвующего над реальностью мастера. Столь же потерянными выглядит, кстати, этот герой и в запутанном мире языковых дискурсов — как в «безумном диптихе» Липшица, где фигурирует

*толпа моих порывов
вечно оборванной фразой
втиснутая в устойчивые
не вполне фразеологические
связи*

Тадеуш Домбровский (1979-)

e-mail

Ты могла бы меня навестить, похоже,
уже позвонили все, кто должен был
позвонить, написали все,
кто должен был написать.

Мне не выйти из дома, выход завален
каталогами магазинов, их всё больше,
если придёшь, ты их сможешь листать,
сколько захочешь, а я буду смотреть, как ты их листаешь.
Должен же кто-то в конце концов всё это убрать,
показать, что всему своё время и место.

Трудно к себе самому привязаться, вот и живу кое-как,
опираясь на холодильник, в котором свет,
на писанину да на пару иллюстрированных журналов.
Ты должна навестить меня. Когда ты болела,
я к тебе приходил и читал сказки.

Ты должна отплатить благодарностью. Когда ты болела,
я каждый день упрямо пробуждал в тебе совесть.

Роман Хонет (1974-)

Интерьеры

Мы сжигаем коробки от писем, горькие телеграммы,
что выются, как мошкара, натюрморты августа
на грязных хребтах открыток. За время
последнего оборота вокруг солнца
изменилось немного; мы всё так же храним огонь,
изрыгаем кошунства, внимаем никчёмным рассказням
Древермана. О духах нам известно всё;
они приходят ночью, и мы говорим им —
кыш!

Нет, мы немзыкальны в этом королевстве
обеих осеней, в храмах невнятной речи
мха, крапивы и трав.

Ноябрь уже посылает
немых гонцов, инструменты,
чуткие как часы. Истлевшую машинопись
пожирает огненный столп. Ты слышишь —

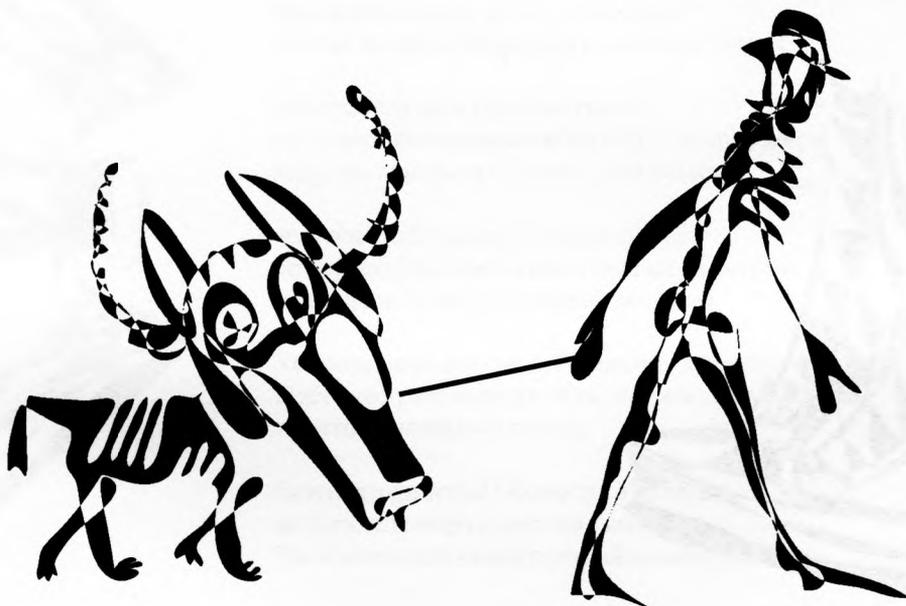
барабаны?

коза

если ты будешь скакать, словно вызвал Судьбу на дуэль,
Судьба наконец примет вызов и постарается победить.
у Судьбы много друзей: бордюры, решётки стоков, даже
ремонт в доме — Она может выиграть, а ты сломаешь ногу.
если ты прекратишь, образумишься, раскаешься, возможно,
Она простит тебя. а если нет — сдвинет небо и землю,
против тебя обернётся всё живое и неживое, отчего-то
вторая нога лопнет в голени. но если и это не вразумит тебя,
Судьба перебьёт тебе руку, а сгоряча — так и обе, тогда
ты не сможешь ни с кем поздороваться. все будут думать,
что ты на них обиделся, и сами обидятся на тебя.

Клара Новаковская (1979-)

Обряды

Тревожит то, как сильно
мы зависим от трупов; по сути дела
именно мёртвым мы обязаны такими понятиями,
как вина, отчаянье, пустота,
ритуал, память.

Собственно, громкие слова
ни к чему — довольно того, что этой зимой
я хожу по улицам в чёрном
пальто, а на животе у меня твоя рука:

с каждым днём она чуточку жёстче и холодней.

Кшиштоф Сивчик (1977-)

Окончательное начало

Жалкие переговоры с иными мирами прерваны
Ратификация очередного дня и открытие глаз
обошлись без представления аргументов и

обсуждения вариантов То что неприемлемо
принято невзирая ни на что в общем
кончай задавать вопросы и подпиши условия:

в очередных пунктах повестки дня
ты будешь останавливаться чтобы глотнуть жира
закусить кариесом получить сухой паёк

чесотки Сам видишь — Ничто не идёт
по трупам Оно предъявляет первые симптомы
и не мешает тебе давать волю эмоциям

Устанавливает контакты Развивает двусторонние связи
Идёт навстречу вызывая лёгкую дрожь в ладонях
так что не подрывай основу

будущего единства Посмотри У тебя нет
ни вымпела ни рубашки на смену
Ты лежишь голенький готовый к омовению

Агнешка Вольны-Хамкало (1979-)

Выходит, они знали, что им меня не пронять ничем кроме слова, и показали мне критику. Приговор был вынесен заранее, на грязном листке, после прогулки по снегу. Или Гёльдерлин. Жестокое насилие над фантазией; тело — и как я его обработала: быстро, но тщательно. Я страдаю хроническим словом, это моя магия и пускай ни один сукин сын не пишет о кальках. Это же всё равно что судить святого за святость, просто бестактность какая-то и подлая клевета. Они взялись за дело грязными руками. Пишут тебя, хотя и не видят.

Филип Завада (1975-)

Солнце зашло раньше

Сигнальные деревья из Вроцлава
не дали плодов
Сижу на рюкзаке
Больше нет сил
тыкать пальцем в небо
и так меня туда никто не возьмёт

На карту упал помидор —
новые горы
которые вырастут через миллиард лет

Ничего не цветёт
аллергический насморк прошёл
Крепко завязываю ботинки
достаю плащ

Поздно уже
танцевать
чтобы вызвать дождь.

Эдвард Пасевич

Здравствуй звук

У Валицкой летом обвалился подвал.
Подмыло дом болтовней.
Я и сам рассказывал, сидя на лестнице,
эротические сны
с тобой в главной роли.

Может, это знак?
Может, не стоит произносить кой-какие
фразы?

Не по себе тому, кто первый
на очереди к бегству — столько мелочей,
обрядов, церемоний, которые жалко бросить —
все эти рыбы фантазмы,
закрученные байки,
чистой воды вымысел —

выживут ли пустые формочки без содержания?

Будет ли нежен тот, кто примет место
и роль?

Все хотят играть в октябрь,
в изгнание из рая.

Сквозь шелест листвы
слышен звук домашнего пианино.

Гжегож Пшебинда

КАТОЛИЧЕСКИЕ ТЕМЫ АНДЖЕЯ ВАЛИЦКОГО

Новая книга Анджея Валицкого «Россия, католичество и польский вопрос» (Варшава, «Прушинский и К^о», 2002) обрадует читателей его более ранних трудов. Прежде издававшиеся работы польского исследователя о России — то, что он польский, я особо подчеркиваю, вопреки появляющимся иногда в Москве мнениям, что он-де «американский ученый», — известны не только в Польше и США, но и в Австралии, Италии, Франции, Японии, Испании, Англии и на Украине (в России, к сожалению, в меньшей степени). Новаторский труд о русских славянофилах «В кругу консервативной утопии» (1964) переведен на итальянский, английский и украинский языки. «Русская философия и общественная мысль от эпохи Просвещения до марксизма» (1973), до сих пор читаемая и используемая как университетский учебник в Польше и США, переведена и на итальянский. Две следующие книги были написаны автором по-английски и вышли в 1987 и 1995 гг. Первая, «Философия права русского либерализма», посвящена интеллектуальной истории русского либерализма; вторая, «Марксизм и скачок в царство свободы», дает критическое описание марксистской утопии — обе изданы и по-польски. Это только самые фундаментальные труды, межевые камни в процессе познания интеллектуальных традиций России XIX–XX веков. Подробное рассмотрение творчества Валицкого в области истории идей в России и Польше потребовало бы особой монографии.

Соединяет религия — или разделяет?

Рассматриваемая книга уже рецензировалась в Польше на страницах «Тыгодника повшежного» (2002, 17 ноября). Анджей де Лазари, польский русист и историк идей, в своей рецензии (русский перевод под заглавием «Русская мечта о «всесоборности»» см. в «Новой Польше», 2003, №1) скептически оценил не только новую работу Валицкого, но прежде всего весь комплекс русских интеллектуальных традиций XIX века. Он критически отнесся к большинству героев книги Валицкого

— мыслителей, настроенных как филокатолически (Чаадаев, Гагарин, Печерин, Вл. Соловьев), так и антикатолически (Иван Киреевский, Хомяков, Тютчев, Иван Аксаков, Достоевский). Все они, будучи «романтическими утопистами», оказали в XX в. роковое влияние на Александра Солженицына и других «искателей третьего пути для России». В исследовательской конструкции де Лазари нет особой разницы между славянофилами, Достоевским, Толстым, Хомяковым и Соловьевым. Все они — исповедники утопической «всесоборности», которая привела к большевизму и «советскому муравейнику».

Валицкий — аристотелик. В своих разграничениях и категориях он умело соединяет анализ с синтезом. Однако, чтобы понять все его умозаключения и выводы, нужно обладать немалым читательским терпением. Этого терпения явно не хватает де Лазари, который поддается влиянию «плотиновского метода». В результате получается, что все проявления интеллектуальной жизни в России XIX и XX вв. (кроме, естественно, либерализма) тяготели к безличному «всеединству». Отсюда просто заоблачный тезис о том, что Владимир Соловьев, отец русской философии и великий экуменист, предтеча II Ватиканского Собора, должен быть признан предвестником «советского муравейника»... Между тем Валицкий с огромным вниманием и нескрываемой симпатией относится к русскому религиозному западничеству вдохновленных католическими идеями Чаадаева и Соловьева. Он хочет преодолеть или по крайней мере ослабить то влияние, которое оказывает на нашу современность русская антизападная идеология, укорененная в славянофильстве и мессианстве Достоевского. Де Лазари же понимает религию в духе «школы Просвещения», укорененную в старом вольномыслии Лукреция: «*Tantum religio potuit suadere malorum*» [«Сколько зол могла внушить религия»]. И если даже не сама религия внушала зло, то за него ответственны «служители культа»: попы, ксендзы, православная и католическая Церкви.

В другом своем тексте («Большая и малая Европа» — см. «Новая Польша», №6, 2002) де Лазари писал: «Я вижу немалые шансы на светский интеллектуально-политико-экономический диалог между Россией, западным миром и Польшей но не вижу никаких шансов на примирение католической и русской православной Церквей, а тем более на соединение христианских Церквей. (...) В сегодняшнем мире мы в значительно большей степени можем рассчитывать на взаимопонимание между культурами (цивилизациями) в рамках правопорядка и гражданского общества. Именно эти категории создают фундамент примирения и культурной полифонии (...) Церкви же еще очень долго будут нас разделять». Здесь отчетливо видна вера в историческую «необходимость» и «неизбежность». Но может ли такая вера в пагубные схемы — «борьба Церквей» играть здесь роль «классовой борьбы» — составлять кредо либерального ученого? Валицкий, исходящий из тех же либеральных предпосылок, наоборот, убежден, что история на каждом этапе создается свободным человеком и потому может пойти разными путями. Здесь нет никакой неизбежности, все зависит от человека, в том числе и от историка идей, взявшего на себя труд исследовать отношение русской мысли к католицизму и «польскому вопросу».

■ Хомяков и II Ватиканский Собор

Русские филокатолики XIX и XX вв. были обычно убежденными европейцами и внесли огромный вклад — о чем сегодня не помнят ни в России, ни на Западе — как в дело диалога культур и цивилизаций, так и в вопрос взаимопонимания в христианской Церкви. Есть свои заслуги и у героев книги Валицкого, иногда даже у тех, кто в своей жизни и деятельности руководствовался догматическим антикатолицизмом. Например, Алексей Хомяков, православный фундаменталист и один из создателей имперского панславизма, одновременно может быть признан предтечей II Ватиканского Собора. Весьма интересно происхождение и существо его концепции Церкви как таинственной общины, основу которой составляет народ Божий, а не институциональная иерархия. Валицкий обнаружил также, что идея «соборности» у Хомякова рождалась из размышлений над Брестской унией 1596 г. и в XIX в. должна была стать предостережением для православных русских перед ли-

цом «соблазна унии с Римом». Хомяков сражался с «романизмом» в католической Церкви, одновременно будучи предтечей католического богословия обновления, принятого на II Ватиканском Соборе в конституции «Lumen gentium». Те русские православные, которые еще сегодня смотрят на католическую Церковь недоброжелательным взглядом Хомякова, вероятно, не заметили перемен, произошедших здесь после Собора. Один из авторов «Lumen gentium», доминиканец Ив Конгар, неслучайно ссылаясь в своих трудах на хомяковскую «соборность».

■ Антикатолическое мессианство

Видя, что в прошлом многие трудности возникали из-за деятельности духовенства «шляхетской Речи Посполитой, исключительно рьяного в проведении цивилизационной миссии крепостного вала латинства», Валицкий предостерегает перед «полонизацией католицизма». Здесь мы могли бы сослаться на мнение одного из главных персонажей книги Валицкого — Владимира Соловьева. Он утверждал, что православный Восток никогда не будет «латинизирован» — об этом могут мечтать только «латинские фанатики». Работа Валицкого может стать интеллектуальным предостережением против такого фанатизма, в том числе и тогда, когда это фанатизм с польско-католическим лицом. Религиозный фанатизм может иметь и русско-православные основы. Польский ученый описал это в главе «Антикатолицизм Федора Достоевского». Особого внимания заслуживает «Дневник писателя», где Достоевский пугал Россию, что Папа вместе с католической Церковью вскоре заключит союз с социалистическим Интернационалом. В этом им поможет Франция: во времена Достоевского она в лице Наполеона III защищала светскую власть Папы. Писатель считал, что это роковое наследие 1789 года, откуда Франция почерпнула свой «французский социализм» — устройство человеческого общества без Христа (статья «Три идеи» из «Дневника писателя», январь 1877). Единственным лекарством от этой болезни должно было стать уничтожение Церковного государства (Достоевский в этом отношении поддерживал политику Бисмарка) и создание в Европе православной империи со столицей в отвоеванном Россией Константинополе.

В свою очередь Иван Аксаков, живший и творивший после польского восстания 1863-1864 гг., соединял антикатолицизм с антиполонизмом. Русский-католик в его глазах всегда был ренегатом, точно так же он не допускал мысли о «русском иудее» или «православном поляке». Аксакову принадлежит формулировка множества убеждений, которые по сей день лежат в основе неприязни многих русских ортодоксов к католической Церкви и Польше. Вот любопытный рассказ Валицкого о «патриотических настроениях» Аксакова перед лицом польского восстания: «В мае 1863 г. появление повстанческих отрядов в окрестностях Киева довело его до настоящей истерики. Казалось, повторяется ситуация Смутного времени, когда поляки вторглись в Московское государство, чтобы навязать ему католичество. В 1618 г. польские силы вновь приблизились к Москве, но, к счастью, молодой царь созвал земский собор и поднял народ на смертельную борьбу против «проклятой, еретической латынской веры». И вот католичество снова угрожает России. Усмирение Польши, на стороне которой выступает весь Запад, стало для России вопросом национального «быть или не быть». Некогда поляки осаждали Москву; сегодня Киев, святой Киев, со всех сторон обложенный поляками, бьет в набат, взывает о помощи!»

Это крайне важный момент книги Валицкого, показывающий, каким печальным образом на русско-польские отношения в XIX в. легла тень событий, происходивших за 250 лет до того. Эта тень лежит и до сих пор, и даже еще более древняя. Когда весной 2001 г. власти Пскова запретили достраивать католический храм, здешние «патриоты» вспоминали поход Стефана Батория на Псков в 1581 году. Обращались и к еще более ранней истории, к середине XIII в., к Александру Невскому, который воевал с «католиками-крестоносцами». Что сделать, чтобы подобная история уже необратимо стала историей и не отравляла сегодняшний день Восточной Европы? Может быть, ответ знают русские и польские историки?

■ Чаадаев и Соловьев

Чаадаев и Соловьев принадлежат к числу тех русских западников, которые в первой и второй половине XIX века провозглашали необходимость вестернизации России, исходя из религиозных побуждений. Поэтому они опирались не на тра-

диции эпохи Просвещения и гегелевское наследие, как поступали классические русские западники: Белинский, Герцен и Бакунин, — но на интуитивное ощущение общих христианских корней Европы. Особенно это заметно у Соловьева. Однако и у Чаадаева мы можем найти множество мыслей, представляющих необычайную ценность для современного диалога России и Европы. Особого внимания заслуживают его размышления о взаимоотношениях веры и разума. Валицкий напоминает, что оба философа были упомянуты Иоанном Павлом II в энциклике «Fides et ratio» в числе «мыслителей, сделавших особенно много для наведения мостов между разумом и верой». Весьма интересны те фрагменты книги Валицкого, где он ссылается на Иоанна Павла II, убежденного экумениста, знатока православия и русской культуры. Как справедливо замечает Валицкий, апостольское послание «Orientale lumen» (1995) доказывает, что в своем видении проблемы взаимного сближения православия и католицизма Папа близок к позиции Соловьева. Оба христианина считают, что «(...) нас сближает не миссионерская деятельность, направленная на «обращение», но взаимное познание, уважение к самобытности другого и конструктивное экуменическое сотрудничество».

Внимание польского и российского читателя может привлечь глава, посвященная восприятию послания «Orientale lumen» в России. Журнал «Вопросы философии» (1996, №4) опубликовал его перевод со вступительной статьей о Сергия Хоружего, который пишет, что представленное Папой описание православной традиции ничем не отличается от ее понимания самими православными. В то же время православный священник о. Сергей сожалеет, что примирительные жесты Иоанна Павла II наталкиваются на равнодушную, а иногда и враждебную реакцию православных иерархов. Валицкий справедливо констатирует: «Стоит отметить, что слова эти были написаны авторитетным знатоком православия, толкующим его скорее в духе Хомякова, нежели Соловьева».

■ Русские экуменисты XX столетия

Жаль, что свои размышления об учениках Владимира Соловьева, русских экуменистах XX века, Валицкий скрыл в главе под бесцветным названием «Продолжение и возобновление». Ведь речь идет о мыслителях, которые после изгнания

из большевистской России не утратили живой связи с православием, познакомились с католичеством и внесли свой вклад в созидание общего европейского дома. Вячеслав Иванов, Сергей Булгаков и Николай Бердяев, несомненно, — самые актуальные для современности герои книги Валицкого.

В первой половине XX века как Булгаков, так и Бердяев продолжили экуменические усилия Соловьева. Внимания современного читателя заслуживает сборник их статей «Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании» (Париж, 1933). За 30 лет до Иоанна XXIII Булгаков писал, что христиане должны помнить не только о том, что их разделяет, но и о том, «что остается общим, несмотря на разделения», последовательно подчеркивая общность веры, молитвы и таинств. Может быть, стоит напомнить, что это был период, когда о воссоединении христиан говорили только протестанты и немногочисленные западные православные, католикам же запрещалось принимать какое-либо участие в межконфессиональных экуменических встречах...

Бердяев, в свою очередь, защищал христианский депозит веры, отвергал «интерконфессиональное христианство», сохраняющее лишь «отвлеченный минимум христианства», критиковал тогдашнее католическое понимание экуменизма как «воссоединения с католической Церковью», различал православие на «полноту истинь» и «конфессию, на которой неизбежно лежит печать человеческой ограниченности», говорил о «соединении христианских душ», которого нельзя достичь путем переговоров или постановлений церковных комиссий.

В этом контексте следует упомянуть также личность и творчество Вячеслава Иванова, первым сравнившего католичество и православие с «двумя легкими христианства». Валицкий описывает, как в 1983 г. «славянский Папа» Иоанн Павел II принял участие в симпозиуме, посвященном Иванову, напомнив о его переходе в римскую Церковь славянского обряда. Сын поэта Дмитрий с горечью констатировал тогда, что до этого Ватикан не вспоминал о его отце, несмотря на то, что с 1936 г. он преподавал в Папском восточном институте. Добавим, что влияние

Иванова на православных соотечественников никогда не было сильным и, скорее всего, таковым не будет. Можно ли сказать, что этот мыслитель «обратился» в католичество? Нет. Выбирая католичество, Иванов продолжал оставаться православным. Более того, он считал, что лишь воссоединение с католической Церковью позволило ему стать православным в полном смысле слова, ибо раньше он всегда с горечью сознавал, что «лишен второй половины этого живого клада святости и благодати, что он дышит наподобие чахоточных — одним только легким».

Вместо заключения

Книга Валицкого рассказывает и о многих других русских мыслителях XIX и первой половины XX в., об их отношении к латинскому Риму, католичеству и Польше. Речь идет, в частности, о Константине Леонтьеве, Николае Федорове, Александре Герцене. Очень интересна глава о Тютчеве, который провозглашал необходимость оправославить католичество и мечтал о восстановлении Россией Восточной Римской Империи. Ему виделся русский православный император, в Константинополе, и православный Папа в Риме — подданный императора.

Книга «Россия, католичество и польский вопрос» касается не только прошлого. Ее автор защищает тезис о европейском характере России, откровенно выражает сочувствие «экуменическому сближению народов и культур» в XXI веке, отвергает теорию Сэмюэла Хантингтона о «неизбежном столкновении цивилизаций». В противовес этому он приводит славяно-экуменическую мысль Иоанна Павла II: «На мой взгляд, Иоанн Павел II представляет совсем другое течение мысли. Он напоминает, что отдельные традиции восточного и западного христианства соединяются в «одном великом Предании вселенской Церкви» («*Slavorum Apostoli*», VII). Тем самым он противостоит изоляции России, не дает согласия на отгораживание ее от Европы, а тем более на использование в этих целях разделений внутри христианства. Наоборот: он чертит картину цельной Европы, вырастающей из двух христианских традиций, латинской и восточной, дышащей двумя легкими — романо-германским и греко-славянским». Такая картина Европы близка и самому Анджео Валицкому.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Уже не помню, какой это крупный современный композитор назвал террористический налет на нью-йоркский Всемирный торговый центр одним из величайших шедевров последних десятилетий, и признаюсь, что не обязан помнить его имя; хватит и того, что после этого высказывания большинство публики отвернулось от него с отвращением и даже родная дочь отказалась от отца. Однако, с другой стороны, невозможно избежать сопоставления событий жизни и искусства, в особенности тех, что в силу сознательной человеческой деятельности оказывают влияние на состояние наших умов и формируют наши позиции. Так было с событиями 11 сентября 2001 г., так произошло и с тем, что случилось в Театральном центре на Дубровке 23 октября 2002 года. После первого из этих событий мы часто слышали, что «мир уже не будет таким, как был». После второго мы читаем в статье Лукаша Древняка «Эпитафия театральному октябрю» («Диалог», 2002, №12), что «театр уже не будет таким, как был».

Признаюсь, что это стирание границы между тем, что реально, и тем, что сотворено в художественном пространстве (а такое стирание границ — один из постоянно возвращающихся постулатов искусства), выглядит довольно опасным. В конце концов нет сомнения, что события I Мировой войны были отличной поживой для прозы немецких экспрессионистов, в особенности вскармливался этим Эрнст Юнгер в дневниковой книге «В стальных грозах», так же, как отлично вскармливался реалиями польско-советской войны 1920 г. Исаак Бабель в своей «Конармии». Однако одно дело переваривать опыт в искусстве, другое — признавать реально происходящие события художественным творчеством. А границы определяют критики.

Критике посвящен последний номер варшавского журнала «Вензь» (2003, №4), на обложку которого вынесен заголовок «Умирает ли критика?». Наряду со многими высказываниями деятелей искусства, мы находим здесь и статью Анджея Вернера «Откроем окно», где автор пишет:

«Если литература перестает верить в существование мира, если она предполагает, что он лишь отражение в зеркале воды, той самой воды, в которой отражается лицо писателя, это для нее крайне опасно. Для критики же такая посылка просто самоубийственна, ибо смысл ее существования состоит в посредничестве между двумя этими сферами, между «миром», «действительностью», «жизнью» — и литературой. Между вымыслом и тем, что иногда оправдывает предположения об объективном бытии. Это не всегда служба той или другой сфере — это скорее существование между ними, защита нужд и резонансов мира от литературы (...) и литературы от мира. Когда литература маргинализуется, ее защита становится особенно важной задачей. Этого, однако, не сделать, сидя в окопе на территории внутрিলитературных дел. Независимо от того, как сильно мы будем подчеркивать различия между квазиреальным образом мира в литературе и самой реальностью, главной силой, привлекающей читателя, останется соотношение литературы с жизнью, а не автономный мир игры словами и условностями. Для того и читают книги или смотрят фильмы, чтобы изображенный мир соотнести со своей жизнью, поставить себя перед лицом иного, донныне неизвестного опыта, благодаря чужому и своему воображению расширить ограниченные рамки нашего бытия, преодолеть свою судьбу, лучшую или худшую, преодолеть представление о смерти».

Эти читательские нужды может удовлетворить литература, действующая в рамках традиций, по известным повторяющимся правилам, как это происходит в массовой культуре, либо такая, что стремится выйти за эти схемы, заставляющая делать собственный выбор. Эта другая литература, по мнению Вернера, представляет для критики больший интерес:

«Если не по другим причинам, то хотя бы потому, что с такой литературой приходится больше потрудиться. Вдобавок у этого труда более высокие задачи, ибо наряду со знанием правил литературной игры он предполагает и реализует знание мира, с которым литература соотносится, а главное, он более независим, конституируя место критики вне тесного поля, определяемого самой литературой. Не нужно, пожалуй, добав-

лять, что такой подход не означает отождествления изображенного литературного мира с действительностью. (...) И еще одно. Критика не может существовать (...) без одного простого слова: *правда*. (...) Я использую это понятие с робостью или с самоубийственной решимостью, но не могу без него обойтись, по крайней мере в том случае, если мне есть что сказать об искусстве: о литературе, кино. Среди других Муз я делаю это несколько смелее, более рьяно: нужно пользоваться привилегиями дилетанта. Но при всей своей неуверенности я совершенно не понимаю, чем бы я занимался на этой территории, не узурпируя права стремиться к тому, чтобы оказаться как можно ближе к недостижимой цели. Я имею в виду правду, совершенно конкретную, правду о существовании именно этих людей, малого отрезка обширного мира, к которому обратилось внимание художника. Правду художественную, ибо иными средствами она недостижима».

Именно таким критиком, идущим по следу правды, выглядит Лукаш Древняк в вышеупомянутой статье и в эссе «Ладони Шехерезады», опубликованном в следующем номере «Диалога» (2003, №1-2). Рассматривая Бараева как автора спектакля, он пишет:

«Место, выбранное террористами как цель атаки, — не обычное место. На сцене и в зрительном зале не уйти от театрального контекста. Жесты и акты насилия, банализируемые в других пространствах, здесь приобретают зловеющий, окончательный смысл, ибо впервые исполняются на самом деле, без притворства, трюков и шуточек. Страх есть страх, кровь — кровь, смерть — смерть. Для тех, кто понимает, что на самом деле произошло между девятью часами вечера по московскому времени в среду 23 октября и половиной седьмого утра в субботу 26 октября 2002 г., театр уже не будет таким, как был. Хотим мы того или нет, но атака Мовшара Бараева была спектаклем, горестно суммирующим определенную театральную традицию. (...) Похоже, что Мейерхольд ошибался, считая, что агитационный театр только тогда добьется результата, когда люди в зрительном зале будут объединены одной общей идеологией. Ему не было дано испробовать вариант, в котором агитационный театр имел против себя весь зрительный зал и тем не менее одержал победу. По отношению к враждебному зрительному залу можно без обиняков использовать всякие средства, чтобы убедить его в своей правоте. Террор, угрозы, физическое насилие. Все, что остается, когда реальные аргументы исчерпаны. Мейерхольд исходил из того, что цель театра — не показать готовый художественный спектакль, а скорее сделать зрителя соавтором драмы. «Насколько намерения создателей агитационного театра оправдали себя в практической деятельности? — спрашивал Зигмунд Хюбнер и отвечал не колеблясь: — Скажем прямо: в ничтожной степени». Обычно так и было — вплоть до спектакля Бараева. (...) В истоках мысли Мейерхольда о политическом театре где-то таится тезис, мечта о том, что зритель срывает представление и начинает вместо него свое, поправляет театр в согласии с жизненной правдой. То есть театр должен дать лишь импульс — остальное в руках публики, ибо только она как представитель человечества, общества, является носителем силы и воли, необходимых для того, чтобы изменить мир, а может, всего лишь изменить театр, устроить его так, как устроен мир. Кажется, после мейерхольдовских «Зорь» кто-то написал: «Надо либо изменить мир, либо повеситься». Мовшар Бараев из 29-й чеченской дивизии смертников — великий реформатор театра, «Мейерхольд после 11 сентября». (...) Режиссер-воин с лицом первого любовника, который входит на сцену и в присутствии зрителей ставит спектакль. (...) Бараев, для одних преступник, для других герой, доказал, что наступил настоящий конец политического театра в лобном виде, или же показал, что начинается настоящий политический театр. Он осуществил агитационный театр в окончательной форме. Театр терроризма».

И вот наконец заключение статьи Древняка:

«Глядя телевизионный спектакль, сообщавший о событиях в Театральном центре на Дубровке, мы созерцали запоздалое банкротство некоторых идей великой театральной реформы. Бараев не столько рассказал нам о будущем театра, сколько соответствующим образом осветил его прошлое. Расширяя свои границы, театр в конце концов стал пространством войны и смерти. Я обвиняю посмертно Всеволода Мейерхольда и ему подобных в том, что они раскрутили театральную спираль насилия, ибо верю, что не так важно, что сделает сам художник, как тот, кто ему в этом жесте подражает».

По-видимому, статья Древняка показала результаты критики, стирающей границы между искусством и жизнью. Ничего удивительного, что она вызвала довольно живые отклики. Внимания заслуживают реплики, помещенные в последнем номере «Диалога» (2003, №4). Лешек Колянкевич, выступая в защиту текста Древняка, пишет:

«Перед нами истолкование определенного современного события, которое было одновременно реальным событием, с жертвами (...) и медиальным событием — как таковое его смотрел в прямом эфире весь мир, и как таковое оно нас потрясло. Это потрясение могло так напоминать знаменитый катарсис, что Лешек Древняк как человек, чувствующий и испытывающий тревогу, ужас и жалость, сумел с ним справиться, найдя в том, что увидел, аспект античной трагедии. Наверное это не вытекало из малодушия, хотя в литературном виде стало, может быть, нравственно проблематичным. Сегодня, однако, мы на каждом шагу сталкиваемся с такой проблематичностью, ибо вновь и вновь смотрим на сцене самые разные эпизоды гражданской войны в Югославии. (...) Сильно ли отличается «Эпитафия театральному Октябрю», автор которой считает, что террористическая атака на Театральный центр на Дубровке довела до банкротства некоторые театральные идеи Мейерхольтда, от «Конца невозможного театра» Яна Котта, где автор писал, что массовое самоубийство членов «Храма народа» в джунглях Гайаны скомпрометировало идею жестокого театра Арто? (...) Согласен, Котт не говорит прямо, что самоубийство девяти сот с лишним сектантов было театром, как Древняк говорит, что театром была атака Бараева. Однако оба утверждают, что после каждого из этих событий некоторые вещи в театре станут невозможны, — и хотя бы это заслуживает размышлений».

Я не особый поклонник театральных концепций Яна Котта, поэтому текст Колянкевича меня не убеждает, тем более что фундаментальный вопрос о том, какова эта «нравственная проблематичность» статьи Древняка, он ставит довольно мимоходом — хотя все-таки хорошо, что он ее отметил. В конце концов мы могли бы, пожалуй, договориться, что театральные спектакль, задуманный как художественное дело, — нечто совсем другое, нежели сознательно проводимое дело терроризма, при котором не условно, а на самом деле погибают реальные жертвы. В этом контексте мне вспоминается довольно подозрительный с нравственной точки зрения подход западных интеллигентов, находивших «идейное» оправдание террористической деятельности западногерманской «Фракции Красной армии» в 70-е годы; тревожит тот факт, что подобный тип мышления — в результате по-своему «обосновывающий» террористические акты — начинает сегодня возрождаться. В художественной критике это, в частности, результат явления, которое я готов был бы назвать «никчемностью профессионализма». Верно пишет об этом в том же номере «Диалога» Петр Мицнер:

«Прежде всего (...) статьи Древняка показывают, к чему приводит театроцентризм. Антрополог театра, сидя перед телевизором, жонглирует понятиями: театр, трагедия, смерть, маска, миф и сценарий, — чтобы при их помощи объяснить то, что тревожит своей непонятностью Собственно можно сказать, что Бараев устроил все это, чтобы театроведу было чем заняться. (...) Значит, можно говорить о «спектакле Бараева», считать его учеником Мейерхольтда, искать в этих страшных событиях «отрежиссированных жестов» и «зашифрованного зрелища». Мовшар Бараев — это «великий реформатор театра», творец «театра террора», даже, более того, «виртуального театра террора». (...) Одержимость театром, подобно теории заговоров, движущих историю, велит бдительно вынюхивать театральность где придется. Даже обычный телевизионный репортаж с Дубровки оказывается «театральным спектаклем». Подшлемник террориста становится «театральной маской современности», ибо, как в античном театре, должен «произвести строго определенное впечатление на зрителя». Несомненно, он должен произвести впечатление — но театральное ли? (...) Тексты Лукаша Древняка — это попросту крайнее проявление практики, которой предается некоторая (меньшая) часть человечества. Когда одни страдают и погибают, другие стремятся облечь это в художественную форму. Проблема состоит в том, где провести границу между свободой и произволом в выборе выразительных средств. Стоит не забывать то, что заметил еще Расин: «Смерть всегда больше слова, которым мы ее называем»».

Стоит также добавить, что в вопросе о том, кто подражает художнику — а Древняк обвиняет Мейерхольтда во влиянии на подражателей, — трудно выносить приговоры: многим мастерам подражали стаи графоманов. Мастера ли в этом виноваты? И, наконец, самое главное: в критике, на мой взгляд, стоит напомнить не только о правде, как это делает в вышецитированной статье Анджей Вернер. Стоит напомнить, хотя это сегодня столь же немодно, и о нравственных ценностях.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✳ Издательство «Знак» и одноименный ежемесячный журнал в третий раз присудили премии им. о. Юзефа Тишнера. В категории творчества религиозного и философского направления лауреатом стала профессор Барбара Скарга за книгу «След и присутствие». В ней автор полемизирует со взглядами Жака Дерриды, одного из создателей постмодернизма. В категории публицистики, затрагивающей общественные проблемы, премию получил Войцех Ягельский, корреспондент «Газеты выборов», за цикл репортажей из Афганистана «Моление о дожде». В категории пастырских и общественных начинаний премия присуждена о. Анджею Августинскому, директору краковского молодежного центра «У Семахи». Центр работает десять лет, опекая более тысячи подростков, «отнятых у улицы».

✳ В рамках Еврейского дня в Варшавском университете состоялся ряд встреч, посвященных истории: дискуссия на тему массового убийства в Едвабне, встреча с Владиславом Бартошевским, который говорил о варшавском гетто, и с Томашем Шаротой, рассказавшем об операции по освобождению евреев — узников лагеря «Генсьювка», проведенной солдатами батальона Армии Крайовой «Зоська». Гвоздем программы стали проведенный во дворе университета урок еврейского танца, а вечером — концерт клезмерской музыки в исполнении Краковского клезмерского оркестра и Майкла Альперта из США в сопровождении группы музыкантов из Берлина.

✳ В этом году премиями Польского ПЕН-Клуба были отмечены: специальным призом — Ида Финк, израильская писательница, пишущая по-польски, за «особые заслуги в области польской словесности», а издательской премией — Барбара Торунчик, которая в течение двадцати лет возглавляет ежеквартальный журнал «Зешиты литератке» и созданное при нем издательство.

✳ В издательстве В.А.Б. только что вышел сборник рассказов Иды Финк «Уплывающий сад». Издательство «а5» опубликовало новый сборник

стихотворений Виславы Шимборской «Стишки в рифму для больших детей». ««Стишки», — написал Януш Джевущкий в газете «Жечпосполита», — обращены не столько к каждому из нас... сколько к ребенку, который, как говорят, остается внутри каждого из нас. Если и вправду литература должна учить, развлекать, волновать, то «Стишки» прежде всего развлекают... Ибо главное в них — шутка и насмешка, а также нонсенс и абсурд». Сборник состоит из самых разных стихотворных форм, частично автором придуманных, это и «лимерики», и «москалики», а также «лучшики» («лучше тетка-стриптизерка, чем окрошка и икорка»), «отводики» («от водки ум короткий» — старая поговорка, которую Шимборская наполнила новым содержанием) и «альтруистики» («Уважайте труд подружки, пейте чай из грязной кружки»). Шимборская замечательно развлекается, и мы вместе с ней.

✳ Лешек Колаковский, самый известный польский философ современности, живущий в настоящее время в Оксфорде, опубликовал свою поэтическую антологию — «128 прекрасных стихотворений, созданных 68 польскими поэтессами и поэтами». Колаковский выбрал стихотворения, которые он сам особенно любит. Автор рецензии в газете «Жечпосполита» пишет: «Колаковский предлагает собственную, глубоко личную картину польской лирической поэзии от Ренессанса до наших дней... Сознательно не обращая внимания на хронологию, он ставит рядом произведения разные по стилю и относящиеся к разным эпохам, и это дает совершенно неожиданный эффект».

✳ Лауреатом итальянской поэтической премии Монтале, в этом году впервые присужденной иностранному автору, стал польский поэт Тадеуш Ружевиц, который получил ее, как сказано в решении, «за влияние, оказанное им на современную поэзию и итальянский театр авангарда. (...) Поэзию Ружевица отличает способность вызывать у читателя непосредственный отклик и защищать человеческое существование от натиска бессмысленности».

* В издательстве «Нуар сюр блан» вышла последняя книга умершего в 1988 г. Теодора Парницкого (см. недавно посвященную ему публикацию в парижской «Русской мысли»), так и называющаяся «Последний роман». «Действие, — пишет Кшиштоф Маслонь, — разворачивается вокруг деятельности разведок на рубеже XIX–XX вв., вокруг политики тогдашних держав и заговоров... значительное место занимает польский вопрос». Профессор Влодзимеж Болецкий подчеркивает, что «Последний роман» — это «итог значительного творческого наследия писателя, подтверждающий, что Парницкий на десятки лет опередил многие идеи современной литературы. (...) В роман заложена и неизменно присущая творчеству Парницкого антинационалистическая идея, в основе которой лежит тезис о том, что люди, происходящие от смешения разных рас и национальностей, придают культуре универсальный, общечеловеческий характер».

* Фонд «Пограничье» возобновляет издание очередных томов саги Станислава Винценца «На высокой полонине». Только что вышла первая часть саги «Правда древлевека». «В саге Винценца, — пишет антрополог культуры Иоанна Токарская-Бакир, — воплощен идеал общности соседей — поляков, евреев и украинцев — на фоне общего для них пейзажа. (...) Это произведение сравнивали с финским эпосом «Калевала», а Винценца с Гомером. Его можно читать и как генеалогическую идиллию (...) ностальгически, но можно и ассоциировать с Толкиеном (...) а с другой стороны — с «Божественной комедией» Данте (...) и тогда уже его можно воспринимать не как застывший образ потерянного гуцульского рая, но (...) как то самое «другое пространство», в рамках которого все, что разделило земное время, возвращается, объединенное вечным сосуществованием».

* Стать одним из бестселлеров может третья часть трилогии Зигмунта Кубьяка об античном мире, носящая название «Красота и горечь Европы. История греков и римлян». В этом произведении, как пишет Эльжбета Савицкая, Кубьяк «представил историю Европы с доисторических времен до падения Западной Римской империи. (...) Это книга глубоко личная, написанная языком тех эмоций, которых автор и не скрывает. Кто может

сегодня без всяких преувеличений или экзальтации, сказать, что он любит Римскую империю?.. Зигмунт Кубьяк это говорит. И мы ничему не удивляемся. Мы ему верим».

* В сегодняшнем списке бестселлеров изменений немного. Тут следовало бы сказать о занимающем первое место «Римском триптихе» Иоанна Павла II, поэме о Боге, вере и бренности. Но прежде всего о человеке. А также назвать автора, чьи произведения на протяжении многих лет входят в первую десятку литературы небеллетристических жанров. Это Войцех Эйхельбергер, психолог и знаток человеческой души, занимающийся всеми возможными проявлениями межчеловеческих отношений, уделяющий особое внимание детской психологии. Эти мудрые и глубоко гуманные книги пользуются огромным признанием. В настоящее время в список бестселлеров вошли «Букварь Войцеха Эйхельбергера» и «Добрая любовь. Что делать, чтобы жизнь наших детей сложилась удачно».

* В списке ЮНЕСКО «Память мира» есть три польские позиции: трактат Коперника «*De Revolutionibus orbis*» («Об обращениях небесных сфер», 1520), произведения Фредерика Шопена и архив варшавского гетто, известный под названием «Архив Ригенблома». Ныне еще два документа имеют шанс попасть в этот список: документ Варшавской конфедерации 1573 г., которым подтверждается религиозная свобода польской шляхты, а также список, содержащий 21 требование бастующих судостроителей в августе 1980 года.

* Фестивалем «Шайнатаун» были отмечены 80 лет со дня рождения и 55 лет творческой деятельности Юзефа Шайны — художника, графика, сценографа и режиссера. Центральным событием фестиваля стало открытие скульптурной композиции «Лестница на небеса» высотой более десяти метров, о которой автор сказал, что это «дорога на небеса для всех нас». Во время фестиваля наряду с живописными работами были показаны также фильмы о Юзефе Шайне и его театре.

* «Агату Богацкую называют блистательным талантом, явлением в молодом искусстве Польши», — пишет Моника Малковская в газете «Жечпосполита». Молодая художница показала свои работы на персональной выставке в варшавском

Центре современного искусства. Выставка носит несколько провокационное название «Я истекаю кровью». «У Богацкой, — пишет далее рецензент, — нарцизм с физиологическим оттенком облекается в поп-артовскую, плакатную манеру. Почти в каждой картине героиней является она сама. ...краски композиций великолепны. (...) Выделенные из пространства и контекста фигуры становятся знаками, сигналами разных ситуаций, часто самых банальных из всех возможных».

✳ На выставке в Варшавском литературном музее представлены произведения польской живописи и литературы начиная с XIX века до наших дней, в которых отражены события Страстной недели. Более ста произведений самых выдающихся живописцев сопровождаются цитатами из польской поэзии от Мицкевича до о. Яна Твардовского.

✳ Свое 80-летие отпраздновал Густав Холоубек, один из крупнейших польских театральных и киноактеров, в настоящее время директор и актер варшавского театра «Атенеум». В кино он сыграл, в частности, в к/ф «Петля», «Прощания», в картинах Тадеуша Конвицкого («Сальто», «Лавва»). Но более всего он восхищал (и по сей день восхищает) зрителей в театре. «Со сцены, — пишет критик, — он говорил как современный интеллигент. Магнетизировал. С помощью роли высказывал свой взгляд на мир, на жизнь, на мораль». Всем памятна его знаменитая игра в «Дзяддах» Адама Мицкевича в постановке Казимежа Деймека в 1967-1968 гг.

✳ Кристиан Люпа (1943 г.р.) — ныне один из самых выдающихся театральных режиссеров, получивших признание не только в Польше. В мае в Кракове и Варшаве прошел фестиваль его творчества. В программу фестиваля были включены поставленные им в краковском Старом театре «Мастер и Маргарита» и «Братья Карамазовы», а также постановки, осуществленные во Вроцлаве, в частности спектакль «Ночлежка» по пьесе Максима Горького «На дне». Были также показаны несколько возобновленных спектаклей. В Варшаве особенно интересным для зрителей стал показ постановок Люпы в Театре ТВ, а также два спектакля, которые ныне входят в репертуар, — «Изнитожение» Томаса Бернхарда и «Отношения Клары» Дей Лоэр. «Это человек, отличающийся многообразием талантов, — говорит о Люпе Петр

Цесляк. — Прекрасный драматург, об этом свидетельствуют его инсценировки великой прозы. А теперь он занялся и фотографией. (...) В чем его сила? В театре он всегда берется за значительные темы. Не занимается лакировкой, не ведет легких дискуссий. В нынешнее сложное время он создает театр нравственной тревоги».

✳ Одновременно с премьерой в гданьском театре «Побережье» — спектаклем по последней пьесе Ингмара Вильквиста «Мы из местечка Эльмит» — текст этого произведения вышел в свет в печатном виде. Роман Павловский из «Газеты выборчей» считает пьесу «важным текстом, затрагивающим вопросы нашей совести; хотя отраженные в ней события и отнесены к некоему маленькому приморскому городку, в котором у Вильквиста происходит действие большинства его произведений, они все же представляют собой парафраз событий в местечке Едвабне (...) анализ преступления, совершенного всем местечком. Поступок жителей местечка Эльмит — это акт абсолютного зла, которому не может быть никакого оправдания. (...) Как объяснить феномен ненависти, которая обрушивается на спокойное местечко, словно ураган, и подстрекает людей на омерзительные поступки, а затем растворяется в воздухе? (...) В каких обстоятельствах это может повториться? ...все эти вопросы обращены к нам самим».

✳ Среди заливающей нас волны в той или иной мере халтурящих групп, представляющих широкому зрителю самые разнообразные развлекательные программы, исключительным событием стало возвращение старых мастеров по прошествии многих лет: с новой премьерой своего кабаре «Под Эгидой» выступил Ян Петшак, а звездой программы варшавской «Стодолы» стал ее ведущий Станислав Тым, занимающийся, как всегда, анализом языка и возникающего отсюда абсурда действительности. Впрочем, и действительность как таковую он тоже не щадит.

✳ Большое концертное турне Анны Марии Йопек, одной из лучших и охотнее всего принимаемых ныне зрителями польских исполнительниц, закончившееся концертами в Варшаве, а также XVII Варшавские музыкальные встречи, посвященные серьезной музыке прошлого и настоящего времени, — вот самые интересные музыкаль-

ные события в мае. А в апреле Краков восторгался концертами Бетховенского Пасхального фестиваля, ежегодного события, все более приобретающего международное значение. «Когда в 1997 г., — пишет критик, — Эльжбета Пендерецкая впервые предложила организовать на Пасху музыкальный фестиваль, многие сомневались, удастся ли заполнить залы». Сегодня залы на концертах переполнены, а сам фестиваль прочно вошел в культурную жизнь Кракова. В концертах принимают участие самые известные исполнители. Нынешний, седьмой по счету, фестиваль завершила Девятая симфония Бетховена со знаменитой «Одой к радости», гимном объединенной Европы, в исполнении Катовицкого оркестра Польского радио и хора Краковской филармонии под управлением американского дирижера Лоуренса Фостера.

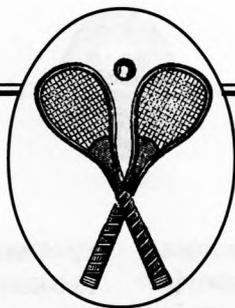
✳ В мероприятиях, связанных с празднованием 300-летия Санкт-Петербурга, с большим успехом приняла участие Варшавская камерная опера, исполнявшая главным образом современную музыку, в том числе произведения Пендерецкого, Килляра и Гурецкого. Однако петербургской публике была представлена и музыка барокко, а в прекрасном интерьере Эрмитажного театра варшавяне сыграли «Импресарио в затруднении» Доменико Чимарозы, который при дворе Екатерины II был директором итальянской оперы.

✳ В Польшу приехала на гастроли труппа московского мюзикла «Норд-Ост», ставшего печально известным из-за террористического акта в Театральном центре на Дубровке.

✳ Первая программа Польского радио объявила май месяцем польской песни. «Это форма протеста против господства зарубежных песен в передачах наших радиостанций, — заявили авторы идеи. — В прошлом году такая акция встретила широкий резонанс. (...) Рейтинг первой программы радио поднялся на один процент».

✳ «Голос надежды» — таково название документального фильма Мацея Дрыгаса, в котором рассказывается о борьбе цензуры ПНР с польской редакцией радиостанции «Свободная Европа». «Фильм, — по словам критика, — представляет собой (...) киноэссе, мозаику из воспоминаний и размышлений людей, которые препятствовали приему передач, ограничивали радиус ее [РСЕ] влияния, а также тех, кто не захотел подчиняться индоктринации и, рискуя навлечь на себя репрессии, слушали «голос надежды» и собирали радиоприемники и передатчики, которые позволяли ретранслировать информацию из-за железного занавеса».

✳ 750-ю годовщину своего основания праздновала Познань, столица Великопольши. В праздничных мероприятиях участвовал весь город, а знаменитый дирижер хора мальчиков «Познанские соловьи» Стефан Стулигрош на сей раз руководил пением познанских горожан, хором, состоявшим из десяти с лишним тысяч жителей Познани, собравшихся на площади Старого рынка. Кроме того, по Познани прошел Большой парад в честь основания города. Украшением праздника станут многочисленные прекрасные мероприятия, в том числе выставка работ Магдалены Абаканович, первое исполнение оратории для Познани «Sanctus Adalbertus» Миколая Генрика Гурецкого, концерт Петера Габриэля и его группы на познанском стадионе, а также выступление Монсеррат Кабалье и Компай Сегундо. До конца года планируется провести многочисленные дискуссионные встречи, спектакли, выставки, ярмарки и пикники. Но главным героем торжеств будет по-прежнему картофель, «познанская пыра» (картофельные клецки), от названия которой весь регион стали называть «Пырландия», ибо «кто не попробует познанской пыры, для того она навсегда останется серой и земной». Познань — это еще и родной город одной из самых популярных польских писательниц Малгожаты Мусерович, которая, как никто другой, умеет красиво рассказать о нем. А в июне город, как каждый год, заполнится гостями, съезжающими на Международную Познанскую ярмарку.

Валерий Мастеров

БОЛЬШОЙ ТЕННИС ПРОПИСАЛСЯ НА «ВАРШАВЯНКЕ»

Международный женский турнир в польской столице обрел высокий ранг и занял свое место в мировом календаре WTA

В Польше всегда жила тоска по спортивным кумирам. И когда они появлялись, все переворачивалось вверх дном. В стране множились фанаты, которые не только становились яркими болельщиками новоявленного кумира, но и следовали по его стопам. Самородок Казимеж Дейна втянул в футбол сотни тысяч мальчишек. Рышард Шурковский посадил всех на велосипед. За Иреной Шевинской выстроилась очередь на беговой дорожке. Ну а последние три года мало кого обошла стороной «мальшомания». Адам Малыш, этот хрупкий на вид скромный парень из небольшого городка Висла в горных Бескидах в третий раз подряд завоевал Кубок мира по прыжкам с трамплина. Мало того, что по 12 миллионов (!) поляков следили за его полетами по телевизору, так еще и тысячи верных поклонников ездили за прыгуном на соревнования «Турнира четырех трамплинов». Согласно недавнему опросу общественного мнения, Адам Малыш Великий (так теперь всерьез величают в газетах молодого спортсмена) стал номером 1 в истории польского спорта, опередив вышеупомянутых и многих других звезд, хотя бы таких, как футболисты Бонек и Любанский, боксеры Кулей и Салета, легкоатлет Роберт Коженёвский и теннисист Войцех Фибак... На первое место летающего лыжника поставили 84% опрошенных!

Все это к тому, что поляки спорт знают не понаслышке, разбираются в нем, и на мякине их не проведешь. Поэтому с полным основанием можно назвать большим событием международный теннисный турнир J&S Cup, прошедший в мае на кортах спортивного клуба «Варшавянка». Опускаю дискуссии, в которых противопоставляются массовые виды спорта и спорт для избранных. Не буду полемизировать с теми, кто отдает приоритет доступности занятий той или иной дисциплиной. Ведь доступность и приобщение к большому спорту начинаются со зрелища, с наблюдения за выдающимися спортсменами и восхищения их достижениями с близкого расстояния. И если остановиться на этом, то варшавский турнир превзошел все ожидания.

Такого блистательного созвездия теннисисток из первой «десятки» мира и первых ракеток разных стран в Варшаве еще не видели. Перечисляю, а у самого мурашки по спине от одних только имен: Винус Уильямс, Амели Моресмо, Даниэла Гантухова, Елена Докич, Магдалена Малеева, Дениса Хладкова, Анна Пистолези (Смашнова), Татьяна Панова... Искреннее сожаление у организаторов и моих коллег в самый канун открытия турнира вызвала простуда уже посеянных Елены Бовиной и Елены Лиховцевой. Особенно ждали Лену Бовину, очаровавшую всех своей открытой улыбкой и непосредственным общением прошлогоднюю победительницу, для которой победа в Варшаве стала первой победой в турнирах WTA и началом стремительного восхождения по рейтинговой лестнице из пятой десятки аж до 16 места!

К счастью, эти вполне житейские и совсем нередкие издержки не повлияли на уровень турнира, а самое главное — на интерес к нему. Несмотря на увеличение вдвое количество мест на трибунах главного корта и пристальное внимание СМИ (было аккредитовано более 180 корреспондентов, «Жечпосполита» превзошла всех ежедневным высокопрофессиональным специальным выпуском, а «Евроспорт» обрадовал десятичасовой прямой трансляцией), случилось неслыханное: охота за «лишним билетиком» на полуфиналы и финал.

Поневоле задаешься вопросом: откуда все это взялось?

Явление большого тенниса в Варшаву связывают с директором турнира Рышардом Фиялковским, с которым мы беседуем в его кабинете на кортах «Варшавянки». Для кадрового дипломата (Фиялковский 38 лет отдал дипломатической службе, трижды был послом, в том числе в Париже) теннис из любительского увлечения превратился в профессиональную организационную страсть. Он два срока возглавлял Польский теннисный союз, был председателем Комитета женского тенниса в Европейской федерации (ЕТА) и членом Исполнительного комитета Всемирной федерации тенниса (ITF).

Пробиться в элиту организаторов крупных турниров нелегко. По словам пана Рышарда, найти кошелек с миллионом долларов или выиграть в лотерею бесполезно. Высока коммерческая конкуренция, а устоявшийся календарь забит. Место «выпавшего из игры» хозяина какого-нибудь турнира серии WTA готовы занять десятки претендентов. Директор Фиялковский не скрывает, что ему очень помог дипломатический опыт, знание пяти языков и многолетнее международное общение. А убеждать пришлось географией: развитием тенниса в Восточной Европе и растущем интересу к нему.

В профессиональном женском теннисе ранг турнира зависит от категории и призового фонда. Новая эра для большого тенниса в Варшаве наступила в прошлом году. Главный спонсор турнира международная компания J&S Energy, известная своей деятельностью и в России, решительно увеличила сумму наград со 170 тыс. до 700 тыс. долларов, что позволило подняться сразу на два этажа в теннисной иерархии — с Tier IV на Tier II. Отказ же организаторов от подобного турнира в Бразилии открыл варшавянам возможность стать полноправными обладателями прав на проведение соревнований. Причем в благоприятное время: при отсутствии турниров более высокого ранга и практически перед дебютом игр на грунтовых кортах, что хорошо вписывается в программу сезона: неделей позже разыгрывается German Open в Берлине, потом стартует Masters Series в Риме и, наконец, начинается борьба за первые призы Большого шлема на кортах «Ролан Гаррос» в Париже.

Это сейчас любое организационное действие можно уместить в одно предложение. Сколько же было усилий и хлопот в подготовительный период — начиная с генеральной реконструкции объекта и кончая выучкой линейных судей и согласованностью движений подающих мячи мальчишек. Надо было учесть каждую мелочь, а прежде всего, подчеркивает директор Фиялковский, создать условия для главных героинь, от настроения которых зависел весь теннисный спектакль. Поэтому для теннисисток был приготовлен специальный уединенный комплекс со всеми удобствами и реабилитационным центром, а питание готовилось согласно международной регламентации. Во избежание террористических актов большое значение придавалось безопасности спортивного объекта и месту проживания спортсменок, к двум из которых — американке Вильямс и представляющей Израиль Пистолези была приставлена личная охрана. Для зрителей оргкомитетом были разработаны «10 заповедей», не только способствовавшие культуре поведения, но и помогавшие разобраться в сути тенниса и уловить его нюансы. Не могу не добавить от себя чисто корпоративного впечатления: прекрасная работа пресс-центра. Его руководитель Томаш Вольфке подобрал безупречную команду, знающую характер работы журналистов, толк в мировом теннисе, умело проводящую пресс-конференции и поставившую рекорд в оперативной подготовке исчерпывающих материалов.

Все это помогло создать атмосферу праздника, сутью которого стала доброжелательность и захватывающее зрелище. Украсить его помогли известные по киноэкрану, театру и телепередачам почитатели тенниса, которые пришли не только на других посмотреть, но и себя показать в проходившем параллельно турнире. Разве это не дополнительное удовольствие наблюдать, как доказывают друг другу свое превосходство на корте известный режиссер Януш Заорский и популярный актер Ян Энглерт? По такому случаю знаменитый писатель и драматург Януш Гловацкий специально прилетел из Нью-Йорка, где он проживает уже двадцать с лишним лет.

Что до спортивных результатов, то все шло согласно «табели о рангах» вплоть до самого финала, в котором вторая ракетка мира Винус Уильямс уступила первой ракетке Франции Амели Моресмо. Но ведь должна же быть хоть одна неожиданность, которую не предусмотрели гостеприимные организаторы.

Валерий МАСТЕРОВ, собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве — специально для «Новой Польши»

ИСКУССТВО НЕ НЕВИННО

Беседа с Эвой Курьлюк

— Некоторые считают, что современное искусство, замкнутое в герметическом мире галереи, ничего нам сегодня не дает.

— Никогда прежде художники не конкурировали с таким множеством произведений искусства прошлого. В современном музее воображения все существует одновременно. Если в Париже у меня сегодня на выбор выставка искусства кхмеров или ацтеков, мне не особенно хочется идти в галерею, где выставляются мои студенты и коллеги. Людей бомбардируют визуальными стимулами, которых тем не по силам охватить. Но если бы перед нами была вся картина современного искусства, мы несомненно открыли бы выдающиеся произведения. Когда Ван Гог совершил самоубийство, а Гоген умер от сифилиса на далеких островах южных морей, мир покинули два величайших художника XIX века — и их не знала ни одна собака. Сегодня тоже существуют малоизвестные художники, которых мы когда-нибудь откроем. — Кто их откроет, если, устав и соскучившись, мы бежим от искусства?

— Кто их откроет, если, устав и соскучившись, мы бежим от искусства?

— Как всегда — будущие поколения.

Цвет истребления и выживания

— В «Нашей малой стабилизации» Ружевича в квартире героев — типичном интерьере времен ПНР — висит репродукция «Подсолнухов» Ван Гога. Таких квартир в Польше были тысячи. Массовость копирования шедевров убивает восприимчивость...

— Отнюдь! «Подсолнухи» не случайно попадали в послевоенные квартиры. Репродукцию этой картины покупали из-за цвета и формата: подсолнух ассоциировался с солнцем, с выживанием. «Подсолнухи» стали иконой для тех, кто воспринимал желтый цвет как символ истребления и спасения, прежде всего для евреев. Это известный еврейский цвет, и отсюда происходит его негативное значение в христианском искусстве: на фреске Джотто Иуда накидывает желтый плащ предательства на Христа. «Адский» желтый цвет ассоциируется с серой. Но в то же время это цвет солнца и света, желтка, кукурузы, мёда и т.д. Моя мама, чудом пережившая гитлеровскую оккупацию Львова, была одержима желтым цветом. В ее комнате тоже висели «Подсолнухи».

— Но продолжаем ли мы нуждаться в «Подсолнухах» — неважно, в оригинале или репродукции? Можем ли мы найти такое богатство значений в ныне создаваемом искусстве?

— Неизвестно, кто и когда нуждается в картине. И в какой. Но пока в человеке будут жить подсознательные страхи и мечты, которые искусство выводит наружу, будет существовать и оно само.

Оригинал — это миф

— *Норвежскую развешенную репродукцию не предвещают конца искусства? Стоит ли совершать паломничество к оригиналу, если дома висит превосходная копия?*

— Оригинал — это миф. Не так важно, как существует искусство — в оригинале или в репродукции. Я люблю искусство, но вовсе не желаю им владеть. Бывает, картина на открытке волнует меня до глубины души, меняет ход мыслей. На копию, которая висит над моей кроватью, я смотрю каждый день. Да, репродукция — это конец, но не искусства, а монопольного владения им.

— *Маклюэн, пророк глобальной деревни, заявлял, что избыток визуальных стимулов приведет к глубоким переменам в нашей психике, включая перемены в функционировании нашего мозга...*

— 1977 год, Венецианское [т.н. диссидентское. — Ред.] биеннале. Я веду бурный спор с Маклюэном, по мнению которого музеи прекратят свое существование. Их заменят

Искусство, или Любовь
Эва Курылжук вспоминает:

«— О чем охотнее всего думать, — спросила я раз нью-йоркского художника. — О любви. А ты? — Об искусстве. — Это одно и то же, — воскликнул он, — эстетический и эстетический импульсы воспринимаются в одной и той же точке. — Да только где эта точка? — вздохнула я. — В голове мамы-Джирарди, — парировал он. (...) Американская точка зрения, подумала я, тогда что приехавшая в США из страны Ишикувима и Матайно. Но с возрастом меня все больше привлекает мысль, что в художественной форме, мажорной и притягательной, выражается не только *domo variela*».

Один из знаков этой загадочной, хотя и неочевидной любви, то есть искусства, — художественное творчество человека, выражающее и то, что в нем есть дикое, детское, неупорядоченное, несознательное, дурное. Так и возникло название сборника очерков Эвы Курылжук, раньше печатавшихся в «Газете выборов», — «*Adm top amoug*». Это не только сознательный перифраз знаменитого кинифильма Алана Рене «Хиросима, любовь моя». Это почти религиозное исповедание веры. И поиски источников искусства, дуги, по которым оно идет, его значений, глубин всего происходящего в человеке, а может быть, даже где-то вне его. Искать нужно всегда.

Поэтому тематика очерков вполне может стать как висящие в музее (американские портреты, так и пробовый склад американской четы Пико на парижском кладбище «*Пико*» бы в наступающем столетии не репрезентировали и не перенесли в музей надгробия с Монпарнасского кладбища! Буржуазную мелодраму, какой никто уже не играет ни на сцене, ни в спальне, лучше всего смотреть под открытым небом, когда с деревьев падают листья и птицы летают). Иконоборцы, падающие с неба «истинные» образы Христа и Вероники-«победоносительницы». Хитон без шва, сотканный Сыном матерью Вэжийей, и письмо Ван Гота брату, где он сообщает, что из только что закупленного холста, которому предназначено стать искусством, будут сшиты рубашки для мерзвущих детей. Соцреализм, Рубенс, Ватто, которые доказывают, что «никакое «реалистическое» искусство прошлого не следует рассматривать как исторический документ». Японское укиё, или «образы текучего мира», и протестное искусство Обри Вердлее.

Книга, глубоко личная и столь же всеобщая, написана двойной любовью — художницы и искусствоведа. Смелой свободе ассоциации, неограниченному воображению сопутствуют точность, сосредоточенность и эрудиция. Жаль только, что не найдется крошечного корректора, а еще более — что в книге нет живых, цветных иллюстраций.

А.С.

места, где будут показывать диапозитивы картин и скульптур. Я терпеть не могу диапозитивов и утверждаю, что в будущем люди будут штурмовать музеи. Маклюэна уже нет в живых, а очереди в музеи во всем мире удлиннились. Помню полтора километровый хвост у входа на парижскую выставку Марка Ротко — трудного абстрактного художника. Но другие тезисы Маклюэна оправдались. Он, например, считал что благодаря телевидению возникнет что-то вроде племенной культуры, в которой огромную роль будет играть музыка. Молодежь впадет в экстаз танца и пения. Эта догадка оказалась верной.

— *После революции и экспериментов в искусстве всегда наступает момент, когда человек начинает тосковать по гармонии, классицизму...*

— Революционные жесты так крохотны, как уравнение Эйнштейна. В искусстве минувшего столетия крупнейшим революционером был Марсель Дюшан. Он дошел до границ возможного в искусстве, ничего до конца не эксплуатируя. Настоящие революционеры уходят от избытка, иногда совсем перестают творить. Ве-

личайшая художественная революция совершилась на рубеже XIX-XX веков. Сегодня художники главным образом переводят тогдашние идеи в новые технологии. Иногда из этого возникает беспорядочная мешанина. Вообще стоит большая смута. Стригут купоны, рассчитывая на путаницу в умах и амнезию. Как ни попадя. И по течению коммерции.

— *Может быть, вину за это несет как раз Дюшан? Одни говорят, что он начал революцию, пририсовав усы Моне Лизе и выставив писсуар как законченное произведение, другие — что он убил искусство, ибо с тех пор важным стал исключительно художественный выбор, а не то, между чем и чем выбираешь.*

— Это чепуха. Любой из ныне живущих художников пользовался тем, что обдумал и задумал Дюшан. А искусство развивается дальше. Оно чрезвычайно, почти неохватно разнородно, ибо земной шар не разрастается, а человечество и его творчество — еще как.

Кровь и клюквенный сок

— *Нас, однако, не оставляет страх, который находит отражение в доступном нам — тревожном и деконструктивном — современном искусстве.*

— Ничего удивительного. Мы сознаём, что можем дойти до глобальной катастрофы. Это находит свое отражение в художественном творчестве. Хотя я подозреваю, что часть современного катастрофического искусства — чистая условность.

— *Существуют ли еще какие-то запреты, которые искусство может нарушить?*

— Искусство давно нарушило все воображаемые запреты. Художники всегда находили способы обнажить наши непристойные и разрушительные склонности. Это видно в первобытных пещерах, в Помпее. Меняются только формы. Процесс перехода границ продолжается вместе с искусством. А искусство успешней всего переходит границы как бы мимоходом. Хороший тому пример — венские «акционисты». Эти молодые ребята, этикие тамошние «вдохновенные хулиганы», в послегитлеровской Вене разыграли настоящий театр жестокости, целя в недавних эсэсовцев, в которых там недостатка не было. Те быстро перекрасились и принялись требовать наказания «артистов-уголовников».

— *Не так давно перед венской галерей «Альбертина» был установлен памятник, посвященный позорному отношению австрийцев к евреям. Памятник*

изображает еврея, моющего тротуар в центре Вены. Фотография униженного еврея, окруженного веселящимися венцами, в 30-е годы была напечатана во всех газетах. После войны австрийцы не свели счетов с совестью. Памятник поставлен, но что из этого? Памятник поставили, а вскоре на политической сцене появился Хайдер...

— Продукт дозволения нацизма. И продукт замалчивания. Когда в 60-е годы я жила в Вене, одноклассницы из элитарной гимназии сторонились меня, подозревая, что я еврейка. Идя в школу, я каждый день проходила через площадь, где росла трава. Только недавно я узнала, что некогда там стояла синагога.

Эва Курьлюк, «Стулья» (1982).

Центр искусства и культуры,

Буэнос-Айрес

— *Возвращаясь к акционистам: выходит, их деятельность была конструктивным бунтом?*

— Не знаю, конструктивным ли. Бунтом — конечно. И художественным актом, в котором главную роль играло тело — нагого акциониста, убитого зверя. «Разгневанные молодые люди» одновременно играли палача и жертву. Обливались чужой кровью и ранили свои тела. Приятель, который водил меня на эти показы, боялся, что если явится полиция и обнаружит несовершеннолетнюю, то он попадет в тюрьму. Vox populi провозгласил, что акционисты — преступники. По сути они были самыми радикальными художниками XX века. Самый младший из них, Шварцкоглер, до такой степени отождествился со своей деятельностью, что через два года покончил жизнь самоубийством. Искусство не могло идти дальше столь радикальным путем. Акционисты заставили нас со всей остротой прочувствовать факт, известный с незапамятных времен: творить искусство значит разрушать — материал, тело, жизнь. Это можно скрыть — или выставить на всеобщее обозрение. Когда венские акционисты перестали действовать, «искусство тела» превратилось в условное. Ныне в галереях чаще течет клюквенный сок, чем кровь.

Художники — это чудовища

— *Но снова могут появиться бунтовщики, чтобы нарушить запреты. Через полтора десятка лет после акционистов появилось поколение панков, о котором вы первой писали в Польше. Вы делаете вид, что смерти нет, — обвиняли они, — а она есть: я панк, то есть мусор, меня зовут не Смит, а Роттен, Гишлой Я вот-вот умру. Притом на глазах миллионов людей!*

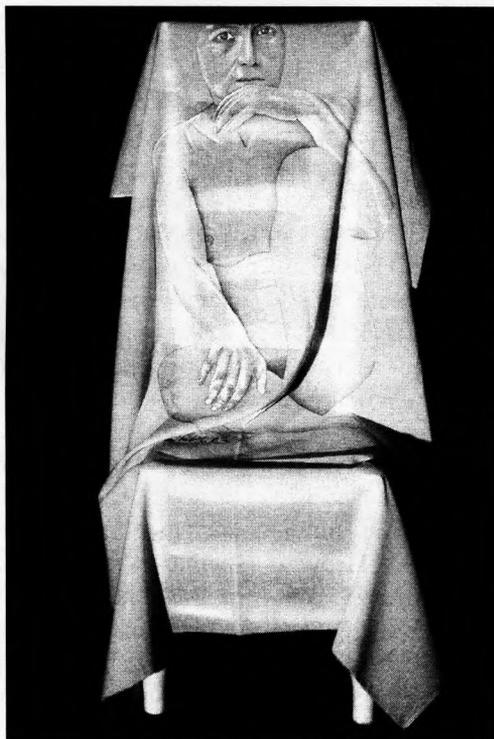
— С панками я впервые столкнулась в середине 70-х в Лондоне. Они увлекли меня, может быть, даже больше, чем акционисты: подростки из пролетарских домов опутывали себя цепями, татуировались, наносили себе раны. Андрей Синявский писал, что в лагерях часты были случаи самоубийства, которые, как и самоубийства, быва-

ли демонстрацией внутренней свободы. Тело — наш основной инструмент экспрессии. Когда у нас отнимут все, мы еще можем наложить на себя руки с вызывающим жестом художника. Это парадоксальные акты — доказательства отчаяния и сохраненной личности.

— *Существует ли граница, которой художнику не перейти? Збигнев Либера в своем фильме использовал настоящую — не сыгранную — смерть человека. Более того, в руки умирающей старушки вместо четок он вложил ночной горшок. Можно ли было такое делать?*

— Художники с самого начала искусства паразитируют на жизни. Они портретировали умирающих. Шли на казни, в прозекторскую, в публичный дом. Мучили своих натурщиков и натурщиц. Разница между старыми и современными художниками состоит в том, что движущая картинка действует сильнее, чем полотно. Если бы вы увидели эту старушку с ночным горшком на картине, это потрясло бы вас меньше. А творческий процесс в обоих случаях весьма схож. Искусство не невинно, и художники — не агнцы! Они бывают агрессивны, как Караваджо, неуравновешенны, как Ван Гог. Бывают даже чудовищами.

— *Либера использовал близкого ему человека, не сознававшего, что с ним делают, не давшего на это согласия.*

— А разве лучше было бы, если бы он нанял чужую, умирающую с голоду старушку, которая таким образом заработала бы себе на последнюю трапезу? Художники всегда использовали своих близких. Любовниц и жен они писали как мадонн и Магдалин.

— *Когда-то все-таки обязательна была одежда...*

— Но хорошо бы знать, что под ней скрывалось. В Варалло (Пьемонт) находится «Новый Иерусалим», первый европейский крестный путь, «населенный» фигурами бывших жителей этого городка. Они натуральной величины, со стеклянными глазами и настоящими волосами. Вид толстяка, больного раком щитовидки, изображенного в виде мучителя Христа, потрясает. Натуралистическое искусство необычайно опасно. Натурализм так близок к жизни, как перст, вложенный в раны. Он сильно воздействует эмоционально и пропагандистски, куда сильнее, чем абстракция. Хороший пример — опять-таки Варалло. Когда там создавались изображения страстей Господних, в альпийских долинах поселялись вальденсы, признанные еретиками пришельцы из Франции. Построенный францисканцами «Новый Иерусалим», обладавший огромной силой внушения, облегчил организацию крестовых походов против вальденсов — «врагов» Иисуса. Это не удалось бы без пыла местного общества.

— *Неужели правы были византийские иконоборцы, борясь с живописью, уничтожая образа, в особенности те, на которых изображен был Христос? Христианские императоры и византийские богословы жгли иконы Христа, веря, что живопись — преступление против Бога.*

— Речь идет не о правоте, а о страхе, который нельзя назвать неоправданным, — страхе, что натуралистическое изображение будет действовать как настоящий человек или вещь, возбуждая сильные чувства. История византийского иконоборчества отражала и богословские споры о Божественной и человеческой ипостасях Христа. Иконоборцы были монофизитами, исповедниками одной Божественной ипостаси Христа. Отсюда их враждебность к изображению Его человеческого лика рукой иконописца. Отсюда же истории об archepoietoi — «истинных

образа́х», не сотворенных человеческой рукой, к которым принадлежит отпечаток Лица Иисусова на покрывале св. Вероники. Страх перед натуралистическим изображением характеризует также иудаизм и ислам. Отвращение к натурализму ощутимо в японском искусстве, более формализованном и абстрактном, чем западное. «Истинный образ» или отсутствие такового определяют культуру. Чтобы показать это, я написала «Веронику и ее покрывало».

— *Может быть, искусство снова требует sacrum?*

— Не знаю, что на это ответить. Я неверующая. Но религии меня необычайно интересуют. Мне было 14 лет, когда я побывала в монастыре Сан-Марко во Флоренции и пришла в восторг от фресок Фра Анджелико. Если бы меня принял какой-нибудь монастырь, я расписала бы в нем келью за кельей. Религия и искусство веками шли рядом, взаимно друг друга вдохновляли. Я нуждаюсь в искусстве, другие — в религии. Это схожий опыт. Моя точка зрения, разумеется, неприемлема для верующего. Моя книга «Вероника и ее покрывало» всюду вызвала бурные эмоциональные отклики. «Нью-Йорк таймс» попросил написать на нее рецензию профессора богословия из Чикаго, который не мог мне простить, что я сравниваю высокие религии (читай: христианство) с низкими, например синтоизмом. В Польше отклики выглядели иначе: авторы как положительных, так и отрицательных рецензий подчеркивали, что книга — продукт моего художественного воображения, совершенно умалчивая о моем исследовательском вкладе и о том, что «Веронику» опубликовало серьезное научное издательство из Оксфорда «Бэзил Блекуэлл».

«Летят желтые птицы»

— *В «Захенте» будут одновременно проходить выставки двух художниц — ваша и французского скульптора Луизы Буржуа. Возникает вопрос: существует ли женское искусство — или это попросту искусство?*

— В искусстве меня интересует индивидуальное, исключительное. Каждый человек неповторим. Но эту единственность трудно извлечь, ибо искусство состоит из условностей. А люди, в том

числе и художники, стремятся походить друг на друга. Однако важно не то, что типично, а то, что отличает. Пол — это тоже различие.

— На варшавской ретроспективе вы покажете свои фотографии, где позируете обнаженной. Это тоже нарушение какого-то запрета?

— Я сделала тысячи автобиографических снимков, первые еще в 1959 г., на каникулах в Италии, когда папа подарил мне фотоаппарат с автоспуском. Зимой 1969 г., катаясь на лыжах в Закопане, я упала и поранила лицо. Быстро помчалась за фотоаппаратом, чтоб сфотографироваться на снегу. Это был импульс. Глядящий на меня глаз аппарата всегда возбуждал меня. Часть самых радикальных фотографий будет показана только после моей смерти.

— Готовы ли вы раскрыть себя в своем искусстве — фотографиях, тканях, романах?

— В моей семье всё скрывали: трагическую историю моей мамы, спрятанной от немцев отцом еврейки, ее психическое заболевание, болезнь брата. Мама, должно быть, пережила во время оккупации что-то ужасно травматическое. До конца жизни она жила прячась — и в жутком страхе. Боялась за меня и за брата. Чтобы ее не травмировать, я ничего не выясняла. Польша — страна камуфляжа, из которого мы постепенно выбираемся. Я сама начала говорить о себе только в Америке. И только там начала писать романы. «Век 21» и «Гранд-отель «Ориенталь»» содержат много автобиографических элементов.

Два последних года я работала над инсталляцией «Летят желтые птицы», посвященной моим родителям. Маму преследовали галлоцикации — желтые птицы; она восторгалась искусством Ван Гога. Эта инсталляция — мой первый опыт встречи лицом к лицу с маминой одержимостью, с гибелью ее близких — дедов и бабок, родителей, сестры, — а одновременно и с тем, что благодаря отцу она спаслась. И нас родила. Что было все-таки своеобразным чудом и своего рода хеппи-эндом.

Эва Курьлюк — живописец, автор инсталляций, художественный критик. Живет в Париже и Нью-Йорке. Издала сборники статей об искусстве: «Венский Апокалипсис», «Саломея, или О наслаждении», «Путешествие на границы искусства», «Вероника и ее покрывало», сборники стихов и написанные по-английски романы «Век 21», «Гранд-отель «Ориенталь»», «Энциклопедия эротик». Недавно опубликовала «Art mon amour [Искусство, любовь моя]. Очерки об искусстве». Член редакционного коллектива журнала «Земель литературы» («Литературные тетради»).

Учредитель «Amici di Tworcki», международного товарищества художников, предназначенного для дохода с аукционной продажи своих произведений в пользу психиатрической больницы в Творках под Варшавой. Благодаря этому товариществу пациенты больницы выставляют свои произведения в зарубежных галереях.

С 20 января по 2 марта этого года в варшавской галерее «Захента» проходила ретроспективная выставка художницы «Air People» («Воздушный народ»), где были показаны картины, инсталляции, фотографии.

Беседу вели:
Агнешка Сабор и Ян Стшалка

Здравствуйте, дорогие друзья!

Я являюсь давним читателем (а также и почитателем) вашего журнала. Читаю с удовольствием, нахожу его очень интересным, отличающимся безупречным вкусом и весьма взыскательным отношением к публикуемым материалам. По крайней мере в этих качествах журнала я не сомневался до тех пор, пока не прочитал № 12 за 2002 год. В этом номере под заголовком «Почему Сталин истребил своих генералов» приводится беседа с историком профессором П. Вечоркевичем. К моему огорчению, как мне кажется, эта публикация не вполне соответствует упомянутым высоким критериям журнала. Разумеется, публикуя материалы на столь дискуссионную историческую тему, редакция не может отвечать за уровень их научной достоверности, и я не собираюсь вступать в полемику с господином Вечоркевичем по сути его исторических изысков, хотя и решительно не согласен практически ни с одним его утверждением. Но тон, господа, каков тон!

Согласитесь, весьма странная аргументация в научном споре по поводу работы оппонента: «Гнусная книжка». Ничего не скажешь, блестящий научный довод! Далее, приписывая В. Суворову утверждения, которых в книге «Очищение» нет и в помине, уважаемый профессор убеждает нас в том, что просто её не читал.

Это вам ничего не напоминает? «Я, конечно, книгу Пастернака (Даниэля, Галича, Солженицына, Войновича и т.д., и т.д., и т.д. ...) не читал, но заявляю, что это гнусная книга». Такими перлами изобиловали в своё время советские средства массовой информации, приводя множество «гневных откликов трудящихся, клеймящих позором жалких клеветников с их гнусными измышлениями».

Не дай вам Бог уподобиться им даже на йоту, чего от всей души и желаю!

А уважаемому профессору, прежде чем обвинять В. Суворова в невежестве, следует попробовать опровергнуть хотя бы один из сотен строго выверенных и аргументированных фактов, которые приводятся в его публицистических книгах., «Очищении» в том числе. Но только, пожалуйста, не методом газеты «Правда» советских времён.

С уважением и пожеланиями дальнейших успехов журналу «Новая Польша».
Ваш читатель Минасян Александр Григорьевич, по профессии врач, 54 года.

Письмо нашего читателя редакция передала профессору Института истории Варшавского университета Павлу Вечоркевичу. Вот как его прокомментировал историк.

Господин Александр Григорьевич Минасян чуть ли не утверждает, что мне не приходилось читать книг Суворова. Позволю себе высказать противоположное мнение. К примеру, именно в его «Очищении» (об этой книге идет речь) содержится тезис о будто бы благотворном влиянии чистки на состояние Красной Армии в 1941 году. Суворов также считает, что Красная Армия в июне 1941 г. была самой могучей армией мира. В свете ведущейся в последнее время очень серьезной полемики между российскими историками на тему поражений на начальном этапе войны с этим нельзя согласиться. Может быть, уважаемому читателю стоит задать себе вопрос: почему эта сильная и «очищенная» армия не дошла за три месяца до Берлина?

С уважением,
Павел Вечоркевич.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

М. Выка о Станиславе Бжозовском
Х. Геремек о Фадее Зелинском
А. Колаковская о политкорректности
К. Бурнетко: Газетный киоск
Я. Венгерский о Солженицыне
Проза Павла Хюлле
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Я. Стшалка беседует с Анджеем Вайдой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши люди: Яцек Возняковский
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд,
В. Скальмовский, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Подсядло, Длугоша и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

PIŚMIENISZCZYSTWA ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%